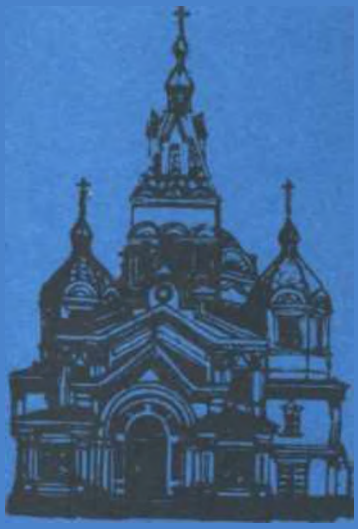
К ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ



К ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(XIX - XX вв.)

ТАШКЕНТ
“УЗБЕКИСТОН”
1998

Составитель: Л.И.ЖУКОВА
Научные редакторы:
доктор искусствоведения, академик Академии наук
Республики Узбекистан Г.А.ПУГАЧЕНКОВА
доктор исторических паук, академик Академии наук
Республики Узбекистан Ю.Ф. БУРЯ КОВ
историк-археолог Л.И.ЖУКОВА
Рецензенты:
кандидат юридических наук А.Т.ЮНУСОВА
кандидат архитектуры А.А.ЗИЯЕВ

С включением во второй половине XIX века Средней Азии в состав Российской империи начался приток сюда населения, исповедующего христианство — в основном русских православных, католиков (поляков и др,), протестантов (немцев), григориан (армян), а также представителей мелких христианских сект.

При тоталитарном советском режиме была дана установка на уничтожение религий, в частности, преследование пребывавших здесь христиан.

Но со времени перестройки, и особенно обретения республиками Средней Азии независимости, отмечается новое оживление религиозной жизни — как среди мусульман, так и сторонников других религий. Проследить этот процесс в отношении христианских конфессий ставит целью настоящая коллективная работа ученых, краеведов, журналистов и богословов, которая носит как по стилю, так и по содержанию разносторонний, а местами и дискуссионный многогранный характер.

Она предназначена для широкого круга читателей, интересующихся вопросами общественно-духовной жизни населения среднеазиатского региона.

**КНИГА ИЗДАНА НА СРЕДСТВА
РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ПРИХОДА
г.ТАШКЕНТА**

© Римско-католический приход г. Ташкента

© Издательство «УЗБЕКИСТОН», 1998 г.

Легче зажечь
одну
маленькую
свечу,
чем клясть темноту

Конфуций

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.Ф. Буряков, Л.И.Жукова, В. Н. Проскурин
К истории христианства в Средней Азии 5
В. Н. Проскурин
Православие Семиречья в памятниках истории и культуры
Казахстана (X1X-XX вв.) 47
Ев. Доцук
Собор над городом.....62
Ю.А.Елгин
Православное церковное зодчество юга Казахстана.....65
В.Д. Горячева, С.Я.Перегудова
Христианские памятники Кыргызстана (X1X-XX вв.) 87
В.Б.Заславский
Из истории православных храмов Ташкента..... 101
Протоиерей Леонид (Патрахин)
Село Троицкое (Ташкентская область)..... 116
Г. А. Юдина
За монастырской оградой 121
Н.Б.Завадовский
К реставрации обветшалых храмов 124
А.А.Хусайнова
Здания христианского культа в Самарканде
(конец XIX — начало XX вв.)..... 128
М. А. Юсупова
Христианское зодчество Ферганской долины
(конец XIX — начало XX вв.)..... 132
М.А.Юсупова
Православные церкви Термеза..... 144
О. Р. Каретникова
Благотворительная и общественно-просветительская
деятельность служителей православной церкви в Туркестане 147
Русские православные в Туркестане
(конец XIX — начало XX вв.)..... 163
Л. В. Ошанин
Из жизни профессора Валентина Феликсовича
Войно-Ясенецкого — архиепископа Луки 167
Епископ Лука
Письмо из неволи..... 183
А. Д. Греков
Служение христианским идеалам 187
В. В.Германова, И.Х.Колемасова
Казаки-старообрядцы в Средней Азии 192
О.А.Гундогдыев
Некоторые данные о христианстве в Закаспийской области

(конец XIX — начало XX вв.) 198
А.А.Григорьянц
Армянская апостольская церковь в Средней Азии 201
О. В.Лисицкая
Характеристика источников по истории католицизма в
Туркестане (2-я половина XIX в. — 1917 г.) 209
А.Л. Спиридонова, В.Б.Заславский
Католики в Туркестане (конец XIX — начало XXвв.) 213
Л. И. Жукова
К истории римско-католического костела в Ташкенте 225
Н .Х. Кнауэр
Евангелическо-лютеранская церковь в Туркестане 226
И. Х. Кнауэр
Христианские секты в Туркестане 247
Словарь терминов 266

Ю.Ф.Буряков,
Л.И.Жукова,
В.Н.Проскурин

К ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В наше время широкое приобщение научной общественности к духовной культуре породило интерес к истории христианства — к путям его распространения в культурные регионы Запада и Востока, к сведениям о выдающихся носителях духовных идей, о борьбе мнений на различных этапах его развития.

Уже в XIX веке в странах Европы, России, в Средней Азии сложились инициативные и научные группы по изучению христианства, его литургической истории, анализу творческого наследия, отношению искусства к церкви и литургическим текстам. Большое внимание уделялось ритуалам и вещественным комплексам церковной символики. Само изучение духовной культуры и истории христианских народов в условиях широкого религиозного мировоззрения и не могло быть иным, чем церковное. Складывается даже целое направление церковной археологии, лидером которой в Европе был Дж. де Росси, в России — Б.В.Покровский, Н.П.Кондаков и другие. На многих съездах Императорской археологической комиссии звучали доклады на христианские темы и анализировался вещественный инвентарь из разных концов Российской империи, включая Туркестанский край (1, с. 145-153).

Трагическое положение церкви в России с 20-х годов нашего столетия привело к упадку и официальной науки о ней, хотя скрытая разработка этой проблематики продолжалась в историографии, археологии, этнографии, истории религии, как части духовной культуры. Сегодня она возрождается вновь.

В 1994 году был издан сборник, посвященный проникновению христианства в регион Средней Азии и Казахстана в первой половине I тыс. н.э. из восточных провинций Римской империи, а затем Византии через Сасанидский Иран. Средняя Азия оказалась доброжелательной обителью и местом встреч многих мировых религий, следы которых сохранились не только в письменных источниках, но и в вещественных памятниках архитектуры и археологии, в нумизматике и памятниках искусства. В нем рассказывалось о древних храмах христиан на широком пространстве от Туркмении на западе до Казахстана на востоке, о редких сохра-

нившихся памятниках христианской символики тех эпох, о благородной и трудной деятельности миссионеров на Великом шелковом пути (2).

В наши дни политика стран Центральной Азии, освободившихся от тоталитарной идеологии, направлена на предоставление свободного развития духовной культуры, и в том числе духовных воззрений, всем народам, населяющим эти регионы. Возвращаются храмы и разрешается свободное волеизъявление представителей разных религий. И провозвестники всех христианских конфессий Средней Азии (как и других культов) активно включились в восстановление своей истории. В качестве примеров можно вспомнить "Слово об истории христианства в Средней Азии в день памяти святого апостола Фомы" архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского владыки Владимира (3), сборник статей о Евангелическо-лютеранской церкви в Узбекистане (4), разделы о христианах-армянах (5) и многие другие публикации (6). В последние годы были получены новые интересные данные по ранним этапам христианства в Средней Азии, в частности, свидетельства о мервской общине, первой получившей статус митрополии (7). Распространение христианства, сопровождавшееся образованием митрополий, здесь связывается с походами Шапура (с середины III в.) в Сирию, откуда выводится масса расселившихся на окраинах Иранского государства людей, среди которых были и христиане, входившие в состав Восточной церкви. В авторитетных согдийских свидетельствах в числе первых активных деятелей Восточной церкви в Средней Азии упоминается владыка Бар Шаба, который обратил в христианство жену и детей сасанидского шахиншаха Ардашира Сапора. Сосланный из столицы Ирана вместе с царицей в Мерв, он многих здесь излечил и обратил в христианство. Купив землю и воду, построил здесь укрепления, караван-сараи, дома, заложил сады. В местностях Фарес и Бургена, Абаршахра, Серахса, Мерверуда и других центрах он возвел божьи дома, во всех местах — крепостях и деревнях — поставил пресвитеров, диаконов, чтобы последние заботились о людях и исполняли божественную службу (8). В других документах есть сведения о назначенных епископах Мерва. Среди них упоминается Эбидиеэжа, который до этого был епископом Исфагана.

В некоторых источниках среди участников I Вселенского Никейского собора, созванного в 325 году византийским императором Константином I, впервые объявившим христианство государственной религией, назван епископом Мерва Илия. На этом соборе, а затем на Константинопольском, проведенном в 381 году,

были приняты основные символы веры христиан, которые, однако, не получили полного распространения на Востоке (9, с. 81).

Исследователей всегда будут привлекать первые, слабо сохранившиеся страницы нового страстного учения, увлекавшего страждущих, бедных и угнетенных. По археологическим материалам проникновение христианства в Среднюю Азию относится к III веку н.э., что подтверждается и письменными источниками о функционировании здесь христианских общин. Широкое распространение христианства чаще всего связывается с гонениями на несториан, активно переселявшихся в Иран и сопредельные области Средней Азии. Уже само формирование крупных общин и митрополий к III веку н.э. должно свидетельствовать о большом предварительном процессе проникновения в эти регионы христианства задолго до первой схизмы, связанной с расколом в духовенстве. Этому способствовал сам характер новой религии, обращенной к широким слоям населения, независимо от их социального статуса и экономического состояния. В самых ранних речах проповедников звучала мысль: "Зажегши свечу, не оставляй ее под сосудом, но на подсвечнике, — и свети всем в доме". А в Евангелии от Фомы прямо провозглашалось: "То, что ты услышишь твоим ухом, возвещай это другому уху с ваших кровель. Ибо никто не зажигает светильника (и) не ставит его в тайное место" (10, с. 55). Тождественные мысли разных провозвестников показывают открытость христианского вероучения.

В этом плане больше внимания следует обратить на деяния апостолов, свято исполнявших завет Учителя: "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие!". Наиболее трудная миссия выпала на долю "последнего свидетеля Господня" Фомы Близнеца, который был наиболее упорным и которому выпало путешествие в неизведанные страны далеко на Восток. Обычно миссию его связывают со странами индийскими, с браминами Индии (11, с. 121-137). Но путь его пролегал через земли парфян, гирканцев и бактрийцев, т.е. через Среднюю Азию. И везде на пути он сеял зерна христианства.

И случайно ли могилу апостола Матфея помещают в комплексе армянского монастыря на северо-восточном побережье озера Иссык-Куль в Кыргызстане?

С III века н.э. начинается активное проникновение христианства в Среднюю Азию, носившего первоначально характер ортодоксального учения, сторонников которого называли мелькитами. Община мелькитов долгое время сохранялась в северных районах Средней Азии, в частности, в Хорезме. Долг исследователей — найти вещественные следы этих первых общин, предшествую-

щих известным с III века н.э. митрополиям сперва Самарканда, а затем и других крупных центров.

Источники упоминают среди мервских святых Мар Георгиоса Марвазайя, который жил в VI веке и основал христианский монастырь в округе Мерва. Сообщается, что он жил в деревне Зарк (Зирак) в северной округе Мерва в шатре, который сделал сам. Вокруг него собралась община и он построил монастырь со школой и церковь, где был сам погребен. Зарк (Зирак) упоминается ат-Табари в связи со сражением Хариса бин Сурейджа с арабами под Мервом в 734 году.

Это селение отмечает среди пунктов Мервской округи Якуби (12, с. 148), а Истахри сообщает, что близ него происходило разделение вод Мургаба на многочисленные каналы. Около этого пункта в 651 году был убит последний шах Ирана Иездигерд, останки которого были похоронены в специальном наусе мервским митрополитом (12, с. 173-174).

Вот как об этом пишет арабский историк ат-Табари: "Епископ Мерва нашел его, перенес и, завернув его в умащенный мускусом тайласан (длинное полосатое головное покрывало), положил его в гроб, который перенес в Па-и Бабан в нижнем течении Маджана, и поместил в сводчатом здании, где обычно бывали епископские собрания, и замуровал вход" (13, с. 29).

Судя по датировке и топографии, монастырь, построенный несторианским монахом Марвазайей, может быть соотнесен с археологическим памятником Хароба Кошук, возведенным в относительно пустынной местности на пути из Мерва в Хорезм в пределах поселения VI—VII веков близ крупного укрепленного строения, связываемого археологами с замком феодала. Археологические исследования свидетельствуют о полном отсутствии в этом месте каких-либо археологических остатков более раннего времени (14, с. 126-129). Не исключено, что с именем святого Мар Георгиоса Марвазайя может быть связано строительство самого замка, именовавшегося в христианских источниках "шатром" (7, с. 73-74). Сама церковь значительных размеров свидетельствует о наличии здесь большой общины христиан.

Мервские епископы участвовали во многих последующих соборах, причем, пользовались значительным авторитетом. Так, на соборе 554 года из тридцати шести епископов крупная Мервская митрополия имела седьмой ранг (7, с. 82-89, 95-96).

Из трех основных течений христианства — мелькитства, монофизитства (яковитов) и несторианства в Средней Азии преобладало последнее. Поэтому епископ Мерва Фаруман участвует в важном соборе 486 года, на котором решался вопрос, какому из главных течений быть принятым Восточной церковью.

В 497 году с участием среднеазиатского епископа Иоханнана проходил собор в Селевкии, на котором шли дискуссии несториан и монофизитов.

Проникновение учения на Восток шло постепенно. Христианству приходилось тесно соприкасаться, а временами и соседствовать, с другими религиями. Примером может служить храм в Согде в Ургутском районе, южнее Самарканда, известном в источниках как христианское селение Вазгирд. Недалеко от него сохранились руины памятника Кош-тепа V-VII веков н.э. При его раскопках был вскрыт зал типа византийских христианских храмов. Интересна находка в одном из помещений венчика крупного сосуда-хума, на котором оттиск печати с изображением двух мужских фигур. Один мужчина в длинном парадном одеянии, с высоким пышным головным убором стоит в полный рост, в руках книга и высокоподнятый крест. Второй — в парадной одежде, возможно, в короне, стоит коленопреклоненный. Это, несомненно, обряд крещения. Но в этом же храме, наряду с христианской символикой, оказался алтарь огня. Исследователи полагают, что здесь в одном храме исполнялись два обряда, так как в сельской местности вряд ли были специальные раздельные храмы (15, с 88-97).

Христианство было популярно среди тюркских кочевых народов доисламской эпохи. Одним из известнейших на Востоке христианских проповедников был епископ Илия, активно обращавший в веру тюркские племена, включая их правителей. Его труды пользовались большим авторитетом в христианской среде и Востока и Запада. И в историю епископ вошел как "апостол тюрок".

В восточных районах Средней Азии вырастает новая митрополия для тюрок-кардуков с центром в Невакете (городище Красная речка), а источники упоминают несколько епископов-тюрок.

Интересно отметить влияние христианства на другие культы. Так, в западной части Ташкентского оазиса близ реки Сырдарья в древней столице владения Чач был раскрыт храм середины I тыс. н.э., связанный с почитанием духа предков и поклонением огню. Дары храму опечатывались глиняными печатями-буллами с именами жрецов — хранителей храма. Во время одного из пожаров дары пострадали, но буллы, обгоревшие в огне, превратились в овальные терракотовые пластинки, на которых вместе с портретами жрецов сохранились надписи с именами и титулами (16, с. 217-237). Известный палеолингвист согдолог из Санкт-Петербурга В.А.Лившиц на одной из печатей прочел написанную по-согдийски надпись "Аспасак Санак Каватенак" — "Епископ Санак сын Кавата". По палеографии надпись датируется не позднее V — начала VI веков, хотя архаичность написания не ис-

ключает и IV век н.э. Главное слово здесь Аспасак — "Прислуживающий". По мнению В.А.Лившица, этот титул в манихейских текстах означает епископ и (архи) диакон. И если учесть, что манихеи широко заимствовали термины церковной иерархии у христиан, то, значит, в III-IV веках эта терминология, а, следовательно, и христианское учение было распространено и в областях Средней Азии к востоку от Сырдарьи. Исследователь считает, что этот термин указывает на христианскую принадлежность владельца геммы Чача III-IV веков н.э. и ставит вопрос: можно ли предполагать распространение ортодоксального христианства в Чаче в это время и действительно ли данный комплекс является храмом огня, при пребывании в нем булл христианского иерарха? Небезынтересно и само имя владельца Санак — "Подымающийся [к божеству]" (17, с. 4, 7).

И, наконец, при характеристике ранних христианских комплексов следует упомянуть пещерные христианские комплексы на юге Средней Азии, не отмеченные в первом выпуске сборника.

В 1967 году в Таджикистане неподалеку от селения Айвадж Шаартузского района на склоне правого берега Амударьи строители заметили остатки каких-то старинных помещений. При изучении были выявлены вырубленные в глинистом сланце прекрасно сохранившиеся группы пещерных помещений. По всем данным это был христианский монастырский комплекс. Особый интерес в нем представлял миниатюрный купол помещения № 18, украшенный выпуклым крестом, имевшим не конструктивное, а идейное звучание, отражающее символику культа. Судя по особенностям архитектурного оформления, монастырский комплекс датируется V-VIII веками (18, с. 187-204). В другом районе Таджикистана — близ Пенджикента исследован могильник Дашт-Урдакон VII века. Здесь оказались подбойные могилы и в частности погребение девочки с бронзовым нательным крестом, а также хум с костями (что характерно для зороастрийского обряда), на стенке которого грубое изображение наклонного креста (18-а, с. 128).

С приходом ислама влияние христианства в оазисах Средней Азии начинает сокращаться. Хотя арабы не противодействовали христианству, считая жителей общин "людьми книги", а Учителя христиан одним из пророков, но на них наложили специальный налог — выкуп и охрану неприкосновенности их жизни, как на всех немусульман, приверженцев иных обрядов. Источники отмечают для IX-X веков, что города и поселения в Согде и Чаче имели наиболее крупные общины христиан. Это подтверждает и самая последняя находка, сделанная в 1997 году ташкентским краеведом С.Ашировым, который на городище Шахрухия (Ташкентская область) нашел керамический светильник — чираг с

изображением креста на днище, а также бронзовую крышечку (возможно, от кадила, чернильницы или другого предмета) с процарапанным изображением несторианского креста (19).

Христианский комплекс с церковной утварью IX-XII веков был открыт в Старом Термезе. Однако более глубоко христианство распространяется в восточных районах с преобладающим кочевым населением. Интересным свидетельством этого являются многочисленные христианские погребальные памятники Семиречья. Ряд их уже введен в литературу, но здесь хотелось бы остановиться на одном из наиболее ярких — Пишпекском, открытом в 1885 году.

Обнаружение его связывается с поездками Н.Н.Пантусова и Ф.В.Пояркова, хотя, как выясняется, впервые их отметил межевщик Семиреченского областного управления Т.Андреев. Н.Н.Пантусов вскрыл более 80 могил. В целом же он считал, что кладбище содержит около трех тысяч погребенных. Это открытие вызвало большой интерес в востоковедении. Переводом и анализом надписей пишпекского кладбища занимались многие востоковеды — Д.А.Хвольсон, Ф.Е.Корш, В.В.Радлов, А.К.Коковцев и другие. Памятники относятся в основном к XII-XIV векам (20, с.42). Нельзя не отметить продолжающуюся сегодня дискуссию, посвященную интерпретации объектов в тех же восточных районах, в частности Таш-Рабата в ущелье хребта Атбаш Киргизии, определенного С. Я. Перегудовой как несторианский храм. Между тем, ряд исследователей склоняется к тому, что комплекс выполнял функцию рабата, т.е. был предназначен для пребывания военных отрядов, посольских делегаций, небольших караванов (20-а, с. 160-170).

При Темуре из Армении в Самарканд было перемещено небольшое количество армян григорианского толка вместе со священником Карапетом Джугаеци, который впоследствии стал епископом общины (5, с. 19).

Однако в XVI-XVII веках христианство в крае постепенно замирает, хотя известны случаи, когда в XIV-XVII веках Центральную Азию, главным образом Восточный Туркестан, посещали миссионеры — римские католики.

Косвенные сведения о распространении христианства в среднеазиатском регионе содержатся в книге "Путешествие Шардена по Закавказью в 1672-1673 годах", где говорится о монашеском ордене Театинцев, которые "прежде имели дома в Туркестане", хотя ко времени поездки автора монахи там уже были истреблены.

Академик Паллас, сообщая о посещении в 1769 и 1779 годах Яика (Уральск), приводит любопытные сведения о христианах, среди которых упоминаются потомки туркмен (21, с. 42).

В 1831 году в Бухару с миссионерскими целями приезжал референт Йосеф Вольф, живший в Англии и владевший персидским и еврейским языками. Миссионерскую деятельность в Бухаре он проводил потому что, как он сам подчеркивает в своих записях, был евреем-христианином и хотел привлечь в свою веру преимущественно местных, так называемых бухарских евреев. Попытка потерпела неудачу (22, p. 118-119).

Возможно, что в конце XVIII века Новопатрасский митрополит грек Хрисанф приезжал в Бухару тоже с миссионерскими целями, хотя он сам в коротких заметках свою поездку объясняет простым любопытством (23, с. 3).

Свидетельством тому, что в древности на территории Средней Азии, наряду с другими религиями, были распространены течения христианства, является факт использования его терминологии в сочинениях ученых мусульманского Востока. По мнению ориенталиста Ф.Сулеймановой, они прекрасно разбирались в особенностях христианства. Так, христианство вообще называлось "Исавийя" от восточного имени Иисуса — Иса. Несториане же как особая ветвь этого учения, связанного с именем Патриарха Нестория, носили название "насарония". Примером такого использования термина в определении христиан может служить выделение этого понятия среднеазиатским ученым Алихангуром Согуни (1885-1976) в его "Истории Мухаммада" (24, с. 11, 14).

Первые русские поселения появились в Восточном Казахстане в конце XVII века. В труднодоступных горных долинах реки Бухтармы находили прибежище крестьяне из центральных русских губерний, спасавшиеся здесь от экономического и религиозного гнета, а также от рекрутчины. Эти поселения долго оставались неизвестными правительству и лишь с 1791 года жители их были официально включены в русское подданство.

Бухтарминцы жили обособленно и даже в 40-х годах XX века поражали этнографов своей архаичностью.

В 60-е годы XVIII столетия славянское население этого региона значительно увеличилось за счет русских старообрядцев (раскольников), бежавших от религиозных преследований за польские рубежи, но затем принудительно возвращенных на родину (поэтому их стали называть "поляками") (24-а, с. 667).

С середины XIX столетия начинается новый этап оживления христианства в Средней Азии. Он связывается с территориальными устремлениями России на юг. Ее укрепления — пограничные линии сначала строятся в степных районах. Затем, с вхождением в состав государства казахских жузов, границы приближаются к узбекским ханствам. Поэтому вначале христианские общины и храмы, обслуживавшие воинские посты и гарнизоны, появляют-

Рис. 1. Ташкент. Спасо-Преображенский собор. *1886 г.*

ся на территории Казахстана. Самым простым храмом была походная церковь воинского отряда, представлявшая собой обычную палатку или легкую временную постройку. Походный иконостас и другую церковную утварь воинский священник возил с собой, открывая в местах остановки отрядов временный молитвенный дом.

Сначала походные церкви существовали во всех туркестанских стрелковых бригадах и закаспийских стрелковых батальонах. В 1910 году все туркестанские, закаспийские и западносибирские стрелковые батальоны были развернуты в 22 туркестанских стрелковых полка с учреждением при них походных церквей и штатных священников.

В отличие от них гарнизонные или полковые церкви возводились в местах постоянного квартирования военных частей.

Во второй половине прошлого века совершаются военные походы против среднеазиатских ханств, завершающиеся завоеванием территории, частично включенной непосредственно в состав Российской империи, и образованием в других полунезависимых ханств Бухарского и Хивинского. Попытки Англии проникнуть в Среднюю Азию из Афганистана подтолкнули Россию уделять больше внимания укреплению южных рубежей. На Амударье, фактически на землях бухарского эмирата, строится военное укрепление Патта-Кесар (Новый Термез). В укреплении по-

стоянно стоял гарнизон, а на территории вокруг него по договору 1882 года русские могли селиться и приобретать землю в личную собственность. Не случайно здесь, на самой границе с Афганистаном, возводится церковь военного ведомства, а позднее вырастает храм и в самом городе. Значительная часть русского населения была и в других пунктах Бухарского ханства — Чарджуе, Новой Бухаре, Керках. На христианских кладбищах первоначально строились маленькие часовни.

На включенных в состав Российского государства областях, в число которых входили оазисы с крупными древними городскими центрами — Ташкентом и Самаркандом, Кокандом и Маргиланом, формируются новые городские поселения. В них размещаются военные гарнизоны и органы управления краем. Появляется туркестанское чиновничество, быстро растет торгово-промышленное сословие.

Строительство Закаспийской железной дороги, появление паровозо-вагонной тяги, станций, депо и перегонов привели к формированию огромной армии рабочих, значительная часть которых пополнялась из русского православного населения. Поэтому, наряду со стационарными храмами, в крае постоянно функционировали передвижные вагоны-церкви, обслуживая христиан — строителей железной дороги.

По мере расширения колониальной политики в Туркестане начинается стихийное, а затем и более организованное переселение чаще всего неимущих, безземельных и малоземельных крестьян из центральных районов России. Большинство прибывших были христианами, преимущественно православного вероисповедания.

Распространение христианства шло постепенно, по мере административного и хозяйственно-экономического освоения Степного края, а затем и Туркестана. Пути движения религии соответственно шли в основном со стороны Западной Сибири и Оренбургской округи. Наиболее многочисленное православное население приходилось на области Тургайскую, Акмолинскую, Уральскую и Семипалатинскую.

В конце 70-х годов в среднеазиатский регион стали перебираться и фанатичные последователи различных вероучений старообрядческого толка. Старообрядцы-казаки в Туркестанский край были высланы в административном порядке. За ними потянулись сторонники сектантства. Этому способствовало разрешение законом от 27 марта 1879 года деятельности секты баптистов, объявленной "дозволенной". К ней примкнули некоторые другие сектанты (адвентисты, молокане и др.), представлявшие в целом значительную группу переселенцев в Туркестане (25, с. 32).

Но христианская паства Средней Азии росла не только за счет православия. В среду воинских контингентов (в первую очередь высшего и среднего офицерского состава) в Туркестан попадают также католики и лютеране. Они входили в разряд гражданской администрации, чиновничества, причем значительную часть их представляли немцы. Набор рядового состава в российскую армию проходил по всей территории России, то есть призывались также поляки, эстонцы, шведы, литовцы, латыши. Политическое движение в Польше, выливавшееся в вооруженные восстания или иные выступления, сопровождалось ссылками участников на окраины России, в том числе и Туркестан. Появляется здесь и лютеранское население из числа торговцев и ремесленников.

При переселении крестьян в Туркестанский край первоначально были установлены ограничения для неправославных, но затем (в 90-е годы XIX века) они были сняты из-за страшного голода в Поволжье. Вместе с крестьянами сюда переселяются и немецкие колонисты, в том числе и меннониты, отказывавшиеся от военной службы.

В первые годы XX века быстро растет община армян, продвигавшихся сюда с территории Кавказа. Армяне в Средней Азии занимались виноделием и шелководством, а также торговлей различными предметами ремесла и кустарным промыслом. Наиболее активно они расселялись в западных областях — от Закаспийского края вплоть до Самарканда, а также в Ферганской долине, в связи со строительством железной дороги и развитием хозяйственно-торговых связей России и Средней Азии через Кавказ.

Примечательно, что, согласно архивным источникам, в сводках о количестве христиан разных течений в начале XX века по Самаркандской области и Закаспийскому краю (Асхабад и Красноводск) армяне подразделяются на армян-григорианцев и армян-католиков. Последние составляли меньшинство (26).

Первая стационарная православная церковь была возведена в Средней Азии в укреплении Раим Сырдарьинской области в 1847 году. Через три года строится первый молитвенный дом в Семиречье — в Копальской казачьей станице, а в 1852 году назначается первый священник. Естественным военно-административным и культурным центром этого региона становится основанное в 1854 году укрепление Верный, быстро перерастающее в город. Здесь в 1858 году открывается церковь (27).

Во второй половине 50-х и в течение 60-х годов появляются приходы в станицах Большеалматинской (1856), Лепсинской (1858), Софийской (1864), Ирджарской (1865), Коксуйской (1866), Надеждинской и Высоколюбовинской (1867), Сарканской (1868), поселениях Токмак (1868) и Каракол (1869).

По штату в 1860-х годах было определено иметь постоянных военных священников в фортах № 1 (приход открыт в 1853 г.), № 2 (Кармакчи) — (1866) и Перовском (1854), укреплениях Аулиеата (1866), Джулек и Мерке (1866), Туркестане (1866). Кроме того, в Ташкенте (1865), Чимкенте (1866), Джизаке (1866), Ходженте (1866), в укреплениях Чиназ (1868) и Ура-Тюбе (1867). Затем был образован Зеравшанский округ, в котором открывались военные приходы — в Самарканде (1868) и Катта-Кургане (1868) (28, с. 6-9).

Все вышеназванные приходы, за исключением семиреченских и Токмака, состояли в ведении учрежденной в 1859 году Оренбургской епархии. Воскресенская церковь в Аральском (с 1854 года — Казалинск) и Богородицкая церковь в форте Перовском относились к благочинию священника крепости Орской, Петропавловская церковь в форте Александровском — к благочинию протоиерея А.Добровидова; девять церквей, устроенных по указанию Св. Синода с 1865 года на Сырдарьинской линии (в Аулиеате, Мерке, Туркестане, Чимкенте, Ташкенте, Чиназе, Джизаке, Ходженте, Ура-Тюбе) вместе с Зеравшанским отделом составляли Ташкентский благочинный округ (29, с. 280-282). Оренбургским епископом до 1866 года состоял Варлаам Денисов, а с 1866 года — Митрофан Вицинский (30, с. 318).

Семиреченские приходы относились к Томской епархии и делились на два благочиния: Заилийское и Лепсинское.

В интересах не только церковных, но и государственных, первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П.Кауфман в конце 60-х годов XIX столетия возбудил ходатайство об открытии самостоятельной Туркестанской кафедры. Ввиду обширной территории, обособленности и фактически автономного управления этот вопрос назревал уже достаточно давно и потому решился очень быстро.

По Высочайше утвержденному мнению Государственного Совета от 4 мая 1871 года и указу Св. Синода от 17 июня того же года за № 36 была учреждена Туркестанская епархия.

Первым центром православия в Туркестане стал город Верный, расположенный на самой восточной окраине генерал-губернаторства. Объясняют это двумя причинами. Во-первых, туркестанские генерал-губернаторы не разрешали открытия кафедры в Ташкенте, так как громкая, бьющая в глаза местного населения церковная обрядность могла повлиять на их авторитет. Во-вторых, наличие церковной власти наряду с административной могло быть истолковано как официальное давление на местную религию — ислам, и осложнить отношения администрации с коренным населением края.

Имперская администрация стремилась не вмешиваться в духовную жизнь коренного населения. Старые мусульманские институты были почти не затронуты. За мусульманским духовенством сохранялись привилегии. Православная церковь не придерживалась прозелитизма и старалась не навязывать свою веру лицам другого вероисповедания. В то же время нельзя обойти вниманием отдельные попытки миссионерской деятельности, в частности, Н.П.Остроумова, от которой он постепенно отказался. Ту же направленность имели и факты выдачи генералом-губернатором денежного вознаграждения представителям местного населения за добровольный отказ от мусульманства (31, с. 39).

В 70-х – 80-х годах XIX века в Туркестанском крае развернулась активная деятельность по открытию новых приходов и строительству стационарных храмов. Причем рост православных приходов не только не стал препятствием для интенсивного строительства мечетей, но, наоборот, в отдельных случаях как бы способствовал их увеличению.

Если в начале 70-х годов процесс возрождения христианства охватывал исключительно Семиреченскую область, то затем стал распространяться по всему Туркестану. Все большее количество приходов создавалось в Сырдарьинской и Ферганской областях.

К этому времени Средняя Азия и Казахстан в административном отношении не представляли единой общности. Разобщенность переселенцев восточнославянского происхождения в основном нивелировалась общей религией. Поэтому понятно, какое важное значение имел указ Св. Синода от 26 января 1901 года за № 610, по которому семь епархиальных приходов в Закаспийской области, бывшие в ведении Грузинского епархиального начальства, перешли в управление Туркестанской епархии, а Асхабад стал одним из центров православия края.

К началу XX века в Туркестане на 6,03 млн. мусульман приходилось 391 тыс. православных христиан (32, с. 45), или на 5340 мечетей — 306 церквей. Кроме того, здесь еще жило 10,1 тыс. старообрядцев; 8,2 тыс. лютеран; 7,8 тыс. католиков; и 17,1 тыс. христиан — сектантов всевозможных толков и 26 тыс. иудеев (33).

Из политических соображений туркестанским епископам запрещалось разъезжать по епархии чаще одного раза в пять лет, а в самом Ташкенте они долгое время не имели права содержать квартиру, но по данным старого туркестанца — известного археолога М.Е.Массона Великий князь Николай Константинович Романов в юго-западном флигеле своего дворца (1890) демонстративно содержал помещение для епископов, приезжавших в Ташкент.

Верненскому епархиальному управлению православной церкви все труднее было поддерживать связь с местной паствой. Но,

несмотря на постоянные ходатайства о необходимости переноса кафедры в Ташкент, располагавшийся в центре Туркестанского края, это было сделано только в 1916 году. Одной из причин послужило землетрясение 1887 года, разрушившее весь Верный, в том числе архиерейский дом и церковь Александра Невского. Для ликвидации его последствий духовному ведомству были выделены значительные суммы — на возведение из прочных строительных материалов новых храмов взамен разрушенных. Уже к 1899 году в Верном почти все церкви были отстроены заново.

Оттянуло перевод епархии в Ташкент и другое обстоятельство. В марте 1900 года самые значительные и благоустроенные церкви края перешли в ведение Протопресвитера военного и морского духовенства. В Туркестанской епархии остались лишь сельские приходы да несколько городских (28, с. 23).

В 1916 году по определению Св. Синода от 22 ноября — 9 декабря за № 8662, Высочайше утвержденному 16 декабря 1916 года, получено разрешение на местопребывание епископа Туркестанского и Ташкентского со штатом Кафедрального собора, архиерейского дома и духовной консистории в Ташкенте; в Верном предписывалось учредить на местные средства кафедру Викарного епископа с наименованием его Семиреченским и Верненским (Указ Св. Синода от 23 декабря 1916 г. за №№ 16419 и 16420) (34).

Высшей церковной инстанцией для обеих епархий предполагалось признать периодически созываемый поместный собор Туркестанской церкви. Перенос кафедры в новую епархиальную столицу был осуществлен в феврале 1917 года. И хотя к этому событию Русская православная церковь готовилась давно, из-за затянувшегося процесса сбора пожертвований строительство Кафедрального собора в Ташкенте к моменту перевода кафедры находилось в начальной стадии. На территории Александровского парка были всего лишь частично вырублены деревья и вырыт котлован под главный храм епархии. После Октябрьских событий работы были свернуты. Расчищенная территория в дальнейшем была выделена под мемориальный комплекс.

Епархиальное управление Туркестана имело характерную для всей Российской империи епископально-консисториальную форму устройства. И согласно духовному регламенту, консистория работала "не только как вспомогательный орган архиерея, но и как учреждение, ограничивавшее его индивидуальную волю оправданием распоряжений его ... в узаконенные формы". Она осуществляла все епархиальное управление за исключением учебно-воспитательного по духовному и светскому образованию юношества, что входило в ведение епархиального архиерея (35, с. 47, 243).

Дела в Туркестанской консистории — протоколы собраний с 1872 года, журналы, докладные реестры, метрические книги с 1850 года, исповедные росписи с 1853 года, клировые ведомости с 1854 года, дела комитетов по раздаче пособий, оказанию помощи пострадавшим, а также распорядительные, хозяйственные, судебно-следственные документы — распределялись не по роду их деятельности, а больше географически на два стола, соответствующих двум частям епархии — Туркестанскому и Степному генерал-губернаторствам (36). Это объясняется отчасти тем, что личный состав Туркестанской консистории был меньший, чем в прочих консисториях — всего три члена (37). Впоследствии духовному правлению удалось добиться увеличения штата до четырех человек.

В 1898 году секретарем Туркестанской духовной консистории являлся настоятель Кафедрального собора в Верном протоиерей Новоструев. Вместе с ним работали два ключаря того же собора и священник Алексей Шавров, который вскоре получил сан протоиерея. Сделавшись настоятелем Туркестанского Кафедрального собора, он стал, после священнослужителей И.П.Ракитина и Е.Родзаевского, секретарем духовной консистории в Верном (1907). Делопроизводством епархии занимались священники Гавриил Тихонравов, Михаил Андреев, Дмитрий Поливкин (38). В Туркестанской консистории смена секретарей происходила очень часто — каждые два-три года. В 1912 году пределы епархии оставил навсегда секретарь духовной консистории Митрофан Иларьевич Архангельский, а на его место был назначен секретарь Омской консистории, коллежский советник Михаил Богоявленский (39, с. 445).

Хотя многие и считали консисторию "учреждением архаическим" нельзя не признать, что она обслуживала нужды не только церкви, но и государства (метрификация, регистрация брака и проч.). Церковное правление своими средствами способствовало поддержанию порядка на кладбищах.

В церковно-административном отношении Туркестанская епархия по традиции делилась на благочиннические округа, имевшие каждый свой коллегиально-административный орган — благочинный совет, управляющийся назначенным отцом благочинным. В зависимости от количества приходов число благочиний в разные годы в Туркестане также было разным.

Организационные проблемы в Туркестанском крае и Закаспийской области решала и Армянская апостольская церковь. При поддержке католикосов Армении в Асхабаде, Кызыл-Арвате, Мерве, Красноводске, Самарканде и некоторых других городах открывались молельные дома и возводились красивые храмы, со-

здавались армянские церковно-приходские школы. Но проявлявшееся на Кавказе стремление армян к сепаратизму побудило царское правительство пресечь связи среднеазиатской церкви с Шемаханской епархией и переподчинить ее Астраханской. Однако в целом структура епархиальной иерархии мало изменилась вплоть до 1917 года.

Туркестанские католики проживали в основном в городах. До начала XX столетия их обслуживали католические священники, эпизодически приезжавшие из разных городов России. Но в 1902 году по ходатайству генерал-губернатора Н.А.Иванова Могилевский архиепископ назначил куратором католических приходов в Туркестанском крае высокообразованного и опытного священника из Санкт-Петербурга Иустина Бонавентура Пранайтиса, оставившего заметный след в истории католицизма России и Туркестана. Святой отец скончался в Ташкенте в 1917 году и похоронен на Боткинском кладбище. Его приемником стал отец Рутенис (1917-1925).

В 1877 году в Ташкенте создается община евангелическо-лютеранского исповедания и избирается приходской совет для руководства хозяйственной и богослужебной деятельностью. Юридическое оформление община получила в 1885 году, когда был образован туркестанский церковный приход, членами которого стали все живущие в крае лютеране. Приходским пастором с 8 июля 1892 года был назначен Юстус Юргенсен, 41 год своей жизни отдавший служению на туркестанской земле. В рамках прихода, но с самостоятельным советом с 1906 года, в качестве филиалов ташкентской, оформляются самаркандская и асхабадская общины. С 1932 по 1937 годы пастором евангелическо-лютеранской общины становится Г.Г. Берендс.

На стыке двух столетий на благотворительные пожертвования прихожан строятся первые скромные, но очень добротные молитвенные дома католиков и лютеран. Вместе с тем сооружаются и монументальные кирхи и костелы. Те и другие отражают стили культового зодчества, присущие местам исхода их мирян.

Первоначально, учитывая опасения русских священников о соблазнении православных в иную веру, императорским повелением проповеди во всех конфессиях и литургии разрешалось проводить либо на языках этнических общин, либо на латыни. Однако среди военнослужащих и большей части переселившегося гражданского населения основным языком фактически оставался русский. Поэтому запрет на использование русского языка в богослужении в кирхах и костелах вскоре был снят, и предписанием генерал-губернатора для проповедников католических и

лютеранских общин дано разрешение на проведение отдельных проповедей на русском языке при условии, если они будут читаться в то же время, когда совершаются богослужения в православных храмах.

Приток переселенцев — христиан был особенно велик во время первой мировой войны, когда в Туркестан стали привозить военнопленных. Пленные венгры, чехи, поляки, австрийцы впоследствии внесли определенный вклад в экономику и культуру Туркестана.

Духовную жизнь достаточно большого количества военнопленных разных христианских течений с 1914 по 1917 годы обслуживали священнослужители тоже из числа военнопленных. Так, среди пяти тысяч военнопленных, находившихся в Туркестане на 1 ноября 1914 года, было 53 священнослужителя славянского происхождения. Пленные офицеры (в большинстве славяне), пользовавшиеся особыми привилегиями, могли, видимо, иногда посещать и действующие христианские храмы. В "Положении о военнопленных" от 7 октября 1914 года военной администрации предписывалось "обращаться с ними человеколюбиво, не стесняя их в вероисповедании при условии соблюдения предписанных властью мер порядка и безопасности". Православная церковь Туркестана первая проявила инициативу духовного шефства над военнопленными.

В послефевральский период 1917 года руководители иностранных клерикальных организаций, а также представительство Всемирного союза христианской молодежи, возникшее в 1915-1916 годах, приезжали с благотворительной целью к военнопленным (39-а, с. 72).

В июне 1917 года туркестанская "Комиссия по делам военнопленных" в целях облегчения участи находящихся в плену солдат — чехов, поляков, сербов, хорватов, словенцев и представителей других дружественных России народов принимает решение ходатайствовать перед Временным правительством о предоставлении этой категории пленных возможности посещать храмы своих вероисповеданий (40, с. 66-67, 77).

Европейские выходцы из Туркестана, как местные, так и иностранные подданные — армяне, литовцы, эстонцы, финны, поляки, чехи, словаки, шведы, норвежцы, голландцы, датчане, французы, итальянцы, бельгийцы и др. были объединены в религиозно-земляческие организации, в первую очередь по принципу религиозной общности. Приезжавших сюда европейцев надолго или оседавших на постоянное жительство объединяло стремление к совместным религиозным праздникам, к обучению детей родному языку, тяга к воспоминаниям о родине. Например, к началу XX века в Туркестане насчитывалось 600-1000 греков (из

числа российских, турецких, греческих подданных), большая часть которых относилась к мелкой буржуазной прослойке (пекари, торговцы, ремесленники). Были среди них и довольно зажиточные предприниматели (41, с. 86-89). Возможно, в этот период здесь функционировали незарегистрированные молитвенные дома, в которых служба проводилась на родном языке.

Община эллинов продолжала свою религиозную и общественную деятельность до начала 30-х годов. Греческий клуб-школа занимал часть здания бывшей гостиницы "Шарк", расположенной в центре Ташкента.

Но, пожалуй, особенно активно работала польская религиозная община, в частности, в Закаспийской области в период деятельности настоятеля римско-католического собора в Асхабаде отца Железовского, занимающего с конца мая 1917 года пост председателя асхабадского комитета помощи полякам, пострадавшим от войны. 17 сентября 1917 года в Асхабаде была открыта польская школа на 54 учащихся. Помимо общей программы, обязательной для русских начальных школ, в этой и других школах дети поляков должны "были изучать польский язык и римско-католическое вероучение" (41, с. 77).

Аналогичные религиозные землячества зарубежных выходцев действовали в Средней Азии до конца 20-х начала 30-х годов.

В середине двадцатых годов здесь появились и первые поселения корейцев. В 1924 году под Ташкентом была зарегистрирована первая корейская сельскохозяйственная артель (42, с. 565).

В силу колониальной специфики Русская православная церковь в Туркестане отличалась рядом особенностей, возникших сразу же с ее появлением. Туркестанская епархия держалась особняком от других епархий страны. Именно на восточной окраине Российской империи перед духовенством стояли весьма недвусмысленные задачи и в политическом, и в культурно-просветительском, и в социальном аспектах. Большинство проблем вообще возникло здесь впервые. Многие из них решить традиционным путем было невозможно, а нетрадиционный путь мог породить новые проблемы.

Среди священнослужителей Туркестана особенно колоритной личностью являлся крупнейший иерарх русской православной церкви архиепископ Софония (42-а).

Софония (Сокольский Стефан Васильевич) родился в 1800 году в селе Эсько Тверской губернии. Окончил Санкт-Петербургскую академию в 1827 году. В том же году в Твери получил звание профессора всеобщей истории и греческого языка, в 1831 году в Вологде — звание профессора богословия. Являлся ректором семинарий и духовных училищ в Вологде (1831), в 1832 — в

Архангельске, в 1835 — в Орле, в 1839 — в Подольске, в 1844 — в Ярославле, в 1845 — в Твери и 1847 — в Могилеве.

Принял постриг и святое имя Софония 6 сентября 1827 года. С 1829 года иеромонах монастырей Вологодского Спасо-Каменского, в 1832 — Архангельского, с 1835 года архимандрит Мценского Петро-Павловского; с 1839 года Каменецкого Свято-Троицкого; с 1847 — Ростовско-Богоявленского; с 1847 года — Могилево-Братского монастырей. Настоятель русских посольских церквей в Константинополе с 1848 года, а с 1855 года в Риме. С 1863 года — епископ Новомиргородский, викарий Херсонской епархии.

Награжден орденами св. Анны I-й (1865) и 2-й степеней (1841), св. Владимира 3-й (1850) и 2-й степеней (1874). 16 сентября 1877 года в день пятидесятилетия служения церкви и Отечеству Софония был рукоположен в архиепископы. В 1850 году совершил паломничество по святым местам Палестины.

Преосвященный Софония был выдающимся церковным писателем и проповедником (издано полное собрание его сочинений в четырех томах). В Верном им написаны труды: "Из дневника по службе на Востоке и Западе преосвященного Софония, епископа Туркестанского и Ташкентского, в бытность его архимандритом при заграничных русских посольствах" (1874), "Современный быт и литургия иаковитов и несториан, и о церкви Армянской" (1876), "Слова и речи" (1876).

Был он близок творчески и духовно с Папой Римским Пием IX, несторианскими епископами Гавриилом и Урмием Михайлом, экзархом Грузии Евсевием, другими церковными, государственными и общественными деятелями мира. В совершенстве знал языки итальянский, французский, сирийский, персидский, турецкий. Ему принадлежит видная роль в обращении несториан Востока в лоно православной церкви. В 1894 году учреждена именная стипендия архиепископа Софония для воспитанников Санкт-Петербургской духовной академии. Умер он 26 ноября 1877 года в Верном, погребен в Большеалматинской станичной церкви, в деревянной раке, покрытой мраморной доской с эпитафией. Склеп был разорен во время реставрации культового памятника в 1989 году.

В качестве первого Туркестанского архипастыря Софония прибыл в свою епископскую резиденцию в Верный в мае 1872 года — почти через год после назначения. Принимал активные меры к возведению храмов практически во всех крупных городах Туркестанского края. Преосвященный Софония старался как можно лучше выполнить задачу, поставленную перед Туркестанской епархией — сохранять и распространять православие, охранять чисто-

гу нравов, ограждать от влияния других религий русское население. Образованный человек и ревностный хранитель веры, он часто встречался с гражданскими и военными чинами, состоял в различных научных обществах. Его стараниями в епархиальное управление перешли несколько храмов военного ведомства.

Александр (Кульчицкий), настоятель Русской посольской церкви в Риме в иеромонашеском сане, являлся членом Русской миссии в Пекине. В совершенстве знал китайский язык. 12 марта 1878 года в соборе Александро-Невской Лавры был возведен в сан епископа. Архипастырскую службу в Верном начал с 6 июня 1878 года.

Вступив на должность Туркестанского и Ташкентского епископа и ознакомившись с состоянием епархии, владыка пришел к убеждению о крайней необходимости учредить здесь Православную миссию. С этой целью была направлена записка туркестанкому генерал-губернатору Г.А.Колпаковскому, где он указывает, что такая миссия имеет по местным условиям не только религиозное, но и государственное значение. Однако своей цели ему так и не удалось достигнуть. С 6 августа 1883 года на покое. Скончался в Костроме.

Неофит (Неводчиков Николай Васильевич) родился в 1822 году в Санкт-Петербурге. В 1844 году окончил Московскую академию. Епископ Елисаветградский, викарий Херсонский. С 6 августа 1883 года по 22 ноября 1892 года на службе в Верном. Перемещен в Кишинев архиепископом Хотинским. Умер 9 марта 1910 года в Измаиле. Известный православный писатель и богослов. Он был творчески близок с Н.В.Гоголем, оставил о нем свои воспоминания.

На его долю выпала честь восстанавливать православные храмы после разрушительного верненского землетрясения 1887 года. Нелегко было заново строить церкви и молитвенные дома. Но еще труднее — найти образованных священников. "Священнослужители мало обнаруживают близкого и живого знакомства с Библией, не говоря уже об истории и учении церкви, как общеправославной, так и отечественной", — писал епископ Неофит в 1885 году (43).

Григорий (Полетаев Лев Иванович) окончил Казанскую духовную академию. Епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. С 21 ноября 1892 года по 18 февраля 1895 года служил в Верном. Перемещен в Омск. С 1901 года — управляющий Донским монастырем в Москве. Брат Полетаева Николая Ивановича (1862-1897), выдающегося церковно-школьного деятеля, магистра богословия Казанской духовной академии, подвижника Оренбургской епархии.

Туркестанская епархия при преосвященном Григории уже занимала обширную территорию. Однако крестьянские селения были, в основном, разрознены, а дороги — в ужаснейшем состоянии. Многие храмы в "глубинке" оставались без священников. Епископам приходилось выезжать в различные районы, освящать церкви и окормлять паству. Поэтому подбору достойных кадров владыка Григорий отдавал много энергии. Его воспитанников ласково называли "григорианцами". Человек открытый, но выдержанный, он не боялся начистоту резко говорить с самим генерал-губернатором А.В.Вревским, который, как и его предшественники, любил вторгаться в неподведомственную ему область православного духовенства.

Никон (Богоявленский Филипп Егорович) родился в 1831 году в Туле. Блестяще окончил Тульскую семинарию и поступил в Киевскую духовную академию, в которой окончил курс со степенью магистра богословия в 1855 году.

С 14 марта 1895 года по 19 июня 1897 года служил в Верном до дня своей кончины. Погребен рядом с епископом Софонией в мраморной раке. Во время реставрации храма (1989) могила осквернена.

Преосвященный Никон — известный церковный писатель — публиковался под псевдонимом "Православный". Будучи главой Туркестанской епархии добивался улучшения условий жизни священников, в абсолютном большинстве подвижников, которые трудились на совесть, бескорыстно. Сельские церковные служители имели в то время оклады 200-600 рублей в год (44). В Туркестане оплата пастырского труда являлась самой низкой в стране, а условия, пожалуй, самыми сложными. Что же касается предъявляемых требований, то они здесь превышали уровень других епархий.

Именно у владыки Никона впервые возникло намерение перенести епископскую кафедру в центр Туркестанского края — Ташкент.

Анастасий (Опоцкий) управлял Туркестанской епархией заочно с 28 июня по 9 ноября 1897 года.

Аркадий (Карпинский) родился в 1851 году в Орле, что на Волынщине. Окончил Московскую духовную академию. До Туркестана — епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии. В Верный назначен 9 ноября 1897 года, прибыл в 1898 году, 18 декабря 1902 года перемещен в Рязанскую (Зарайскую) кафедру. Умер в Иверском монастыре Новгородском.

Особое внимание преосвященный Аркадий уделял созданию и благоустройству сельских приходов. За время его пятилетнего пребывания в Туркестане было открыто 20 церковно-приходских

школ. Он также активно добивался утверждения архиерейской кафедры в Ташкенте.

Паисий (Виноградов) родился в 1852 году неподалеку от Новгорода. В 1872 году окончил курс Московской духовной академии вторым кандидатом по богословскому отделению. В Туркестане служил с 18 декабря 1902 года по 20 января 1906 года, когда был удален на покой и определен в Жировицкий монастырь Гродненской епархии, затем в Иоанно-Предтеченский монастырь Астраханской епархии. Умер 26 декабря 1909 года.

Недолгая пастырская деятельность епископа Паисии в Туркестане совпала с ратификированием Высочайшего Указа от 17 апреля 1905 года о веротерпимости, который предусматривал равное положение всех религий. Однако практически его реализация оказалась делом куда более сложным. Православная церковь в России по-прежнему продолжала занимать первенствующее положение.

Пребывание преосвященного Паисия в Туркестане отличалось большим количеством переводов и перемещений подведомственного ему духовенства.

Димитрий (Абашидзе Давид Ильич, князь Имеретинский) родился в 1867 году в Тифлисе. В 1891 году окончил Новороссийский университет и в мае 1896 года Киевскую духовную академию. В Верном служил с 20 января 1906 года по 25 июня 1912 года. Потом был перемещен на Таврическо-Симферопольскую кафедру. Участвовал в работе собора Русской церкви 1917-1918 годов. В 1919 году эмигрировал за границу, но в конце 20-х годов вернулся в Киев. Затем принял схиму и под именем Антония пребывал в затворничестве.

Хотя взаимоотношения светской и духовной власти в крае не всегда отличались терпимостью, епископ Димитрий умел находить общий язык с администрацией, что способствовало интенсивному возведению православных храмов. В 1906 году по его инициативе была учреждена религиозная газета "Туркестанские епархиальные ведомости". При нем в 1907 году состоялся съезд духовенства железнодорожных церквей Туркестана, посвященный борьбе с "красной пропагандой". На нем говорилось, что железнодорожные чины отличаются "языческим иконоборством и ведут ожесточенные гонения против христианства в лице духовенства". Не допускают постановку икон-киотов в вокзальных зданиях, устройства возле них часовен и молитвенных домов, а также вагонов-церквей (45, с. 141-142). При активном участии владыки Димитрия в июле 1909 года проходил I съезд духовенства Туркестанской епархии. Согласно уставу духовных училищ 1867 года подобные съезды должны были являться зачатками соборного

епархиального самоуправления и подведения итогов деятельности Туркестанского духовенства. Программа его заседаний была довольно обширной. Здесь разбирались вопросы об открытии среднего духовного и других учебных заведений, деятельности благотворительных обществ. Большое внимание уделялось миссионерскому делу (46, с. 80). Последние годы правления возглавителя епархии совпали с широкой миссионерской работой переселенцев-сектантов, что, естественно, вызвало противодействие как со стороны православной церкви, так и местной администрации. В 1911 году правительственным постановлением была создана антисектанская комиссия во главе со священником Ильиным. Однако ее деятельность ограничивалась лишь увещевательными беседами с православным населением, дабы ограничить его от уклонения в сторону иных толков и религий (47, с. 567).

Иннокентий (Пустынский Александр) родился в 1869 году на Вологодчине. В 1893 году окончил Киевскую духовную академию. В 1899 году получил сан архимандрита. Службу начал псаломщиком Кафедрального собора в Сан-Франциско. С 1909 по 1912 годы — епископ Аляскинский, Якутский и Вилюйский. С 25 июля 1912 года — епископ в Туркестане. Иннокентий стал первым епископом Верненским и Семиреченским, викарием Туркестанской епархии. В 1917 году преосвященный Иннокентий переезжает в Ташкент, который покидает в 1923 году. Умер в 1942 году в Алма-Ате.

На время пастырской службы архиепископа Иннокентия выпали самые трудные для Русской православной церкви годы после прихода большевиков к власти. Декретом от 23 января 1918 года было установлено отделение церкви от государства и школы от церкви. Помимо двух основных положений постановления, указанных в самом его названии, согласно декрету ведение всех актов гражданского состояния — отдела записей рождений, смертей и браков — передавалось исключительно гражданской власти. Религиозным и церковным обществам запрещалось владеть собственностью, они лишались прав юридического лица; все имущество церковных и религиозных обществ было объявлено народным достоянием. Церковные праздники заменились революционными. Св. Синод прекращает свои административные полномочия. Патриарх Московский и Всея Руси Тихон был лишен свободы и фактически отстранен от управления церковью. В результате Русская православная церковь осталась без ее канонического центра.

В 1918 году преосвященный Иннокентий, пользуясь тем, что располагает большей свободой действий в правлении, учреждает дополнительные викарийства в Аулиеате и Ашхабаде. В том же

году по его инициативе был проведен второй съезд епархиального духовенства, где была принята Декларация, подписанная 3 октября 1918 года, которая объявляла независимость Туркестанской поместной православной церкви и устанавливала новые формы поведения и деятельности ее пастырей. Однако оговаривалось, что она будет стремиться к установлению духовного общения со всеми другими православными епархиями.

Небезынтересно, что староцерковники в принятых "нормах", регулирующих деятельность духовенства, указывали, что "отделение церкви от государства не имеет для церкви иных последствий, как только благотворные, ибо глубоко соответствует природе христианской церкви, как царства не от мира сего" (48).

Однако тяжелейший кризис Русской православной церкви становится пагубным и для духовенства Туркестана. Его также охватывает раскол. В октябре 1922 года в целях сохранения староцерковного направления владыка Иннокентий рассылает по своим приходам архипастырское послание, но почти не находит единомышленников.

Были упразднены все церковно-приходские школы. Количество приходов резко сократилось. Проповедники под предлогом якобы сокрытия ими церковных ценностей подвергаются арестам и ссылкам. В 1918 году был расстрелян викарный епископ Верненский и Семиреченский Пимен (Белоликов Петр Захариевич. Родился в 1879 г.). Епископ Салмасский. Один из видных деятелей православной миссии среди несториан — айсор. Епископ принял кафедру 6 июля 1918 года.

Весной 1923 года архиепископ Иннокентий "в ожидании ареста (как "тихоновец", он знал, что черед его близок) возвел в сан епископа архимандрита Виссариона. Но не прошло и суток, как вновь назначенный епископ исчез в подвалах ГПУ, а потом был выслан из города. Вконец перепуганный Иннокентий также убежал из Ташкента, так никому и не передав церковную власть в Туркестане" (49, с. 76).

На фоне всеобщей паники трагического 1923 года ярким событием стало появление в Туркестане колоритной фигуры святителя Луки.

Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович) родился 27 апреля 1877 года в Керчи в старинной княжеской семье. В 1903 году закончил медицинский факультет Киевского университета. После возвращения с русско-японской войны в течение 14 лет работает земским врачом ("мужицким доктором"). В 1915 году он защитил диссертацию на степень доктора медицины, признанную в России лучшей работой года. Весной 1917 года болезнь жены заставила Войно-Ясенецкого переехать в Среднюю Азию,

где он становится главным хирургом Ташкента. В 1917-1923 годах — председатель Союза врачей. В 20-е годы принимает активное участие в организации Туркестанского университета. В 1920-1923 годах заведует кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии медицинского факультета. Потрясения, вызванные революцией и гражданской войной, усилили религиозность ученого. 2 февраля 1921 года он был рукоположен в священники. С 31 мая по 10 июня 1923 года — епископ Туркестанский и Ташкентский. С 1923 по 1933 годы с небольшими перерывами находится в ссылках и тюрьмах, но и там не оставляет ни своего священнического служения, ни своей медицинской практики и научной работы. В 1934 году, когда он был епископом Красноярским, в свет выходят его "Очерки гнойной хирургии", получившие блестящую оценку специалистов. С 8 сентября 1943 года — постоянный член Св. Синода, архиепископ. За книгу "Очерки гнойной хирургии" в 1944 году был представлен к Государственной премии первой степени (получил в 1946 году). Епископ Тамбовский (1944). По состоянию здоровья в 1946 году оставляет врачебную деятельность. С 1946 года — архиепископ Симферопольский и Крымский. Почетный член Московской духовной академии. Умер 11 июня 1961 года в Симферополе.

В 1995 году архиерейский собор Украинской православной церкви Московского патриархата причислил архиепископа Луку к лику святых.

18 марта 1996 года состоялось "обретение святых останков архиепископа Луки, которые 20 марта были перенесены в Свято-Троицкий Кафедральный собор Симферополя... Высокопреосвященный Владыка Лазарь освятил место в поселке Кацивели для строительства храма в честь святителя Луки."

Перу В.Ф.Войно-Ясенецкого принадлежат 36 научных трудов по медицине и 11 томов религиозных проповедей (50).

Кандидатом в епископы собора Туркестанского духовенства отца Валентина рекомендовал бывший Уфимский владыка Андрей (Ухтомский), в то время среднеазиатский ссыльный. Он же и постриг его тайно в монахи, — это было необходимой ступенью к возведению отца Валентина в сан епископа под именем Луки, так как по преданию евангелист и апостол Лука был иконописцем и врачом. Обряд рукоположения (хиротония) требовал участия двух архиереев. В Пенджикенте (таджикский городок в 70 км от Самарканда) в это время отбывали ссылку епископ Даниил (Болховский) и епископ Василий (Суздальский). Владыка Андрей тайком помогает иеромонаху Луке переправиться в Пенджикент.

Об отъезде из Ташкента архиепископ Лука вспоминал: "Я назначил на следующий день для отвода глаз четыре операции, а

сам вечером уехал в Самарканд в сопровождении одного иеромонаха, диакона, и моего старшего девятнадцатилетнего сына. [Вечером 30 мая они уже были в Пенджикенте]. Преосвященные Даниил и Василий, прочитав письмо Андрея Ухтомского, решили назначить назавтра литургию для совершения хиротонии и немедленно отслужить вечерню и утреню в маленькой церкви Святителя Николая Мирликийского, без звона и при закрытых дверях... Архиереем я стал 18/31 мая 1923 года" (47, с. 77-78).

10 июня 1923 года владыку Луку арестовали. Однако за эти 10 дней им, как епископом Туркестанским и Ташкентским, было сделано немало для разъяснения среди верующих православных сути предательства "живоцерковников". Да и своим личным примером новый владыка стимулировал духовенство быть верным традициям ортодоксального православия.

1917-1941 годы — самые сложные и критические для Русской православной церкви. Согласно Конституции РСФСР 1918 года (ст. 65), а затем и Конституции Туркестанской Республики 1920 года (ст. 86, 87), монахи и духовные служители церквей и религиозных культов не имели права избирать и быть избранными в советы, а приказ СНК Туркестанской Республики от октября 1918 года лишал монахов и духовных служителей церкви права на бесплатное лечение и содержание в местных лечебных заведениях (51, с. 10).

В то же время прослеживается позитивное отношение государства к отдельным неправославным сектантским общинам.

Антирелигиозная борьба с христианскими конфессиями иногда происходила с попеременным успехом: в ряде случаев неправомерные решения большевиков даже отменялись.

Старообрядцы — уральские казаки, чуждавшиеся не только местного населения, но и остальных русских, сразу стремились селиться монолитно, что способствовало консервации их религиозных традиций (42, с. 686, 695). Вот почему уже в первые месяцы установления еще довольно зыбкой советской власти в Аму-Дарьинском отделе кое-кто из местных властей "в Туркестане запретил казакам отправление церковных служб, служб с колокольным звоном, празднование Пасхи и т.п. Это их озлобило". Однако вскоре, во время мятежа казачества весной 1919 года, советские органы в тактических целях все запреты в отношении религии казаков-староверов отменили. По согласованию с их старейшинами "разрешалось казачье самоуправление согласно их обычаям, с учетом социально-культурных условий и особенностей их быта". Однако впоследствии многие из достигнутых "льгот" были отняты вновь (52, с. 11, 15).

В 1922-1929 годах был принят еще ряд законов, ущемляющих права лиц, причастных к религиозной деятельности. По мнению правоведа А.Т.Юнусовой, принятое 8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР Постановление "О религиозных объединениях" представляло собой документ грубейшего вмешательства государства в дела религиозных организаций. Имея целью отделение церкви от государства, ВЦИК и СНК РСФСР фактически поставил религиозные организации и верующих под постоянный и неослабный контроль со стороны местных органов власти. Провозглашая на словах свободу совести, свободу религиозной пропаганды, равенство верующих и атеистов, постановление на деле сводило свободу совести до унизительного минимума" (51, с. 11).

В этот период проводится беспощадный массовый террор против духовенства, ведется борьба с религиозной культурой. Большое количество священников публично отрекается от христианства. Однако это был не искренний отказ от веры, а желание оградить себя от репрессий.

И при всем том в Средней Азии отношение к православной церкви и другим религиозным учреждениям было более щадящим, нежели в России.

По воспоминаниям очевидцев, в 1924-1927 годах в Среднеазиатском государственном университете "группа профессоров вела глубокое изучение Евангелия... Раз в неделю кто-нибудь из них выступал в кругу коллег со словом на евангельскую тему. В эту группу, кроме профессоров, входила молодежь" (53, с. 79). В Узбекистане до начала 30-х годов процент действующих культовых зданий от их дореволюционного количества оставался более высоким, чем во многих других регионах страны (54, с. 56). Позднее, однако, картина постепенно изменилась.

Староцерковники формально делали вид, что объединились с обновленцами, но на самом деле находились в скрытой оппозиции к новой власти и служителям новой церкви. Последние надеялись открыть в Ташкенте богословский институт, отвечающий требованиям нового времени, но их надежды так и не оправдались.

Разрушенными и оскверненными оказались самые достопримечательные православные святыни Центральной Азии, за исключением нескольких (Алматы, Самарканд и др.). Варварски уничтожаются костелы в Ашхабаде и Кызыл-Арвате, кирхи Алма-Аты и Ашхабада. В результате антирелигиозной политики, а также страшного землетрясения 1948 года в Ашхабаде из всех культовых зданий сохранилась единственная православная церковь Александ-

ра Невского в селе Коши. Закрываются и в большинстве случаев сносятся армянские церкви.

Сначала сокращаются, а позднее (осенью 1937 г.) совсем распускаются римско-католические и евангелическо-лютеранские общины.

В районах с распространенным сектантством не учитывалось то обстоятельство, что после закрытия всех церквей часть православных начинало посещать их молитвенные дома (54, с. 57). После 1937 года религиозная жизнь в среднеазиатском регионе, как и по всей стране в целом, еле теплится. С 1927 по 1936 годы во главе малочисленного клира стояли видные священнослужители — бывший ссыльный митрополит Никандр (Феноменов), бывший репрессированный митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий).

Протестуя против грубого нарушения законодательства о свободе совести и конституционных гарантий, против разрушения христианской морали, известный русский физиолог И.П.Павлов, сам глубоко верующий человек, в 1930 году обратился в Совнарком с письмом: "По моему глубокому убеждению, гонение нашим Правительством религии и покровительство воинствующему атеизму есть большая и вредная последствиями государственная ошибка. Религия есть важнейший ... охранительный инстинкт (51, с. 11)". Об этих грубых болезненных перекосах в политике партии упоминает Сталин в небольшой статье "Головокружение от успехов", изданной в 1930 году. В ней делается упрек в адрес партийных работников, которые организацию артели "начинают со снятия с церквей куполов" (55, с. 198).

Корни подобного грубого извращения принятых конституционных актов по отношению к духовенству были осознаны только после обнародования (через 70 лет) письма Ленина к Молотову, где говорилось: "Провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаться и в самый кратчайший срок. Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать" (51, с. 11).

В результате репрессивной государственной политики в 20-40-е годы этнический состав верующих христиан в республиках Средней Азии и Казахстана заметно расширился. В 1935 году в Ташкен-

тскую область было выслано 3000 финнов-ингерманландцев из общин на советско-финской границе родственным по вероисповеданию немцам, проживавшим в крае, в том числе и в Ташкентской области (4, с. 43). Сюда депортировались корейцы, поляки, немцы и др. Так, в Кыргызстан в 1940 году было выслано 21500 польских граждан, арестованных в западных районах Украины и Белоруссии после реализации пакта Риббентропа-Молотова. В 1941 году их амнистировали. 1197 учащимся-полякам было предоставлено право учиться на родном языке (56, с. 79).

Это было время, когда элементарные религиозные обряды, которых придерживались деды и прадеды верующих в самые счастливые или печальные дни, нелегко было исполнять даже в местах, где малочисленные народы жили в условиях диаспоры.

18 февраля 1936 года скончался преосвященный Аресений. «Повидимому за неимением кандидатуры архиерея, могущего возглавить православных верующих всей Центральной Азии, Патриарший местоблюститель митрополит Сергий (Старгородский) издал указ о разделении епархии. Титулом архиерев с кафедрой в Ташкенте становилось "Ташкентский и Среднеазиатский". Создавалась отдельная Казахстанская епархия с титулом правящих епископов "Алма-Атинский и Казахстанский" (56-а).

Несколько изменилось отношение к церкви в суровые годы второй мировой войны. Русская православная церковь всегда разделяла судьбу народа, вставала на защиту его национального достоинства. Она сыграла, также как и другие религиозные объединения страны, огромную пропагандистскую роль в защите Отечества от германского фашизма, сделала большие денежные взносы в Фонд обороны. Государство было вынуждено пойти на относительную нормализацию взаимоотношений церквей и властей. Многим священнослужителям за их ратный подвиг в годы войны 1941-1945 годов были вручены правительственные награды, в том числе — архиепископу Луке, протоиереям Михаилу (Серебрякову) и Анатолию (Синицыну) из Алма-Аты (57, с. 44).

Во время войны Сталин "по просьбе митрополита Гор Ливанских Илии выпустил священников из тюрем." С 1943 года отдельные храмы вновь стали возвращаться церкви, а некоторые даже возводились за счет государства. Чаще верующим передавались скромные молитвенные дома, поскольку старые храмы уже приобрели новых хозяев.

В начале второй мировой войны не только в Янгиюльском районе Ташкентской области, но и в других пунктах Узбекистана и Кыргызстана располагались польские воинские формирования. Среди них были свои священники. О пребывании здесь поляков фактическими свидетельствами являются многочисленные захоронения их соотечественников этого времени.

Во время войны и в первые послевоенные годы многочисленные церкви Среднеазиатской епархии (в 1945-1946 годы ее возглавлял епископ Кирилл (Поспелов)) всегда были переполнены мирянами. Ведь только в Узбекистане численность эвакуированных из временно оккупированных территорий России, Украины, Белоруссии, Молдовы и Прибалтики составляла около 1 млн. человек (58, с. 42).

Но церковная "оттепель" продолжалась недолго (59, с. 87). И все же по данным архива Комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан, в регионе время от времени создавались впервые или восстанавливались прежние православные приходы. Были случаи открытия церквей и в 1948 году, а затем в 1955 году.

В 1947 году заново оформилась община адвентистов седьмого дня, в 50-х зарегистрирована ташкентская община баптистов. Оживляется деятельность таких сектантских объединений, как истинно православные христиане, молокане, христиане евангельской веры и др.

В 1947 году Св. Синод назначает главой Ташкентской и Среднеазиатской епархии митрополита Гурия (Егорова), который осуществлял руководство ею до 1953 года. Как охарактеризовал его владыка Владимир, это был в прошлом "знаменитый основатель православных братств Санкт-Петербурга и сибирский заключенный, в будущем — восстановитель Троицко-Сергиевской лавры и глава Ленинградской епархии" (3, с. 136). В последние годы своей жизни преосвященный Гурий возглавлял Симферопольскую кафедру. Умер в 1965 году.

В послевоенные годы советское руководство начало понимать значение религиозных моментов в мировой политике. Епископ Гурий, равно как руководители и других епархий страны, призвал местных прихожан поставить свои подписи под Стокгольмским воззванием, а чуть позднее — под обращением Всемирного Совета Мира.

В конце второй мировой войны в Среднюю Азию были высланы из Крыма и Кавказа (в основном в районы Южного Казахстана и частично в Узбекистан) местные понтийские греки вместе со своими священниками. А осенью 1949 года только в Узбекистан прибыло более 7тыс. участников Сопротивления (всего с детьми 11 тыс. 972 чел.) из Греции. В отдельных случаях верующие из греческих семей (в основном из смешанных браков) для удовлетворения религиозных нужд — крещения, венчания, — посещали молитвенные дома понтийских греков или русские православные церкви. В настоящее время эта традиция сохраняется.

В Казахстане, начиная с 1954 года, наблюдается значительный приток восточнославянского населения в связи с освоением це-

линных и залежных земель, правда с очень небольшим процентом верующих. Но в последующем русскоязычные села явились базой для открытия новых православных приходов.

И хотя период открытой конфронтации остался позади, постепенно права верующих в бывшем Союзе вновь начинают ущемляться. Церковь и государство в некоторых юридических и социальных вопросах идут на компромиссы. Церковь вновь делает уступки. Так, на ташкентском совещании настоятелей молитвенных домов Кыргызстана и Узбекистана в 1952 году было "признано необходимым прежде совершения бракосочетания церковного требовать регистрации брака гражданской властью, что являлось единственной гарантией от злоупотреблений" (60).

С 1953 по 1960 годы Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию возглавлял епископ Ермоген (Голубев), прежде репрессированный. До этого он являлся архимандритом — настоятелем Покровского собора в Самарканде.

Свою архипастырскую службу владыка Ермоген начал с капитальной реконструкции Свято-Успенского Кафедрального собора в Ташкенте. Этот самовольный акт был расценен местными властями как прямой вызов государственной политике, хотя на словах декларировалась свобода отправления религиозных культов. Парадоксально, но в конце 50-х годов ташкентский горсобес, за недостатком средств, часто рекомендовал нуждающимся обратиться в церковь. И преосвященный Ермоген помогал всем, оказавшимся в беде (61).

В 1960-1971 годах Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию возглавлял владыка Гавриил (Огородников). При нем, 16 марта 1961 года, издается для служебного пользования союзная "Инструкция по применению законодательства о культах", разработанная и утвержденная Советом по делам религиозных культов и Советом по делам Русской православной церкви. Во всех республиках при местных органах власти были созданы специальные комиссии, содействовавшие выполнению этой инструкции. Подобные же документы были приняты постановлениями правительств Таджикистана (1967), Туркменистана (1968) и Узбекистана (1969). Они действовали по существу до начала 90-х годов (62, с. 136-147, 155-156, 159-160).

Конец 60-х и 70-е годы в целом по стране отличались относительной стабильностью в отношениях между государством и официальными конфессиями. В это время в сане епископов местной епархии пребывали преосвященные Платон (Лобанков — 1971-1972) и Варфоломей (Гондаровский — 1972-1987).

Именно епископу Платону выпала честь возглавлять юбилейные торжества — 100-летие Ташкентской и Среднеазиатской епар-

хии, отмечавшееся 11 июня 1972 года в Ташкенте. По этому случаю в день Всех святых российских в Свято-Успенском Кафедральном соборе в сослужении сонма духовенства состоялась божественная литургия. В память об этом событии установлена на фасаде здания собора мемориальная плита.

В 70-е годы в Средней Азии не было ни одной зарегистрированной евангелическо-лютеранской общины. Маленькие немецко-говорящие группы верующих собирались в частных домах и на кладбищах (4, с. 72). Первые евангелическо-лютеранские приходы появились в этих краях только в конце 70-х — начале 80-х годов.

Обрусевшие верующие армяне, поляки, литовцы и другие представители национальных меньшинств долгое время вынуждены были ориентироваться на Русскую православную церковь.

При составлении Свода памятников культурного наследия почти все сохранившиеся строения культового зодчества были включены в списки памятников республиканского или местного учета и взяты под государственную охрану. Правда, Закон об охране памятников истории и культуры не всегда четко срабатывал. Но отдельные факты разрушения культовых построек ныне связываются скорее не с антирелигиозной государственной политикой, а с просчетами архитекторов-градостроителей. Отдельные, наиболее выдающиеся по своим архитектурным формам христианские храмы разных конфессий реставрируются и приспосабливаются под концертные и выставочные залы, музеи и другие культурно-просветительные учреждения.

Последние трудные времена в истории религиозной жизни Узбекистана приходятся на конец 70-х — начало 80-х годов, когда вновь оживляется борьба с "религиозными суевериями и предрассудками", народными обрядами и традициями. Священнослужителям православных храмов делаются выговоры за незаконную установку религиозных символов на куполах действующих церквей (в Джизаке и др.).

С началом перестройки в целом по Союзу происходит постепенная нормализация отношений между различными конфессиями и государством. В частности, значительные уступки делаются Русской православной церкви. В свою очередь православная церковь пытается реставрировать некоторые церковные традиции (6, с. 16).

Согласно программе празднования 1000-летия крещения Руси во всех храмах Центральной Азии состоялись торжественные богослужения, во многих городах проходили концерты духовной музыки. Показательно, что к этой знаменательной дате выдающийся узбекский художник Баходыр Джалалов написал красочное панно "Красная золотая Русь" и ввел его в оформление интерьера школы имени Чкалова в Чкаловске (Таджикистан).

Рис. 2. Фрагмент панно «Красная золотая Русь». Худ. Б. Джалалов

В конкурсе, объявленном Св. Синодом в честь 1000-летия крещения Руси, в подготовке проекта храма Святой Троицы в Царицыно (Москва) наряду с российскими архитекторами участвовали и казахстанские зодчие института Казгорстройпроекта под руководством главного архитектора Ю.Г.Ратушного. Из 360 представленных работ казахстанская в числе других четырех проектов победила в первом туре.

Русская православная церковь содействует единению мирового сообщества, участвует в борьбе за безъядерный мир.

Почти четыре года (1987-1990) нес пастырское послушание в Средней Азии епископ Ташкентский и Среднеазиатский Лев (Церпицкий, ныне архиепископ Новгородский). От имени церкви он передал в Узбекистанский республиканский Детский Фонд 140 тыс. рублей. Это было самое крупное пожертвование (63). Он оказывает материальную помощь пострадавшим от землетрясения в Армении, вносит пожертвования в другие общественные организации. Владыка был избран членом Республиканского правления Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана и Фонда культуры.

В 1987 году в Ташкенте впервые в истории состоялся официальный контакт между православным и мусульманским духовенством. Тогда было организовано несколько спокойных разумных диалогов между священнослужителями обеих религий по проблемам мира и равенства людей независимо от их вероисповедания. Обе стороны пришли к заключению, что открытые встречи дол-

жны быть продолжены. Следующий аналогичный диалог проводился в 1995 году и вновь в Ташкенте. В международной христианско-мусульманской конференции, девиз которой "Совместно жить под одним небом", приняли участие муфтии Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана, деятели других конфессий государств Центральной Азии, представители Всемирного совета церквей.

В 1978 году уже фактически официально действовало объединение римских католиков численностью 30 человек в Чирчике. В 1983 году была зарегистрирована евангелическо-лютеранская община в Фергане. Через четыре года в этом городе зарегистрирован и римско-католический приход. В 1989 году возрождается римско-католический приход в Ташкенте. В 1990 году в Узбекистане на базе некоторых конфессий, исповедующих Библию, создается Библейское общество.

Распад тоталитарной системы и вхождение в мировое сообщество молодых независимых государств Центральной Азии вдохнули новую живительную струю в развитие духовной жизни всех народов этих стран.

Это ясно на примере Республики Узбекистан.

В 1991 году здесь был принят Закон "О свободе совести и религиозных организациях", в котором четко сказано: "Государство способствует установлению отношений взаимной терпимости и уважения между гражданами, исповедующими различные религии и не исповедующими их, между религиозными организациями различных вероисповеданий, не допускает религиозного фанатизма и экстремизма действиями, направленными на противопоставление и обострение отношений, разжигание вражды между конфессиями и сектами" .

Принятый новый Закон "О собственности" Республики Узбекистан возвратил религиозным организациям права на собственность. На основании закона теперь в собственности религиозных организаций могут находиться здания, предметы культа, объекты производственного, социального и благотворительного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для обеспечения их деятельности. Религиозные организации имеют право на имущество, приобретенное и созданное ими за счет собственных средств, пожертвований граждан. Закон "О земле" возвратил права на землю. (51, с. 3).

С 1993 года Ташкентское епархиальное управление Русской православной церкви — Московского патриархата — издает еженедельник "Слово жизни".

В настоящее время в Республике Узбекистан официально существуют конфессии: ислам, православие, иудаизм, буддизм, а так-

же Римско-католическая церковь, Евангелическо-лютеранская церковь, Евангельские христиане-баптисты, Христиане полного Евангелия, Новоапостольская церковь, Христиано-пресвитерская церковь, Свидетели Иеговы (в Чирчике и Фергане), Международное общество сознания Кришны, Духовное собрание Бахаи.

Только при Ташкентской и Среднеазиатской епархии Русской православной церкви сегодня функционирует почти 40 приходов, два монастыря, одно училище, готовящее духовных пастырей.

В последние годы Республику Узбекистан часто посещают пасторы Южной Кореи и Америки. Их цель — приобщение местных корейцев (в 1937 году их было депортировано в Узбекистан около 180 тыс. человек), находившихся до сих пор в изоляции от духовной жизни, к христианству — претворяется в жизнь (58, с. 42; 64, с. 6).

В 1993 году в Самарканде армянской общине было возвращено исторически связанное с ней здание — церковь св. Богородицы. В настоящее время ее прихожане готовятся достойно отметить круглую дату — 1700-летие Армянской апостольской церкви, юбилей которой состоится в 2001 году. Это пока единственная армянская действующая церковь в Центральной Азии.

Государство оказывает помощь религиозным организациям в проведении культурных мероприятий международного характера.

Принципиальное значение имеет признание того факта, что религиозные организации, будучи отделенными от государства и школы, не отделены от общества, его социально-культурной и других сфер жизни.

С 1992 года настоятелем ташкентского римско-католического прихода под воззванием Святейшего Сердца Иисуса является францисканец из Польши — отец Кшиштоф Кукулка. Помимо большой работы с мирянами он отдает много сил восстановлению из руин костела, а также созданию на базе храма культурного центра католической общины. Служба в костеле ведется на английском (для иностранных граждан), польском и русском языках. Отец Кшиштоф с большим интересом изучает историю христианства в Центральной Азии. В 1995 году был открыт римско-католический приход в Самарканде.

До 1991 года, помимо Узбекистана, Римско-католическая церковь уже действовала в Кыргызстане и Таджикистане, но особенно активно в Республике Казахстан. Декретом Святейшего отца Яна Павла II от 13 апреля 1991 года была установлена Апостольская Администратура Казахстана и Средней Азии. Управление Апостольской Администратуры, которую ныне возглавляет епископ Ян Павел Ленга, находится в Караганде.

На территории Центральной Азии сейчас проживает более 200 тысяч католиков. Среди них работают 40 священников и почти

столько же сестер-монахинь (миссионерок милосердия и др.). Большинство из них — приехавшие сюда иностранцы.

С сентября 1994 года в Алматы прибыл и стал выполнять свою миссию Апостольский нунций, архиепископ Мариан Олесь, который одновременно является нунцием Казахстана и стран Средней Азии, за исключением Туркменистана.

29 сентября 1997 года его Святейшество Иоанн Павел II специальным декретом создал в Узбекистане, Кыргызстане и Туркменистане независимые от Апостольской Администратуры Казахстана три отдельные юридические единицы, так называемые "Missio sui iuris", обозначающие, что с этого времени назначенные им священники, возглавляющие данную поместную церковь, являются ответственными только перед Римским Первосвященником. В Узбекистане назначен на этот пост отец Кшиштоф Кукулка, в Таджикистане — отец Карльос Авила, в Туркменистане — отец Анджей Мадей.

С 20 июля 1990 года Ташкентская и Среднеазиатская епархия, возглавляемая сначала епископом, а с 23 февраля 1991 года — архиепископом Владимиром (Иким), распространяет свое влияние на Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан.

Осенью 1996 года все христиане республик Центральной Азии торжественно отметили 125-летие Ташкентской и Среднеазиатской епархии. Это торжество ознаменовалось прибытием Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Празднично выглядели в эти дни православные храмы Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана.

9 ноября его Святейшество провел в Ташкенте всенощное бдение, а уже на следующее утро отслужил торжественную литургию в Свято-Успенском соборе города. В своем обращении к пастве он заострил внимание на глубоком понимании и согласии, в котором живут здесь сегодня последователи ислама и православия, призвал к совершенствованию нравственных качеств, которые содействуют достижению всеобщего мира. Под сводами Кафедрального храма прозвучали слова о роли церкви в воспитании духовности человека. А вечером прошел торжественный прием, посвященный 125-летию Ташкентской и Среднеазиатской епархии Русской православной церкви.

Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов в своем послании участникам торжества подчеркнул, что вся история сосуществования мусульман и христиан на земле Узбекистана являет собой редкий пример религиозно-духовной жизни и достойна считаться одним из лучших образцов веротерпимости. Проникнуться глубиной Божьей любви ко всем, в полной мере чувствовать свою ответственность за судьбу человечества и неустанно за-

ботиться о нравственном совершенствовании общества — все это важные факторы прогресса (65).

Патриарх посетил ташкентские православные церкви и Троицко-Никольский женский монастырь, освятил закладку Духовно-административного центра при Свято-Успенском соборе.

Затем он прибыл в Самарканд, где освятил крупнейший храм республики, возрожденный к новой духовной жизни Алексиевский собор. Храм этот был возведен в 1912 году во имя святителя Москвоского Алексия и предназначался для воинского гарнизона Самарканда. С 1920-х годов храм был закрыт и использовался не по назначению. В 1991 году здание было возвращено верующим, в нем ведутся восстановительные работы. Был водружен колокол, восстановлен иконостас.

Торжественные акции, посвященные 125-летию Ташкентской и Среднеазиатской епархии, состоялись и в других республиках Средней Азии. И везде Патриарх отмечал, что встречает доброжелательность и миролюбие людей всех национальностей и вероисповеданий при ярком своеобразии национальных культур.

В эти знаменательные дни в Государственной библиотеке имени Навои была организована книжно-иллюстративная выставка из фонда редких книг. Настоящей жемчужиной в уникальной коллекции старинных книг явилась Библия — "Острожская книга" Ивана Федорова, изданная в 1581 году в городе Остроге на Волыни. Библия была подготовлена на основе рукописи, присланной первопечатнику Иоанном Грозным. Первое издание ее было осуществлено 12 июля 1580 года, второе — 12 августа 1581 года. Экземпляр, экспонировавшийся на выставке, является этим вторым изданием и представляет "выдающуюся редкость и большую культурную ценность".

Любопытна легенда, связанная с данным раритетом. Он был приобретен библиотекой в 1943 году у гражданина А.Ашуркова. По его словам, Библия находилась в его роду со времен Стрелецкого бунта при Петре I. Когда владелец книги бежал (или был сослан) из Москвы на Урал, он увез с собой экземпляр данной Библии. Она находилась на Урале более 200 лет и попала в Среднюю Азию незадолго до второй мировой войны (66, с. 94-95).

В фонде этой же библиотеки хранится редчайшая "Девятая немецкая Библия", напечатанная в XV веке.

Одновременно отмечался вековой юбилей единственной в Центральной Азии старинной евангелическо-лютеранской церкви в Ташкенте. Зарубежные гости с интересом знакомились с книгой о жизни немецкой общины в Узбекистане. В торжественной обстановке с 14 по 19 декабря 1996 года прошел IV Синод епархии евангелическо-лютеранской общины в Узбекистане, на

котором было высказано предложение именовать ташкентскую кирху в соответствии с пожеланиями ее членов церковью Воскресения Иисуса Христа.

Необходимо отметить, что с 1988 года евангелическо-лютеранские общины в Узбекистане вместе с общинами в России, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане относились к Союзной немецкой евангелическо-лютеранской церкви, которой руководил епископ Харальд Калнинь из Риги. С образованием независимых республик Средней Азии ускорился процесс образования самостоятельных епархий в этих странах. Епископским уполномоченным по Средней Азии является Штефан Редер. Главой Евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии является епископ Георг Кречмор.

В ноябре 1993 года состоялся Учредительный Синод евангелическо-лютеранских общин Узбекистана. На богослужение по поводу открытия Синода пришли представители Русской православной церкви, Римско-католической церкви и Союза евангельских христиан-баптистов.

Вновь образованную немецкую евангелическо-лютеранскую ташкентскую общину (1990) возглавляет председатель Корней Вибе, который одновременно является пропстом епархии евангелическо-лютеранских общин (6 приходов) Узбекистана. Благодаря его стараниям и таланту, вековое здание кирхи стало центром духовности и религиозной просвещенности местных жителей.

В центре столицы Республики Туркменистан строится монументальный православный собор. Происходят позитивные перемены и в жизни православной церкви Таджикистана. Ее приходы действуют в Душанбе, Ходженте, Чкаловске, Курган-Тюбе и Турсун-Заде. В столице республики церковь имеется и при военной части. В 1989 году в Душанбе был построен римско-католический костел.

В постсоветское время более всего сторонников православия стало в Республике Казахстан. Здесь образованы Алматинская и Семипалатинская, Шымкентская и Акмолинская, Уральская и Гурьевская епархии. В их ведении находится около 120 церквей. Издается религиозная газета "Свет православия в Казахстане".

Православные казахстанцы поддержали политику правительства, направленную на становление правовых норм и приняли активное участие в различных социально-благотворительных и политических акциях, целью которых является достижение общественного мира и национального согласия в стране (67, с. 170-171).

В Кыргызстане в становлении новой государственности, основанной на ценностях свободы, демократии, межнационального и

межконфессионального мира достойный вклад вносит Русская православная церковь (около 50 приходов), которая также усиленно ведет работу по созданию гражданского согласия и созидательного труда в республике. Одновременно действует старообрядческая церковь и один храм Русской православной церкви за границей.

В суверенном Кыргызстане зарегистрировано ещё ряд религиозных организаций христианской направленности. В Бишкеке имеется Римско-католическая церковь, существующая как самостоятельный орган. В селе Люксембург находится епархия евангелистов-лютеран, насчитывающая 500 человек (немцев и русских). С 1996 года лютеране издают свою газету "Eparchic Nachrichhen", поддерживающую единство своих общин в республике. Действует также церковь христиан-баптистов, имеющая свои Союз церквей евангелистов христиан-баптистов (около 30 молельных домов), который возглавляет председатель. На территории Чуйской долины функционирует Союз объединенной церкви христиан веры евангельской (пятидесятники), возглавляемый старшим епископом. Адвентисты седьмого дня находятся в подчинении южного объединения церквей, вопросы которого решает конференция. Насчитывается 16 церквей (2 группы). Приверженцами этой церкви в основном являются представители европейского происхождения. Существует одна Новоапостольская церковь, центр которой находится в Германии. За последние годы открылось около 20 протестантских церквей. Руководителями последних являются пастыри из Южной Кореи.

Кроме того, в республике зарегистрировано несколько харизматических церквей (68).

За свою двухтысячелетнюю мировую историю христианство переживало периоды взлетов и падений, но деятельность его не прекращалась, в том числе и в среднеазиатском регионе.

На пороге XXI века вопросы духовного согласия здесь стали решаться на основе взаимного уважения различных конфессий, а также доброжелательности верующих как к иноверцам, так и атеистам. Это тот фундамент, на котором общество может жить стабильно и продвигаться вперед.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Мусин А.Е. К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в Российской археологии // Археологический вестник, Спб, 1993, № 2.

2. Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. — Ташкент. 1994.

3. Владимир архиеп. Слово в день памяти святого апостола Фомы // Слово жизни, 1993, №№ 103-104.

4. Из истории Евангелическо-Лютеранской Церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. Спб. 1996; 100 лет Евангелическо-Лютеранской Церкви в Ташкенте. — Ташкент, 1996.

5. Григорьянц А.А. Армяне в Средней Азии. — Ереван, 1984.

6.В Ташкенте также подготовлена кандидатская диссертация, посвященная специфике христианства в Средней Азии. См. Мазуренко Е.А. Эволюция русского православия в условиях Средней Азии. Автореферат. — Ташкент, 1990.

7. Древний Мерв в свидетельствах письменных источников (сост. Г.А.Кошеленко, А.Губаев, А.Н.Бадер, В.А.Гаибов) — Ашгабат, 1994; G.Koschelenko, A.Beder, V.Gaibov. The beginning of chridtsanity in Merv, Jranica Antiqua, vol.XXX, 1995, p. 55-70.

8. Sogdische Tecste, and TWK Muller — Sitzungsberichte de Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch historische Klasse, XXVII, 8, Berlin, 1934.

9. Всемирная история, т. III, — М., 1957.

10. Свентицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. — М., 1989.

11. Деяния Фомы освещены в исследовании архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского владыки Владимира "Путь Святого Апостола" // Звезда Востока, 1994, № 7-8.

12. Материалы по истории туркмен и Туркмении. — М.-Л., 1939.

13. Ат Табари. История ат Табари. — Ташкент, 1987.

14. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. — М., 1958. З.И.Усманова связывает Харобакошук с монастырем в пределах Мерва, внутри Гяур-калы (см. Усманова З.И. Христианские памятники Туркмении // Из истории древних культов Средней Азии. — Ташкент, 1994, с. 27-29), чему однако противоречит описание шатра Мара Георгия в местности выше Мерва. Так Самани сообщает о нахождении Зарака в 6 фарсахах от Мерва.

15. Исхаков М.И., Ташходжаев Ш.С., Ходжайлов Т.К. Раскопки Кош-тепе, ИМКУ, вып.13. — Ташкент, 1977.

16. Bogomolov G.J., Burjakov Jy.F. Sealdings from Kanka — In the Land of the Gziphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Edited by Antonio Jhvernizzi. Roma. 1994

17. Из письма В.А.Лившица Г.А.Пугаченковой в сентябре 1996 г.

18. Атаханов Т.М., Хмельницкий С.Г. О работе Шаартузского археологического отряда в 1968-1970 гг. Археологические работы в Таджикистане, вып. 10. — М., 1973; Chmelnizkiy S. Zwischen Kuschanen und Arabern. Die Architektur Mittesasiens im V.—VIII. Jh. Berlin, 1989, s. 172-174.

18-а Маршак Б.И., Распопова В.И. Согдийцы в Семиречье // Древний и средневековый Кыргызстан. — Бишкек, 1996.

19. Правда Востока, 18 июля, 1997.

20. Джумагулов Ч. Эпиграфические памятники Киргизии // Памятники Киргизии, вып. I, 1970.

20-а Иманкулов Д.Д. Новое о Таш-Рабате // Древний и средневековый Кыргызстан. — Бишкек, 1996. Пугаченкова Г А. О Таш-Рабате // Труды Института языка, литературы и истории Киргизской ССР, вып. III /Фрунзе, 1952, с. 213-218.

21. Гундогдыев О. Христианская церковь в Туркменистане. — Ашгабат, 1993.

22. Revetemt Joseph Wolff, Rescarches and Missionary Labours among the Jews, Mohammedans, and other Sects during his travels between the years 1831 and 1834, from Malta to Egypt, Constantinople, Armenia, Persia, Khorossaun, Toorkestaun, Bokhara, Balkh, Cabool in Affghanistaun, the Himalaya Mountains, Cashmeer, Hindooshaun, the Coast of Abyssinia, and Jemen, Ist American Edition, Revised and Corrected by the Author, Philadelphia 1837.

23. Хрисанф, Митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещаемых в 1790 годах. С введением и объяснением В.В.Григорьева. — М., 1861.
24. Соғунний Алихонтура Гарихи Мухаммадий, т. I, — Тошкент, 1991.
24-а. Народы Средней Азии и Казахстана, т. 2, М., 1963 .
25. ЦГА РУз. ф. и-1, оп. 6, д. 27, л. 135-137.
26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXXIII. Самаркандская область, 1905.
27. Следует иметь в виду, что открытие прихода не равнозначно открытию церкви. В Туркестане между открытием прихода и постройкой церкви для него нередко проходил значительный промежуток времени. Но бывало и наоборот — строился храм и лишь через несколько лет открывался приход.
28. Яковлев В.А. Из церковной жизни Туркестана. — Верный, 1902.
29. Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. вып. I — Оренбург, 1900.
30. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. — Ташкент, 1912.
31. Абдурахимова Н.А. Из истории туркестанского чиновничества второй половины XIX — начала XX вв. // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Труды ТашГУ — Ташкент, 1965.
32. Любимов П.П. Религия и вероисповедный состав населения Азиатской России. — Петроград, 1914.
33. ЦГИА России, ф. 796, оп. 440, д. 798, л. 79.
34 ЦГИА России, ф. 796, оп. 442, д. 2767, л. 1.
35. Заозерский Н. О священной и правительственной власти и о формах устройства православной церкви. — М., 1891.
36. ЦГИА России, ф. 796, оп. 440, д. 798, л. 170.
37. ЦГИА России, ф. 796, оп. 442, д. 1595, л. 1.
38. ЦГИА России, ф. 796, оп. 442, д. 2246, л. 1.
39. Туркестанские епархиальные ведомости. 1912, № 18, № 21, с. 501.
39-а Матвеев А. М. Из истории европейских выходцев в Туркестане после Февральской революции // Материалы по истории, историографии и археологии. Труды ТашГУ 482.—Ташкент, 1976.
40. Надточий О.П. Югославянские военнопленные в Туркестане (1914-1917) //Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. — Ташкент, 1985.
41. Матвеев А.М. Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому Октябрю. — Ташкент, 1977,
42. Народы Средней Азии и Казахстана, т. 2, М., 1963.
42-а. Здесь приводятся только краткие малоизвестные биографические сведения о епископах, характеристика же их деятельности в Туркестанской православной епархии уже освещена в публикациях высокопреосвященного Владимира.
43. ЦГИА России, ф. 796, оп. 442, д. 1109, л. 7.
44. ЦГИА России, ф. 799, оп. 29, д. 490.
45. Съезд духовенства железнодорожных церквей, 1907. Туркестанский сборник, т. 448.
46. Туркестанские епархиальные ведомости, 1909, № 14.
47. Туркестанские епархиальные ведомости, 1912, № 22.
48. ЦГА РУз, ф. 1010, оп. 1, д. 4, л. 54.
49. Поповский М.А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого — епископа и хирурга // Октябрь, — 1990, № 2.
50. Благовест-инфо, № 36, 28 мая — 3 июня 1996.
51. Юнусова А.Т. Развитие государственного правового регулирования свободы совести. Автореферат канд. юр. наук — Ташкент, 1993.
52. Кошанов Б., Сейтназаров М. Революция? Вторжение? События в Хивинском ханстве (1919-1920 гг.) — Нукус, 1997.

53. Поповский М.А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого — епископа и хирурга // Октябрь, — 1990, № 3.
54. Одинцов М. Хождение по мукам // Наука и религия. — 1990, № 7.
55. Сталин И.В. Головокружение от успехов (к вопросам колхозного движения). Соч. т. 12, М., 1952.
56. Койчуев Т., Мокрынин В., Плоских В. Кыргызы и их предки. — Бишкек, 1994.
56-а. Владимир архиеп. Юбилей Епархии // Слово жизни, 1996, № 130.
57. Журнал Московской Патриархии. — 1946, № 10.
58. Элебаева А.Б. Межэтнические отношения в постсоветских государствах Центральной Азии: динамика развития. — Бишкек, 1996.
59. Поповский М.А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого — епископа и хирурга // Октябрь, — 1990, ; 4.
60. ЦГА РУз, ф. 2456, оп. 1, д. 153, л. 23.
61. ЦГА РУз, ф. 2456, оп. 1, д. 304, л. 4.
62. Законодательство о религиозных культах. — М., 1970.
63. Правда Востока, 1989, 27 июля.
64. Пак Б. Потомки страны белых аистов. — Ташкент, 1990.
64-а. В Узбекистане имеется еще ряд не прошедших регистрацию религиозных общин, в том числе старообрядческая, Всесоюзной церкви верных и свободных адвентистов седьмого дня и др.
65. Народное слово, 1996, 12 ноября.
65-а. В состав Духовно-административного центра входят: здание общины, здание епархиального управления, духовная семинария, новая большая крещальня, большой водосвятный источник и др. Главный архитектор проекта — Б. Хрампронин.
66. Бетгер Е.К. Старинные и редкие книги, принадлежащие Государственной Публичной библиотеке // Сб. статей, посвященных 100 - летию со дня рождения Е.К.Бетгера. — Ташкент, 1989.
67. Иосиф (Еременко) Игумен. Русская православная церковь в Казахстане на современном этапе // Казахстан на пути к устойчивому развитию. — Алматы, 1996.
68. Из письма Государственной комиссии при Правительстве Кыргызской Республики по делам религий 2 июля 1997 года на запрос Л.И.Жуковой.

В.Н.Проскурин

ПРАВОСЛАВИЕ СЕМИРЕЧЬЯ В ПАМЯТНИКАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА (XIX —XX вв.)

Еще Чокан Валиханов на развалинах семиреченского средневекового Алмалыка так рассуждал об исторических судьбах края: "В этой части Азии было много несторианских и монофизитских конгрегаций, а на озере Иссык-Куль сирийские якобиты, по свидетельству каталонской карты, имели монастырь с мощами святого Матфея. Христианство здесь так сильно распространилось, что возбудило против себя несколько гонений... К несчастью, киргизы успели уничтожить последние остатки уцелевших зданий, принимая все за ламаистские капища". К сказанному Чоканом следует добавить, что и в советское время, несмотря на Закон об охране исторического наследия, многое разрушалось, при этом во всех республиках национально-политическое ставилось выше историко-культурного. Свернуты были и археологические работы, успешно начатые в начале XX века на развалинах Тарсакента (Бишкек), Тараза, Алмалыка (Джаркент).

Однако христианство, имевшее свои корни в истории края, было вновь возрождено в Средней Азии в середине XIX века с возникновением первых поселений русских переселенцев. Таким было, например, укрепление Раим (Сырдарьинская область) в 1847 году, где по свидетельству очевидца "среди прочих зданий укрепления, печальный вид был оживлен десятком ветряных мельниц, быстро махавших своими крыльями. Над фортом возвышались только флаг, да крыша церкви."

Именно здесь был возведен первый во всей Средней Азии и Казахстане православный храм. Его строитель — поручик П.Антонович; первым священником прихода был отец Александр. В 1853 году церковь была перенесена в Казалинск.

Сферы влияния церкви Оренбуржья и Западной Сибири делились по географическому признаку. С одной стороны они приблизились к горному хребту Заилийского Алатау, обосновавшись в городке Копал. Будущий центр Туркестанской епархии — укрепление Верный, возведенное в 1854 году, имело двойное подчинение духовного ведомства. Архипастырское служение оренбургских епископов Варлаама (Денисова) и Митрофана (Вицинского), сибирских епископов Ефрема, Порфирия, Алексия, их подвижническая деятельность приблизили час создания трех благочиний.

Возрождению православия, восприятию христианства тюркскими народами, и образованию Туркестанской епархии способствовала благоприятная общественно-политическая ситуация в Семиречье в XIX веке.

В 1822 году претворяются в жизнь "Учреждение для управления сибирских губерний" и "Устав о сибирских киргизах". Этот устав констатирует, что вера населения более языческая, чем магометанская, и рекомендует привлекать в край миссионеров для распространения христианства среди кочевников.

В 1838 году создана Томская епархия с приходами в Семиречье.

В 1846 году 23 июня султаны, бии и старшины Большой киргизской Орды торжественно присягнули на подданство России за себя и за подвластный им народ. А в 1850 году в Копале возведен первый молитвенный дом. В 1852 году 20 апреля в Аягузский приказ назначен священник с причетником.

В 1856 году 3 ноября образовано управление Начальника Алатавского округа и киргиз Большой Орды. Был открыт первый молитвенный дом с приходом в станице Алматинской. А 14 ноября 1858 года он был обращен в церковь.

22 декабря 1862 года в станицу Софийскую Томской епархией назначен священник с причтом (с 1864 г. — приход).

В 1860-е годы учреждены три благочиния: Ташкентское — Оренбургской епархии, Заилийское и Лепсинское (Ирджарское) — Томской епархии. 12 февраля 1865 года учреждено Семиреченское православное братство (с 1886 г. — Казанско-Богородичное братство Туркестанской епархии). В Семиречье из китайских пределов были водворены новые народы, обращенные миссионерами в православие.

В составе Туркестанского генерал-губернаторства 11 июля 1867 года выделены области Сырдарьинская (с центром в Ташкенте) и Семиреченская (центр — Верный). 13 июня — 10 августа образовано Семиреченское казачье войско — оплот православия в Семиречье. При управлении Верненского воинского начальника учрежден военный причт.

* * *

17 сентября 1854 года, в день святых мучениц Софии и ее дочерей Веры, Надежды и Любови, было торжественно освящено Заилийское укрепление. Утром, после развода гарнизона, команды были выстроены в каре и священник совершил благодарственный молебен. Пропели "Многая лета" царствующему дому, "Коль славен наш Господь в Сионе", "Отче наш". Воинский на-

чальник отдал приказ о производстве многократных пушечных залпов с крепостных валов. Под грохот артиллерии состоялся крестный ход. Батюшка с иконами и хоругвями обошел и окропил святой водой новорожденное укрепление.

В тот же день депешей в Омск было сообщено о переименовании укрепления Заилийское в крепость Верное. По свидетельству священника Михаила Путинцева, в память небесных покровительниц позднее были названы первые казачьи станицы — Надежная (Надеждинская, Иссык), Софьино (Софийская, Талгар), Любовинская (Каскелен). Само название реки Или воспринималось поселенцами как местность св. пророка Илии. В 1868 году православные поставили здесь часовню в память о первой переправе русских войск в Заилийском крае. В самом поселке была возведена **церковка во имя св. пророка Илии.**

Самой чтимой иконой у первопоселенцев Семиречья была икона Казанской Божьей Матери. Первым культовым сооружением, возведенным в период основания Верного, был молитвенный дом, предусмотренный генпланом 1854 года в самой цитадели, у святого ключа. Судя по рисункам П.Кошарова, который сопровождал известного путешественника и исследователя П.П.Семенова-Тяньшанского в 1857 году, это была одноэтажная деревянная постройка, прямоугольная в плане, с возвышением над центральной частью.

Молитвенный дом Алматинской станицы 14 ноября 1858 года был обращен в **Софийскую церковь**. Первую литургию здесь отслужил священник прихода Томской епархии Евтихий Вышеславский с двумя причетниками. Представить себе сей храм позволяет рисунок сибирского художника М.Знаменского, побывавшего здесь в 1864 году.

Бытописатель Павел Зенков, оставивший письменные свидетельства первых шагов строительства будущей Алматы, сообщает: "... В станице воздвигнут обширный каменный храм на той же самой четырехугольной площади, окруженной рощью, где и была деревянная церковь, некоторое время остававшаяся, во время постройки, внутри нового храма. Эта деревянная церковь перенесена теперь в Малую станицу... На центральной площади Нового города строится Кафедральный собор".

Каменный храм, о котором рассказывает П.Зенков, вероятно, был возведен по проекту архитектора Н.И.Криштановского. Это была оригинальная станичная церковь, каменная, с отдельно стоящей колокольней на четырех столбах. Архитектура здания, при довольно простом канонизированном плане, решена средствами классической ордерной системы, сосредоточенной на портиках западного и двух боковых фасадов. Однако элементы

колокольни, барабана купола явно идут от древнерусского культового зодчества.

В 1872 году, с приездом в Верный первого епископа Туркестанской епархии Софония, алматинская станичная церковь стала соборной, просуществовав в этом значении вплоть до октября 1917 года.

После землетрясения 28 мая 1887 года, когда в Верном практически не осталось ни одного целого здания, для местных зодчих наступил период восстановления утраченного и строительства нового. Предполагалось перенести областной центр Семиречья в Омск, или строить новый город на правом берегу Или, в местности Ченгельды. Тогда же впервые был поставлен вопрос о переносе кафедры Туркестанской епархии в Ташкент. Возможно, этим объясняется неопределенность, вызвавшая церковный долгострой в Семиречье.

Ташкентцы десятилетиями ждали перевода сюда епархии из Верного. Еще в 1904 году инженер-строитель А.А.Бурмейстер спроектировал для Ташкента большое здание Туркестанского Кафедрального собора. Ожидаемое разделение состоялось только в Рождество 1916 года, когда была учреждена новая кафедра с выделением Верненской и Семиреченской из состава Туркестанской епархии. В 1917 году епископ Иннокентий прибыл в Ташкент. Однако это был уже другой город, управляемый новой советской властью.

10 июня 1888 года Комитет министров высказался за то, чтобы оставить Верный центром правления Семиреченской области. Министерство внутренних дел через Семиреченское областное правление поручило чинам строительного отделения разработать типы построек для местностей, подверженных землетрясениям и иным природным воздействиям. На основе выработанных семиреченцами правил и мер стало вестись дальнейшее с учетом местной сейсмичности строительство. Вот несколько примеров осуществленных замыслов зодчих, выраженных в памятниках христианства Семиречья, — памятников, наиболее талантливых и наименее изученных. Им выпала тяжкая доля — они оказались в зоне интенсивного влияния сил природы и человека, отвергнувшего историко-культурное наследие.

Попытаемся восстановить картины прошлого.

Туркестанский Кафедральный собор. Его история восходит к дням образования города Верный из небольшого Заилийского укрепления. 31 января 1868 года был создан Комитет по постройке собора: председатель — военный губернатор Семиреченской области Г.А.Колпаковский, священники Верного Александр Векшин и Афанасий Рыжкин, строители Н. И. Криш-

тановский, А. П. Зенков и др. Ими был разработан проект, одобренный епископом Томским и Семипалатинским Порфирием. Закладка храма состоялась 30 июля 1870 года преосвященным Алексием. Но по разным причинам начало строительства храма, поименованного в память Богоявления Господня, откладывалось из года в год в течение почти сорока лет. Остановимся на этой странной ситуации.

С приездом владыки Софония в Верный был подвергнут критике проект соборной церкви, выполненный в июне 1868 года

Рис. 3. Алматы. Вознесенский собор. *1907 г. Фото 1930 г.*

Н.И.Криштановским и А.П.Зенковым. Прежде всего, епископа не удовлетворял малый объем здания: "... самый собор существует только в фундаменте и цоколе, но и те подлежат сломке, час-

тию по непрочности своей, частию по неправильности плана, а частию по чрезвычайной тесноте самого храма, коего внутренность с галереями не может вместить и 500 человек, тогда как православного населения в городе и станице до 9000 человек".

К проектированию храма были подключены известные петербургские архитектор академик А.И.Резанов и художник В.В.Васильев. Резанов осуществил проект Спасо-Преображенского собора в Ташкенте. В архитектурных кругах его новая работа для Туркестана расценивалась весьма высоко, как "праматерь православного зодчества". Не менее благожелательную оценку получила работа художника-иконописца В.В.Васильева. Его иконостас для соборной церкви Верного был опубликован в авторитетном искусствоведческом журнале "Всемирная иллюстрация" и сопровождался одобрительным отзывом.

Но работы архитектора и художника оказались преждевременными. На строительстве собора сменяли друг друга зодчие В. А.Фишер, И.Козелло-Поклевский, М.А.Антонов, епископы Туркестанской епархии. Сменялись поколения прихожан, а дело не сдвигалось с мертвой точки. В ноябре 1890 года преосвященный Неофит на полях доклада местной консистории по вопросу постройки Покровской церкви помечает: "... приступить к делу постройки соборного храма во имя святого равноапостольного князя Владимира с приделом во имя святых апостолов Архипа и Филимона на 1000 человек". Но не прошло и года, как тот же епископ счел строительство собора преждевременным, так как необходимо все силы положить на возведение церквей Приютской и Тюремного замка, затем Большеалматинской станичной и Покровской, планы которых уже высланы на утверждение в Омск и Петербург, и, наконец, Крестовой церкви при архиерейском доме. Лишь после постройки этих пяти церквей, считает владыка Неофит, можно приступить к строительству собора.

После землетрясения 1887 года церковные службы временно проходили в особой походной палатке. Одновременно местные зодчие составили проект временной соборной церкви — небольшой, 9×15 м, деревянной постройки стоечно-балочной конструкции. Столбы, врытые в землю, скреплялись между собой по периметру здания досками. С трех сторон тянулась галерея. В центре, на двухскатной кровле возвышалась небольшая луковичная главка. Позднее церковь увеличили, возвели колокольню, иконостас с убранством перенесли из разрушенного стихией прежнего собора.

Судя по всему, это описание относится к Большеалматинской станичной церкви, к ее новому этапу восстановления или вернее — строительства. Уместно заметить, что, в силу обстоятельств, Турке-

станским Кафедральным собором в документах называется любая из новых (или уцелевших от сил природы) церквей города Верного,— будь то Покровская или же Станичная. Это затрудняет поиск родословной собора, который был взведен в 1907 году в городском парке.

Проектирование Кафедрального собора велось еще десять лет. 11 ноября 1893 года составление проекта и сметы на постройку храма было поручено Н.Нарановичу и К.Борисоглебскому. Еще через пять бесплодных лет с подключением новых исполнителей П.Гурдэ и В.Брусенцова, проектирование так и не сдвинулось с мертвой точки. Более того, выяснилось, что эскиз и часть чертежей, уже подготовленных Н.Нарановичем, пропали в недрах духовного ведомства. Место под постройку храма было отведено и уже освящено епископом Григорием, но акт о передаче земли был утерян. Лишь сохранились строки письма владыки Григория: "... Городская управа отвела для Собора прекрасное место в центре города. Строительный комитет учрежден. Благоприятное время рубки наступило... необходимо не менее тысячи корней леса".

Наконец, проект К.А.Борисоглебского был назван Синодом лучшим и 20 января 1900 года лег на стол инспектору В.С.Гейнцельману. Через месяц высокий чиновник дает заключение: "... в виду местных землетрясений, постройка проектирована деревянная со стенами в виде сруба, на каменном фундаменте и цоколем, под железной крышею, с деревянными полами, штукатуркою известью внутри и снаружи стен и потолков, отопление печное".

Церковь трехпридельная, рассчитана примерно на 2000 прихожан. Она в достаточной степени снабжена службами в виде ризниц, пономарен, колокольни, сторожки, имеются хоры над западным притвором. План вообще вполне удобный. Фасад разработан довольно изящно, хотя скосы не вполне удовлетворительны ввиду того, что главный купол мало доминирует над боковыми, причем мал подъем средней главки — видимо, из-за опасения будущих землетрясений.

Штукатурка стен лишает здание характерных и красивых черт русского деревянного стиля, но в практическом отношении она полезна, так как сохраняет тепло внутри строения и защищает здание от переметного огня в случае пожара по соседству.

27 октября 1903 года проект К.А.Борисоглебского был одобрен и утвержден к строительству. Борисоглебским были учтены замечания по объемно-планировочной композиции. Переработку архитектурно-художественной части, в виду отъезда из Верного автора проекта, проделал С.К.Тропаревский. Инженер-строитель Н.И.Степанов (на первом этапе строительства) и архитектор

А. П. Зенков вели технический надзор и решали все основные организационные вопросы.

26 сентября 1904 года, в дни празднования 50-летия основания города и его небесных покровительниц Софии и дочерей ее Веры, Надежды, Любови, преосвященный Паисий, епископ Туркестанский и Ташкентский, водрузил на месте престола будущего храма деревянный крест. Затем прочитал текст закладной медной доски и опустил ее в особое углубление в фундаменте у горнего места: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа, основася сия церковь в честь и память святых мучениц Софии и трех ее дочерей... при державе Благочестивейшего Самодержавнейшего Великого Государя нашего Императора Николая Александровича, при святительстве же преосвященного Паисия... (далее в тексте были перечислены все, кто приложил руку к строительству храма) и положена доска сия в лето от создания мира 7412...".

Строительство собора велось три года, но освящен храм был позднее — после доставки иконостаса из киевской мастерской живописца А.И.Мурашко, 30 июля 1907 года (в день рождения наследника царевича Алексея) в Туркестанском трехпридельном Кафедральном соборе (северный его придел — во имя мучениц Софии и трех ее дочерей, южный — во имя Благовещения, и центральный — во имя Вознесения Господня) была проведена первая божественная литургия.

Здание собора выдержало натиск подземной стихии в 1910 году, а позднее атеистический беспредел советской власти. Любопытна и такая страница истории собора. 22 апреля 1929 года митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Мелхиседек направил письмо в КазЦИК о намерении провести в Кафедральном Вознесенском соборе Всеказахстанский съезд православной (обновленческой) церкви. Правительство ответило согласием, однако посоветовало отложить проведение съезда до октября 1929 года — до намеченного открытия пассажирского движения по Турксибу. Из документов неясно, был ли проведен съезд обновленцев, но уже 29 октября того же года здание собора было экспроприировано государством и собор закрыли для служб.

Собор был объявлен памятником истории и культуры, зодчества и инженерного искусства. Но ни одна реконструкция за годы новой власти не была проведена. Более того, был искажен внешний облик и интерьеры, перепланированы помещения, пристроен второй этаж. Утрачены иконостас, колокола, кресты, мозаичные и художественные росписи.

Двускатную стропильную крышку собора украшают пять куполов с луковками и крестами, приподнятыми на восьмигранных низких барабанах с широкими прямоугольными оконными проемами. Самая высшая точка на верхнем конце креста, на главном куполе — 39,63 м; а на верхушке колокольни — 44,2 м.

Говоря языком инженера, собор представляет деревянную конструкцию, армированную металлом, на железобетонной плите без подвалов, но фундамент окружает кольцевая подземная галерея для отражения поверхностных сейсмических волн. Кроме того, здание усилено тремя вертикальными связями. Эти новшества семиреченских зодчих — главная «изюминка», которая сделала бы русский терем или избу самым сейсмостойким зданием всех времен и народов.

На Пасху 1995 года Президент Республики Казахстан объявил о своем решении — вернуть Кафедральный собор в центре столицы, отнятый 70 лет назад у русской православной церкви, в ее вечное пользование. 1 июня 1995 года, в престольный праздник Вознесения ожила звонница собора. Его Святейшество Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, посетивший впервые Алматинско-Семипалатинскую епархию, торжественно освятил вновь открытый **Вознесенский собор** Алматы.

Большеалматинский казачий собор. История его восходит к дням основания города, когда в 1856 году священник Евтихий Вышеславский освятил в укреплении Верном первый молитвенный дом, двумя годами позднее обращенный в Софийскую церковь. В 1864 году началось строительство новой, каменной церкви, а старая оставалась внутри возводимого нового здания и позднее была перенесена в Малую станицу. В 1887 году она была разрушена землетрясением.

В пояснительной записке к проекту восстановления церкви (1891) архитектор В. Бруснецов говорит о целесообразности обратить церковь в соборную: "... эта церковь до землетрясения служила постоянным местопребыванием Кафедрального собора, а после землетрясения, хотя в Верном и построен наскоро из плах временный Кафедральный собор, но строение это так непрочно, что, несмотря на предпринятую ныне ремонтировку, существовать долго не может и тогда в целом городе окажется только одна, небольшая Покровская церковь, построенная также как временная, Кафедральному же собору поместиться будет негде...". Действительно, причт Кафедрального собора с 1873 по 1887 год совершил богослужение в Большеалматинской станичной церкви; с 1887 года — во временной соборной церкви. Но и позже Большеалматинский храм был самым чтимым — главным образом потому, что в станичной церкви были захоронены первые иерархи Семиречья Софония и Никон.

В 1892—1896 годах собор был восстановлен. В 1893 году архитектор К. А. Борисоглебский изменил шатровые перекрытия и удлинил западную часть здания — притвор. В 1895 году в станич-

ной церкви начались службы, хотя наружная отделка здания продолжалась еще несколько лет.

В церкви три придела: северный — Николаевский, южный — Георгиевский, центральный — во имя Софии и трех ее дочерей Веры, Надежды и Любови. Церковь называли по-разному, то **Софийской**, то **Никольской**. Но когда в Верном возвели еще одну Свято-Никольскую церковь, что на Кучегурах, было решено исключить путаницу. В 1911 году Большеалматинскую станичную церковь возвели официально в собор, который был назван **Узун-Агачским**. Вскоре здание церкви сильно пострадало от землетрясения, а затем было восстановлено с небольшими изменениями первоначального облика.

В первые годы советской власти собор вновь стал именоваться **Софийским**. В начале 30-х были сняты купола, надстроена крыша. Здание стали использовать под различные культурно-просветительские организации: с 1939 года — это кинотеатр "Ударник"; в 70-е годы — Театр кукол. В 1989 году здание собора было решено реставрировать, но во время пожара оно сгорело дотла; перестали существовать и склепы первосвященников Верного.

Казанская церковь в Малой станице. Ее история восходит к 1864 году, когда из Большой станицы перенесли деревянную церковь, бывшую Софийскую. По всей видимости, проект церкви был выполнен архитектором Н.И.Криштановским. Новый храм освятили во имя иконы Казанской Божьей Матери, покровительницы первых поселений в Семиречье.

Церковь пострадала во время землетрясения 1887 года, была восстановлена по проекту архитектора В.Бруснецова и вновь открыта для прихожан в 1898 году. Она имеет сложное объемно-планировочное решение, выполненное по системе четырехстолпного храма. В плане — вытянутое крестообразное помещение, имитирующее каменный храм.

В советское время здание использовалось как клуб колхоза "Луч Востока". Ныне здесь действующий храм.

Свято-Никольский собор. Трехпридельный собор возведен во имя св. целителя Пантелеймона и великомучениц Варвары и царицы Александры. Ныне действующий.

История собора восходит к 1884 году, когда на генплане города на Кучегурах была выделена Зубовская площадь, с местоположением Свято-Никольской церкви. В 1906 году инженер-строитель Н.И.Лаванов предложил строить первый этаж церкви кирпичным, на старом фундаменте; второй этаж — рубленым из бревен. Над перекрытием объема предполагалось поставить пять главок на двухъярусных граненых барабанах; с западной стороны — колокольню. Одновременно зодчий С.К.Тропаревский выполнил

Рис. 4. Алматы. Свято-Никольский собор. *1907 г.*

архитектурно-художественную композицию, сочетавшую элементы как деревянного, так и каменного русского искусства.

Свято-Никольский собор, что в Кучегурах, был освящен 14 декабря 1907 года его преосвященством Димитрием. По поводу этого события "Туркестанские епархиальные ведомости" писали: "Кучегурский храм выделяется среди многих приходских храмов г. Верного не только своей внешней красотой, напоминающей наилучшую пору нашего зодчества, но и своей внутренней жизнью: богомольцев там стекается так много, как нигде, а если усердие их будет стоять всегда на такой же высоте, то храм этот скоро придется расширить...".

В 1934 году в здании церкви разместился республиканский антирелигиозный музей, затем — следственный изолятор НКВД. А в конце второй мировой войны, на Благовещенье 1945 года, храм неожиданно вернули Русской православной церкви.

Военный собор. До землетрясения 1887 года в Верном была возведена **военно-лагерная церковь**, нареченная **во имя св. великомученика Георгия Победоносца** (Егорьев день, 23 апреля, был общевойсковым и храмовым праздником с 1874 года).

10 сентября 1904 года был образован комитет по постройке на Казарменной площади нового военного собора. Храм нарекли **в честь Алексея,** наследника престола, родившегося летом 1904 года. Здание было возведено и освящено в 1906 году. За основу объем-

но-планировочного решения автором проекта взята крестово-купольная система. Для большей вместительности (до 900 прихожан) при строительстве была увеличена центральная часть церкви. Прямоугольный объем здания перекрыли двускатной кровлей. В западной части возвышалась шестигранная колокольня; в алтарной части — купол на высоком барабане.

В архитектуре церкви, наряду с основной христианской трактовкой псевдорусского стиля, заметно также влияние деревянного модерна, уже пустившего корни в Туркестане — в оформлении окон, входных дверей, кружевного карниза. Воинскую принадлежность здания автор подчеркнул в символических деталях военного быта: ими завершены пилястры, возвышающиеся над карнизом, перекрытия входов.

В 20-е годы собор закрыли.

Покровская церковь. Была заложена на Сенной площади 10 июня 1879 года по проекту первого городского архитектора Г.Н.Серебренникова. Освящена в 1882 году преосвященным Александром.

Церковь возводилась в псевдорусском стиле: фигурные колонны, поддерживающие перекрытие колокольни, элементы декоративного оформления напоминают праздничный, из нескольких срубов терем. Фасады церкви первого и второго ярусов изящно отделаны резными деталями; окна обрамлены кружевными наличниками. Главный купол и четыре боковых маковки поставлены на высокие шатровые объемы. В плане церковь представляла квадрат со вписанным крестом. Восточная часть была удлинена для алтарной части; западная — для притвора и колокольни.

10 марта 1888 года Комитет, учрежденный для распределения пособий пострадавшим от землетрясения 1887 года, выделил остатки суммы пожертвований от населения России и поручил П.В.Гурдэ, исполняющему обязанности городского архитектора, приступить в первую очередь к реконструкции Покровской церкви. Проект восстановления был составлен архитектором Н.П.Нарановичем, и в 1896 году на старом фундаменте зодчие поставили новую градоверненскую приходскую церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

Покровская церковь была закрыта и снесена в 1934 году, в связи с разбивкой главной площади имени Коминтерна.

Введенская церковь, что на Клеверных участках. Освящена епископом Димитрием 21 ноября 1909 года. Строилась под наблюдением инженера-строителя Н.И.Лаванова по традиционной крестово-купольной системе; пятиглавая, с шатровой колокольней. Фасады решены в псевдорусском стиле. Оштукатуренные декоративные детали имитируют камень. В 30-е годы церковь во имя

Введения во храм Пресвятой Богородицы была закрыта. Сначала здесь разместили картографическое предприятие, а вскоре здание церкви снесли.

Александро-Мариинская приютская церковь. Торжественная закладка была совершена 10 июня 1891 года. Возведена в ансамбле здания приюта в 1892 году по проекту архитектора П.В.Гурдэ по традиционной крестово-купольной схеме, с применением деревянных конструкций. Великолепное архитектурное решение верхней части здания приюта говорит о том, что автор внес нетрадиционные для Туркестана элементы зодчества и имел громкий успех.

Во время землетрясения 1910-11 годов колокол сорвался и пробил и без того разрушенное здание. Церковь впоследствии не была восстановлена. Однако в 20-30-е годы в здании временно размещалось правительство, переехавшее из Кызыл-Орды.

Троицкая приходская церковь, с приделом во имя Пророка и Крестителя Иоанна Предтечи. Была возведена на Каменной площади в 1896 году по проекту архитектора В.Брусенцова.

Рис. 5. Алма-Ата. Троицкая церковь. *1896 г.*

Из журналов Верненской городской Думы за 1893 год, посвященных восстановлению городского хозяйства после землетрясения 1887 года, следует, что в городе намеревались начать строительство новых храмов во имя св. Предтечи Крестителя Иоанна, св. Пророка Илии, св. князя Владимира и храма во имя Пресвятые Живоначальныя Троицы. "Построением сих храмов,— говорится в документе,— и имя Божие сугубо прославится и с нас

православных верненских горожан снимется поношение магометан, похваляющихся множеством своих мечетей".

7 февраля 1930 года церковь была закрыта. Здесь долгие годы размещался Геолого-минералогический музей имени К.И.Сатпаева. Здание было снесено во время строительства городка Института геологии Академии наук республики.

Церковь во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия при мужской гимназии. Была возведена в 1881 году и разрушена землетрясением вместе с корпусами гимназии в 1887 году. Вторично возведена по проекту архитектора П.В.Гурдэ и освящена преосвященным Никоном 3 декабря 1895 года.

Николаевская церковь при женской гимназии. Заложена 11 апреля 1903 года и освящена в 1905 году преосвященным Паисием во имя святителя и чудотворца Николая. Снесена при возведении нового корпуса Казахского педагогического института.

Крестовая церковь, архиерейская домовая (с 14 августа 1918 года — приходская). Впервые освящена 23 ноября 1878 года преосвященным Александром во имя Александра Невского. Во время землетрясения дом и подворье архиерея, выполненные по проекту архитектора И.Козелло-Поклевского, были совершенно разрушены. Позднее Крестовая церковь была восстановлена и наречена **Успенской**. Снесена во время строительства Окружного дома офицеров.

Серафима Саровского домовая архиерейская церковь, что на летней даче преосвященного Софония (до 1875 года — дача военного губернатора Г.А.Колпаковского). После землетрясения 1887 года была вновь отстроена и освящена епископом Димитрием в память чудотворца Серафима Саровского 1 июля 1907 года. Снесена селем 8-9 июля 1921 года.

Петро-Павловская церковь при Верненском тюремном замке. Первоначально построена в 1879 году. После землетрясения 1887 года восстановлена на прежнем фундаменте. Освящение закладки церкви совершилось 11 июня 1891 года. Здание не сохранилось, несмотря на то, что церковь была объявлена памятником и подлежала охране государством.

Всесвятская церковь, кладбищенская (с 1908 г. — монастырская, Иверско-Серафимовской женской общины). Возведена по проекту архитектора С.Тропаревского и инженера-строителя Я.Порошина. Пожалуй, это была единственная церковь, среди других городских, отвечающая всем требованиям трактовки русско-византийской архитектуры. Вместе с кладбищем Всесвятская церковь была снесена в годы войны при строительстве машиностроительного завода, эвакуированного в Алма-Ату.

Часовня Туркестанского епархиального Казанско-Богородичьего братства **в память иконы Божией Матери всех скорбящих радосте** (Братская часовня). Освящена с поднятием крестов 17 декабря 1895 года. Располагалась на Малом (он же Верхний или Мучной) базаре. Здание не сохранилось.

Часовня Знаменская в память землетрясения 28 мая 1887 года. Часовня-памятник была возведена по проекту П.Гурдэ строителем М.Аликиным в годовщину трагедии. По этому поводу бытописатель Павел Зенков писал: "Мы, семиреченцы, со страхом вспоминаем прошлогоднюю катастрофу, строим часовню-памятник ко дню ее годовщины. И украсили эту часовню, вокруг фонаря ея, подобающею надписью, а именно: "И подвижеся, и трепетна бысть земля, и основания гор смятошася и подвигошася, яко прогневася на ня Бог." П.Зенков пишет также о братской могиле почти 300 детей, погибших во время разгула подземной стихии, и захороненных в западной части нынешнего городского парка.

Часовня-памятник снесена в 1927 году, как впрочем и многие другие памятные места города, в частности часовня в память землетрясения 1910-11 годов, которое случилось на рождественские праздники.

Ев. Доцук

СОБОР НАД ГОРОДОМ

Если бы Андрей Павлович Зенков творил в Москве или Петербурге, о нем, наверное, как о гении русской архитектуры, знал бы весь мир. Но Зенков украшал не российские города, а застраивал всю жизнь южный азиатский город Верный — нынешний Алматы. Позже в тех местах в ссылке оказался Юрий Осипович Домбровский — он и оставил об архитекторе несколько страниц в "Хранителе древностей". Именно в зенковском **Вознесенском соборе** происходят важнейшие события романа. Эти несколько страниц — пожалуй, и все, что написано о необыкновенном мастере русского зодчества.

Он возник здесь, когда сокрушительное землетрясение 1887 года снесло Верный до последнего домика. И он первый заставил Алматы расти вверх. Кто знает, не появись Зенков, — может, так и застроили бы город приземистыми глухими коробками. В те времена Верному был вынесен архитектурный приговор — считалось, здесь нельзя строить высоко и "воздушно", землетрясение, мол, рано или поздно сметет все.

А Зенков вдруг взялся обставлять город ажурными дворцами из тянышанской ели со шпилями, куполами и башнями. До сих пор старый центр — это зенковские Торговые ряды, магазин Шахворостова, офицерское собрание, две гимназии, окружной суд и, конечно, главный шедевр — Вознесенский Кафедральный собор.

Домбровский услышал о Зенкове от первого встречного старого казаха. "Я завернул за угол и увидел собор. Он висел над всем городом. Высочайший, многоглавый, узорчатый, разноцветный, с хитрыми карнизами, с гофрированным железом крыш. Настоящий храм Василия Блаженного, только построенный заново уездным архитектором".

Зенков не следовал строго церковным канонам, и потому стены своего собора оставил чисто белыми. В купол встроил оконца, через которые в центр храма вливалось синее алматинское небо, а расписать храм велел розово-голубыми картинами. И рисовал их не иконописец и не монах, а местный учитель рисования, приятель Зенкова художник Хлудов, для которого вообще не существовало темных тонов и мрачных красок.

...По странным причинам, по стечению обстоятельств давно задуманное строительство храма в Верном долго откладывалось и

остановилось ровно на сорок лет. Как раз до тех пор, пока за него не взялся голубоглазый офицер-красавец, щеголь Андрей Зенков. Строил он собор три года, и 30 июля 1907 года, в день рождения цесаревича Алексея Романова, в храме прошла первая служба. На литургии епископ Туркестанский и Ташкентский Димитрий назвал собор "одним из величайших деревянных храмов нашего Отечества".

Стихия не замедлила испытать зенковское творение. В Рождество 1910 года город опять тряхнуло с невероятной силой. Газета "Семиреченские ведомости" написала тогда: "Землетрясение это является одним из величайших известных науке. Сейсмографы многих сейсмических станций Европы были им испорчены и перестали работать, чего не было при землетрясениях предыдущих". Верный вторично снесло с лица земли, но невредимыми остались зенковские постройки. А Вознесенский собор не просто устоял, в нем уцелели даже стекла! Зенков приписал это могучей тяньшанской ели. Она не подвела, удержала храм: "Колокольня лишь качалась и гнулась, как вершина высокого дерева, как гибкий брус". Архитектор построил собор без подвалов, а фундамент окружил кольцевой подземной галереей, которая и отразила сейсмические удары*).

Это стало настоящей архитектурной сенсацией. Зенкова наградили ордером св. Станислава, что дало ему право перейти в дворянское (отец его был купцом второй гильдии) сословие. Правда, позже, при советской власти, это дворянство едва не обернулось для архитектора тюрьмой — какой-то лихой казак донес на Зенкова: дескать, царский полковник, а служит областным инженером. Были допросы, разбирательства, но человеком он был миролюбивым, безобидным, к тому же делами занимался совершенно штатскими и полезными — восстанавливал семиреченские дороги, строил первый в этих местах аэродром. Его отпустили, однако взамен заставили подписать изуверскую бумагу, в которой он будто бы просил забрать собор у верующих и передать "под культурное учреждение".

---

*) Верненский собор представляет не просто замечательное архитектурное, но и инженерное произведение. Формы деревянной архитектуры были давно разработаны русскими зодчими, но перед ними не стояла задача обеспечения от воздействия сейсмических толчков, которая возникла перед А. П. Зенковым. И потому он осуществил соединение всех деревянных конструкций без стягивающих металлических деталей, почти буквально без единого гвоздя. В здании собора они соединены системой шарниров и врубок, которые смещаются, не разрываясь при этом.

Русский архитектор как бы повторил многовековый опыт японских строителей, которые именно так выводили свои многометровые пагоды. И действительно, за 90 лет со времени возведения собор перенес без ущерба немало сейсмических толчков *(Ред.)*.

“Просьбу” удовлетворили — замазали хлудовские рисунки, убрали колокола, вынесли иконостас и кресты, приготовив храм к службе главным краеведческим музеем Казахстана. С тех пор ни в одной из записей Зенков не упоминал о своей причастности к строительству церквей (а их было много — в том числе Троицкая церковь в Иссык-Кульском монастыре).

В 1995 году Вознесенский собор наконец передали в вечное пользование православным. В светлый праздник Вознесения, были подняты колокола. И произошло чудесное — в тот момент, когда освящали храм, в небе появилась радуга. Это был обычный яркий солнечный день, без намека на дождь. Откуда взялась радуга? Это осталось загадкой.

Ю.А.Елгин

ПРАВОСЛАВНОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗОДЧЕСТВО ЮГА КАЗАХСТАНА (XIX — начало XX вв.)

С утверждением русских в Туркестанском крае в последней трети XIX века в его градостроительство и архитектуру, переживавшие в ту пору застой и даже упадок, вливается свежая струя — начинается строительство новых и перепланировка старых городов, сооружаются невиданные раньше здесь гражданские и культовые здания.

Зодчие Туркестана использовали почти во всех своих постройках эклектику — архитектурный стиль, господствовавший в европейской части России в 1870-1910-х годов, для местных условий бывший явлением прогрессивным. Зданий, построенных в этом стиле, сохранилось немало, но, по иронии судьбы, они, во времени стоящие ближе к нам, оказались наименее изученными. Только в ходе подготовки к изданию Свода памятников истории и культуры Казахстана, обнаружился новый неизученный пласт в архитектурном наследии Южноказахстанской области — русское церковное зодчество. Ему мы и посвятим наш небольшой историко-архитектурный очерк.

На начало 1920-х годов только в Туркестанском уезде* Сырдарьинской области было зарегистрировано пятнадцать действующих храмов. Но в Сырдарьинскую область в то время входил еще один уезд — Чимкентский, во многих его селах также имелись церкви. Согласно архивным данным и справкам статистических органов Туркестанского генерал-губернаторства до 1917 года церкви или молитвенные дома имелись почти в каждом большом переселенческом поселке Чимкентского уезда (1).

Как и в европейской части России церкви в Южном Казахстане, как правило, являлись единственными монументальными зданиями сел, истинными их украшениями и гордостью, местом притяжения всей общественной жизни сельчан. Села с центральной площадью и церковью на ней в Южноказахстанской области не встречаются. Обычно это ряд длинных улиц, идущих параллельно, пересеченных переулками под прямым углом. На главной улице и находилась церковь. Почти везде в комплексе с ней сооружалась церковно-приходская школа, дом настоятеля, кое-где

* Границы его территориально не совпадали с современным административным делением, и включал он в себя частично пять районов современной Южноказахстанской области.

и другие службы. Иногда они обносились оградой, участок засаживался деревьями, как это было, например, в Дорофеевке. Поблизости строили свои дома зажиточные крестьяне. Кое-где эти дома частично еще сохранились.

За все последующие десятилетия ничего не создано в этих населенных пунктах равного церквам ни по прочности, ни по человечности и красоте. Единичные постройки нынешней уныло — стандартной архитектуры не в состоянии с ними конкурировать.

Церковное зодчество на юге Казахстана специально никем не изучалось. Тем не менее небольшой историографический экскурс сделать можно и необходимо. В архитектуроведческой литературе как Казахстана, так и республик Средней Азии эта категория памятников даже не упоминается. Исключение составляют единичные публикации по градостроительству и архитектуре Средней Азии второй половины XIX — начала XX веков, почти не затрагивающие южноказахстанский регион. Не сняло проблемы и опубликование (с большим опозданием) монографии В.А.Нильсена "У истоков современного градостроительства Узбекистана" (2). Он пишет о многих церквах Туркестанского края, однако данные, приводимые им о немногих южноказахстанских храмах, крайне беглы и неточны.

В связи с отсутствием сведений по русскому культовому зодчеству в Казахстане в специальной литературе особое значение приобретают публикации до 1917 года, на первый взгляд, имеющие косвенное отношение к церковному строительству. Непосредственно нашей темы касается из данных изданий только небольшая книжка священника В.А.Яковлева "Из церковной жизни Туркестана", что очень важно для написания нашего историко-архитектурного очерка. Она имеет подзаголовок "Краткий очерк Туркестанской епархии в первые тридцать лет ее существования" (3). Свой рассказ о церквах Туркестанского края (и не столько он писал о храмах, сколько об открытии приходов) В.А.Яковлев довел до начала 1900-х годов, а между тем их строительство еще более интенсивно велось и в последующее полуторадесятилетие. Тем не менее в этой работе содержится достаточно много конкретных фактов по церквам Чимкентского уезда.

В ряде работ по Туркестанскому краю общего плана, более описательных по своему характеру, можно встретить некоторые сведения по интересующему нас вопросу. Однако эта публицистика требует критического к себе отношения и нуждается в перепроверке и уточнении по архивным документам. В этом мы убедились, приступив к рассмотрению конкретных памятников.

Другой круг литературы, которую мы также можем использовать, связан с проблемами переселенческого дела в Туркестанс-

ком крае, так как только с возросшим притоком населения православного вероисповедования резко возросло число церквей в Чимкентском уезде. К данной группе литературных источников примыкают опубликованные справочно-статистические данные по Туркестанскому краю. Нужные факты приходится выбирать из них буквально по крупицам, но каждый, даже небольшой штрих помогает воссоздать и уточнить картину развития церковного зодчества в Южном Казахстане.

Непосредственное натурное изучение сохранившихся церквей началось только в начале 1980-х годов.

Памятников церковного зодчества первого после завоевания края десятилетия не сохранилось, да, скорее всего, их не было. Туркестан и Чимкент были взяты русскими войсками в 1864 году, а первые, военные церковные причты были учреждены только в 1866 году. Так что на первых порах заботу о поддержании православной церкви в присоединенных областях взяла на себя русская военная администрация. Только в 1871 году в городе Верном была учреждена епископская кафедра. Сложилось характерное для Туркестана разделение светской и духовной властей: центр управления краем и резиденция генерал-губернатора находились в Ташкенте, а местопребыванием архипастыря стал Верный. До этого все церковные приходы Сырдарьинской области и Зерафшанского отдела объединялись в одно Ташкентское благочиние.

Церковная жизнь начинала потихоньку налаживаться, чего не скажешь о сооружении храмов. Как сообщал в 1872 году первый Туркестанский епископ Софония: "Почти все церкви Сырдарьинской области суть временные и построены на скорую руку — из камня, из дерева и даже из кошем, или же помещаются в казарменных избах, и все очень невместительны, низки и без колоколен...". Такое положение дел неудивительно, так как в этот, первоначальный период колонизации Туркестана строительное дело еще не было поставлено на должный уровень — отсутствовали кадры архитекторов и инженеров, не было налажено производство строительных материалов и главного среди них — жженого кирпича. Даже первые церкви Ташкента и Самарканда (1868) были сооружены из сырцового кирпича. Что же сказать о Чимкенте? Первая церковь здесь тоже была сырцовой и также построена в 1868 году. Строилась она на добровольные пожертвования, собранные священником отцом Дмитрием Вознесенским. После того, как в 1885 году освятили новую церковь, на месте первой поставили крест из жженого кирпича. Не сохранилась и более поздняя церковь в Чимкенте — кладбищенская **церковь Успения Божией Матери**. Наряду с первой о ней упоминает в своей книге, довольно хорошо известной краеведам, "Города Сыр-

Дарьинской области" публицист А.И.Добросмыслов. Это была по его словам, небольшая церковь из жженого кирпича, на 50 молящихся. Построили ее в 1894 году, а освящение состоялось в 1895 году. При ней стояла звонница на трех кирпичных столбах под железной крышей. Колоколов было три, большой из них весил 8 пудов (4, с. 197).

Крупицы сведений о первой церкви города Туркестана мы находим все в той же книге А.И.Добросмыслова. **Никольская церковь** в Туркестане была сооружена в 1871 году" в виде обыкновенного небольшого домика из сырцового кирпича".

Временные церкви, конечно, проигрывали в сравнении с местными грандиозными мусульманскими памятниками, что побудило первого туркестанского генерал-губернатора К.П.Кауфмана обратиться с ходатайством к обер-прокурору Св. Синода графу Толстому: "Бедность и заброшенность наших тамошних церквей и отсутствие торжественности, требуемой правилами церкви при Богослужении, действует весьма [отрицательно] как на русских, органическая связь которых с родиною поддерживается только верою, так и мусульман, которые имеют повсеместно мечети и полную возможность исполнять требования своей веры".

Пожелание К.П.Кауфмана, впрочем, еще продолжительное время оставалось невыполнимым. Сказались, во-первых, неорганизованность самой церковной жизни, и, во-вторых, неразвитость строительного дела в присоединенном крае.

1880-е года особых изменений по сравнению с предыдущим периодом в церковное строительство в Чимкентском уезде не внесли. Православное население здесь еще немногочисленно. В 1885 году в Чимкенте насчитывалось всего 62 русских дома. По данным на 1887 год в этом городе проживало 833 русских (5, с.71). Одного небольшого храма в городе, а также кладбищенской церкви было в то время вполне достаточно для удовлетворения религиозных потребностей новых горожан.

В городе Туркестане 1880-х годов была одна церковь. Со слов все того же А.И.Добросмыслова известно, что строилась она в 1884-1886-х годах, освящена 29 января 1886 года во имя Святителя Николая. Здание было сложено из сырцового, а фундамент его из жженого кирпича. По смете военного ведомства на постройку израсходовали 22 тысячи рублей. Сей храм в Туркестане не достоял до наших дней. С 1900-х годов известно другое здание, сооруженное, очевидно, на месте прежней церкви, на территории бывшего городского парка, у пересечения главных городских магистралей.

В отличие от первых сырцовых церквей Туркестана она сложена из жженого кирпича. Здание искажено перестройками, но фа-

сады его хранят следы нарядного декора, по стилю примыкающего к архитектуре домов пристанционной части города 1903-1906-х годов (6, с.575-576).

Надо отметить, что памятники церковного зодчества 1880-х годов в Чимкентском уезде были единичными и не сохранились. Открытым пока остается вопрос **о церкви Сергия Радонежского** в Чимкенте, на месте которой теперь предположительно находится здание филармонии (время проектирования и строительства церкви — 1881-1886 годы, автор проекта В.С.Гейнцельман). Несмотря на это, 1880-е годы заложили основу для последующего развития и подъема церковного строительства в Туркестанском крае. В этот период начали формироваться строительные

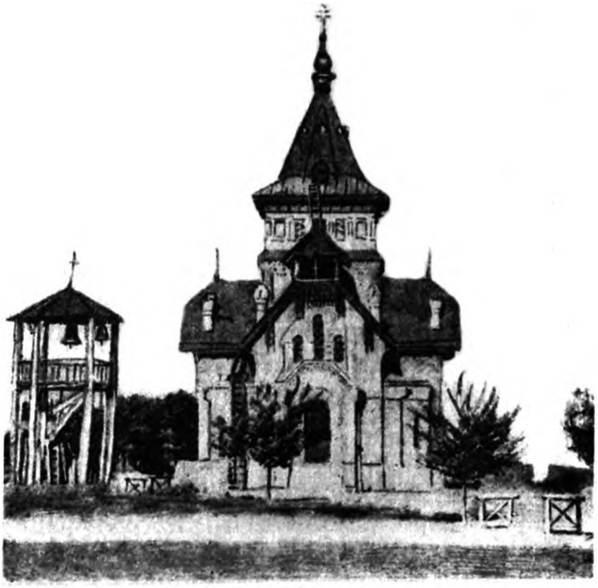


Рис. 6. Чимкент. Церковь Сергия Радонежского. *1886 г.*

организации в Туркестане и кадры инженеров, архитекторов и строителей различных специальностей. В 1880-е годы сюда приехали и начали работать архитектор А.Л.Бенуа и гражданский инженер В.С.Гейнцельман, принимавшие живейшее участие в проектировании и сооружении церквей Сырдарьинской области и, в частности, в Чимкентском уезде. В начале 1880-х годов в Туркестанском крае налаживается производство местных строительных материалов, главная роль среди которых принадлежала жженому кирпичу вершкового измерения. Этот кирпич имел традиционный для Средней Азии и юга Казахстана желтоватый тон, в отличие от красного русского, его цвет не менялся со временем.

Этот кирпич был прочен. Из него сооружены все церкви Южно-казахстанской области.

Период 1890-1910-х годов в церковном строительстве оказался более плодотворным — все сохранившиеся церкви в русских поселках уезда и **Никольский собор** в Чимкенте сооружены в это время. Два основных фактора сыграли в этом решающую роль.

Первое. В отличие от предыдущего периода сформировалась в Туркестанском крае окончательно строительная база. К этому времени сложились свои кадры инженеров и архитекторов. Народные мастера — строители из туземного населения активно привлекаются к строительству гражданских сооружений и церквей. Второе. На динамику церковного строительства впрямую повлияла мощная волна переселенческого движения конца 1880-1900-х годов. Рост населения православного вероисповедания насущно требовал сооружения храмов в наиболее крупных поселках. Не везде и не сразу возводили капитальные "казенные церкви".

Почти во всех селах храмы сооружались в комплексе с церковно-приходскими школами и домами для церковного причта. Школы строили по типовому проекту, разработанному в 1897 году В.С.Гейнцельманом и Г.М.Сваричевским, т.е. теми зодчими, которые проектировали и строили сами церкви. Поэтому фасады и школ, и церквей выдержаны приблизительно в одном стиле.

Истории каждой из казахстанских церквей поучительны и интересны. На некоторых из них мы остановимся.

Покровско-Богородицкая церковь в Высоком. Высокое — одно из первых русских сел в Южном Казахстане. Основано в 1887 году. В его северной части стоит сильно перестроенное здание церкви. После закрытия церкви в 1930 году здание приспособили под школу.

Церковный приход в Высоком был открыт в 1890 году. В 1892 году выбрали место для церкви, позже построили храм, освящение его состоялось 16 января 1895 года. Это здание не сохранилось. Построенное по проекту А.А.Бурмейстера, оно, очевидно, было меньше и не столь представительно, как второе (7). Таким образом, Покровская церковь в Высоком прошла свою "эволюцию".

13 марта 1906 года крестьяне Высокого обратились с прошением в Строительное отделение Сырдарьинского областного правления: "Намереваясь расширить свой храм на свои средства, просим Строительное отделение составить план на расширение по образцу плана, составленного для церкви села Покровка Аулиеатинского уезда". Позже мысль о расширении храма отпала, и явилась другая — о постройке нового, для чего предполагалось сломать старую церковь, а кирпич использовать для постройки но-

вой. На сельском сходе 16 марта 1908 года решили: построить новую, "каменную" церковь, и уже для нее составить план и смету. Касательно проекта пожелания крестьян были таковы: чтобы храм был на 1400 человек, "чтобы был светлый, светлей, чем соседний ванновский храм с невысоким куполом". Священник Покровской церкви писал в Строительное отделение: "Как образец (проекта церкви — Ю.Е.), желательный для общества, указывается на храм с. Егорьевки Чимкентского уезда". Областной инженер Р.И.Зарако-Зараковский на это прошение наложил следующую резолюцию: "Инженеру Маркевичу ... составить проект согласно желанию крестьян". И.А.Маркевич глядел на вещи более прозаически, а может быть просто денег не хватало, но он в конце концов приспособил к местным условиям уже не единожды использованный проект, по которому построено большинство церквей Чимкентского уезда. В результате Покровская церковь в Высоком и по планировке, и по объемной композиции, и по декору фасадов получилась похожей как две капли воды на храмы в Корниловке, Балыкшах, Антоновке, Вревском, Дорофеевке и др.

Михайло-Архангельская церковь в Белых Водах. Село Белые Воды основано в 1889 году переселенцами из Воронежской губернии. Церковный приход открыт только в 1895 году. Тогда же скорее всего и началось строительство церкви. Как можно предположить, церковь в Белых Водах прошла достаточно длительный путь эволюции.

Еще в 1893 году архитектор А.Л.Бенуа разработал в цвете проект нарядной церкви для Белых Вод (8). О судьбе этой небольшой церкви мы пока не знаем. Окончательное здание церкви сооружалось в начале 1900-х годов. Относительное ее проекта В.С.Гейнцельман докладывал туркестанскому генерал-губернатору: "Проект тождествен с проектом, утвержденным... для Вревского, Александровского и Ванновского". Церковь рассчитывалась на 300 человек, при ней запроектировали паномарную, сторожку и ризницу. Проект не сохранился, но В.С.Гейнцельман столь подробно его описал, что он легко угадывается в проектах других церквей, сделанных на типовой основе: "Для удешевления постройки и придерживаясь преподанных к руководству нормальных типов, церковь проектирована не формы центральной, а в виде продолговатого помещения с колокольней на западной стороне. Фасад западный разработан гораздо богаче нормального типа, в виде трехглавого возвышения. Постройка проектирована из жженого кирпича, под железной крышей, и штукатурными потолками и кирпичными полами". На церкви было четыре креста и колокола общим весом 50 пудов.

Церковь в Белых Водах на учете в государственных органах охраны памятников не состоит, вероятно потому что от нее сохранились лишь остатки.

Богородицко-Покровская церковь в Дорофеевке. Поселок Дорофеевское (современная Первомаевка) основан в 1891 году. Церковный приход в нем открыли спустя четыре года. Сохранившемуся капитальному зданию церкви, как и в других селах, предшествовал скромный молитвенный дом. Колокола и вся церковная утварь впоследствии перекочевали из него в новое здание церкви. Она находится в старинном живописном саду; вероятно, это бывший церковный сад — на старинной фотографии Покровская церковь в Дорофеевке запечатлена в ограде, в густой зелени деревьев.

Начало строительства относится к 1902 году. Строить должен был архитектор П.В.Гаргынский, но он заболел, и производителем работ назначили Областного инженера В.В.Есакова. Десятником на строительстве работал художник В.И.Якоби (9).

Покровская церковь в Дорофеевском строилась по одному типовому проекту с церквами в Корниловке, Белых Водах, Вревском, Обручевке и др. В самом начале 1930-х годов церковь закрыли.

Георгиевская церковь в Георгиевке. Церковь стоит в центре села, на главной улице, выходя к ней боковым южным фасадом. Сооружалась она в комплексе с церковно-приходской школой и другими служебными постройками. К сожалению, об этом, одном из лучших в архитектурно-художественном отношении храмов, сохранившемся относительно неплохо (если не считать снесенных в 1930-х годах колокольни и купола), нам известно пока немного. Сохраняется даже неясность с его названием. В "Списке церквей Сыр-Дарьинской области Туркестанской епархии" значится Михайло-Архангельская церковь в Егорьевском. В 1991 году (почти через сто лет!) в Георгиевке вновь был открыт церковный приход. Верующие добились возвращения старинного здания церкви. Вторично его освятили во имя Великомученика Георгия.

Но вернемся к самому началу. Село основано в 1892 году. Спустя три года в Георгиевке (тогда село чаще называли Егорьевским) открыт церковный приход. Как и во всем уезде, церковь строилась не сразу. В 1896 году всем сельским обществом купили у крестьянина Павла Гуляева дом. В нем-то и был поначалу устроен молитвенный дом, освящение которого для литургических богослужений состоялось только в 1898 году. Это было обычное сельское строение из сырцового кирпича под камышовой крышей (10).

Думается, между этим молитвенным домом и существующим ныне храмом было еще какое-то, промежуточное здание, как это бывало в других селах Чимкентского уезда.

Приговором сельского схода от 13 мая 1901 года решено было строить в Егорьевском новую церковь. Хлопотать об этом деле взялся священник Павел Дамианов. Крестьяне пожертвовали значительную по тем временам сумму в 2000 рублей и колокола. За образец хотели взять церковь Иоанна Богослова в Ванновке. Однако ванновская церковь не сохранилась, известно лишь, что она сооружалась по "нормальному" проекту, в ходе строительства проект изменялся, а руку к нему приложил все тот же В.С.Гейнцельман. Судя по косвенным данным, Иоанна-Богословская церковь походила на большинство южноказахстанских церквей с вытянутым прямоугольным компактным планом. Теперь видно, что строивший егорьевскую церковь Р.И.Зарако-Зараковский (он служил тогда младшим архитектором Строительного отделения) взял за основу другой проект, с выделением на плане и в объемной композиции кубического объема перед алтарем.

Церковь Рождества Богородицы в Вревском. Из всех рядовых сельских храмов Южноказахстанской области наиболее полную и подробную историю имеет пока только церковь во Вревском (теперь Панфилово).

В 1900 году архиепископ Туркестанский и Ташкентский дал согласие и благословление на постройку церквей во Вревском, Ванновке и Александровке. Учредили Комитет по постройке церкви во Вревском. В него вошли: Чимкентский уездный начальник (председатель), участковый пристав капитан Кукин, настоятель Сергиевской церкви в Чимкенте отец Тихомиров, староста села и производитель работ младший архитектор Строительного отделения П.В.Гартынский (члены). Церковь строилась хозспособом, подряд на строительство взял ташкентский мещанин (по другим документам купец) Александр Александрович Александров. Он же, кстати, строил церковь в Дорофеевке и других селах Чимкентского уезда. Работы тянулись до июня 1903 года. 6 июня 1903 года Военный губернатор Сырдарьинской области рапортовал об окончании строительства церкви. 15 июля 1903 года состоялось ее освящение. Как и в других поселках, рядом с церковью построили церковно-приходскую школу и дом для церковного причта.

Церковь во Вревском как две капли воды похожа на сохранившиеся храмы в Тоболино, Обручевке, Первомаевке, Корниловке. Такие же церкви были в Ванновке, Балыкшах, Белых Водах, Высоком... Типовое строительство в начале нашего века? Что ж, оно было и раньше. Потому-то в пухлом деле о постройке церкви нет ни слова о ее проекте. Ясно, что попросту использовали уже готовые чертежи какого-нибудь из перечисленных храмов, сооружавшихся одновременно или чуть раньше.

Более четверти века храм служил своему исконному назначению. В 1929 году его закрыли. Здание церкви сохранилось до наших дней.

Памятник был задуман как мемориальный — рядом с храмом предполагалось построить еще и часовню. Ее проект был разработан архитектором А.Л.Бенуа, но по ряду причин не осуществлен.

Никольский собор в Шымкенте. Здание Никольского собора было архитектурной достопримечательностью Чимкента. Остается таковою и в наши дни, невзирая на многочисленные переделки и перестройки, окончательно исказившие его первоначальный облик. Их он за свою короткую для памятника монументального зодчества историю претерпел немало. Теперь, вероятно, лишь немногие старожилы помнят, каким был собор до начала 1930-х годов, да архивные документы хранят замыслы зодчих. В настоящее время в здании собора размещается Областной Государственный театр кукол.

Находится этот памятник в одном из живописных мест города в Детском парке, западным фасадом выходя на улицу Казыбек-би (бывшую Никольскую). Парк возник в 1901-1902 годах и

Рис. 7. Тоболино. Церковь. Восточный фасад. Нач. XX в. *Фото 1925 г.*

Рис. 8. Чимкент. Никольский собор. Западный фасад. *1908—1914 гг.*

получил название Соборного сада, так как уже тогда в нем предполагалось возвести городской собор, для чего при разбивке сада оставили свободную площадку.

Собор еще не был начат строительством, а о нем уже упоминали в печати: А.И.Добросмыслов все в той же своей книге о городах Сырдарьинской области написал: "В конце 1911 года произведена закладка собора, на постройку которого назначено по земской смете 60000 рублей". Увы, этот автор, на которого так любили ссылаться местные краеведы, оказался уже в который раз неточен, если не сказать, недобросовестен. Из архивных документов следует, что закладка Никольского собора в Чимкенте состоялась 16 августа 1912 года (11).

В отличие от сельских церквей Чимкентского уезда, строившихся по типовым проектам, для собора в уездном городе разработали индивидуальный проект, так что собор в Чимкенте выделяется своей неповторимостью не только в массе церковных построек южноказахстанского региона, но и среди лучших городских храмов бывшей Туркестанской епархии. Время создания проекта относится к 1908 году. Создал его младший инженер Строительного отделения Сырдарьинского областного правления И.А.Маркевич.

Путь от зодческого замысла Маркевича к его реализации растянулся на четыре года. Впрочем, самый проект, его архитектурно-художественная часть были исполнены в предполагаемый срок (весьма краткий срок!) и на высоком художественном уровне. Ряд проектных чертежей, дошедших до нашего времени, о том свидетельствуют. Проект Маркевича отослали в Петербург, в инженерный Комитет Главного штаба на утверждение. Оттуда прислали рекомендации: для удешевления сооружения и повышения его сейсмостойкости использовать железобетонные конструкции. Такого в строительной практике в Туркестанском крае еще не было.

Шел уже 1910 год. Проект вернули Маркевичу для переработки. Но... дальнейшее становится понятным из рапорта военного губернатора Сырдарьинской области туркестанскому генерал-губернатору: "... сообщаю, что технический проект и смета на постройку Чимкентской церкви по получении из канцелярии были немедленно переданы для исполнения инженеру Маркевичу, но несмотря на ... выговоры ему от Военного Губернатора области инженер Маркевич документов этих так и не исправил, ввиду чего, а также вследствие ухода инженера Маркевича из Строительного отделения, поручение было передано для исполнения инженеру Ботвинкину" (12).

С этого момента судьба чимкентского собора перешла в "руки" инженера Н.Н.Ботвинкина. Данное обстоятельство уже в наши

дни ввело в заблуждение В.А.Нильсена, назвавшего Н.Н.Ботвинкина в качестве единственного автора этого здания, тогда как ему принадлежит (и вполне заслуженно) честь реализации художественного замысла И.А.Маркевича на новой конструктивной основе. Именно Н.Н.Ботвинкин разработал конструкции фундаментов, перекрытий, барабана купола из железобетона. Вероятно, сделать это было не так просто, ибо он ни в коей мере не нарушил объемно-пространственной композиции собора, архитектуры его фасадов, созданных И.А.Маркевичем, он только немного "упростил" первоначальный проект, "опустив" запроектированные Маркевичем часовню и галерею, соединявшую часовню, колокольню и собор. Но, как говорится, нет худа без добра — это придало зданию лаконизм и подчеркнуло выразительность его силуэта.

Почему же Маркевич устранился от дальнейшей работы над собором и упорно уклонялся от "исправлений", которые от него требовали? Вспомним, что он ученик Гогена, одного из крупных представителей российской эклектики как архитектурного стиля, и сам в душе типичный эклектик. А в эклектике конструкция еще не стала средством художественной выразительности, оставаясь скрытой; архитектурный образ зачастую создается на графической основе. Маркевич и выступил здесь как архитектор-художник, прекрасно сочинивший и начертавший ("нарисовавший") все фасады и разрезы чимкентского собора. Но не обладая инженерно-техническим мышлением, он встал в тупик перед, надо признать, совершенно новой технической задачей (впрочем, Ботвинкин тоже ушел немногим дальше, Никольский собор — нередкий в России начала XX века симбиоз из устаревших архитектурных форм и по-прежнему прячущихся за ними современных конструкций). На примере сооружения Никольского собора наяву виден начавшийся в начале XX века процесс разделения труда зодчего на профессии архитектора-проектировщика и инженера-исполнителя. И.А.Маркевич выступил именно в первой ипостаси, в качестве архитектора-художника.

Уцелевшие проектные чертежи Маркевича позволили сотрудникам Института "Казпроектреставрация" сделать графическую реконструкцию Никольского собора. Вначале он представлял собой квадратную в плане постройку, к которой с востока примыкал полукруглый выступ алтаря (абсида), а с запада — просторный притвор (преддверие). Запроектированные в первоначальном варианте часовня и галерея, соединяющая часовню и колокольню со зданием собора, не были построены, а колокольню поставили, скорее всего, позднее. Центральное подкупольное пространство не было выделено в кубический объем, увенчанный главой

луковичной формы на цилиндрическом барабане. Обилие и разнообразие декоративных деталей в архитектуре фасадов пластически обогащали композицию здания. Особую нарядность придавали постройке три яруса килевидных кокошников, связывавших главу с основным объемом здания. Собор в Чимкенте, как и все православные храмы второй половины XIX — начала XX веков проектирован в "русском стиле", поэтому детали украшения фасадов были заимствованы из древнерусского церковного зодчества XVII века и переработаны Маркевичем. К сожалению, трудно судить сейчас об интерьере собора, более всего пострадавшего от перестроек. Вероятно, он был мало расчленен, архитектурно мало разработан (известно, что там были чугунные решетки), декоративный эффект создавался за счет привозного убранства (иконостаса, икон, утвари и т.д.). Лишь частично сохранилось покрытие полов метлахской орнаментальной плиткой.

У чимкентского собора был еще один "автор". Считаем необходимым упомянуть о Р.М.Качоре, инженере из Среднеазиатского строительного товарищества, ведшем надзор за выполнением всех железобетонных работ. Он внес свои изменения в конструкции, что позволило более выгодно использовать железо и бетон.

Подрядчиком строительства стал ташкентский сарт Ходжа-хан Хидоятходжаев. Осенью 1914 года строительство было завершено, на собор перенесли колокола со старой Сергиевской церкви. 22 ноября 1914 года состоялось торжественное освящение храма во имя св. Николая Угодника.

По существу, этот храм есть средняя приходская церковь на тысячу человек, получившая статус городского собора. Быть может поэтому в отличие от крупных парадных соборов городов Российской империи и, в частности, Туркестанского края, выстроенных в академическом "русско-византийском" стиле, с их тяжеловесностью форм при измельченности деталей, соборная церковь в Чимкенте производила впечатление сооружения более гармоничного по архитектуре и более человечного по своему духу.

В 1925 году его закрыли и сняли кресты.

Зодчие. Проекты. Стиль. К концу XIX века в Туркестанском крае собралась группа военных и гражданских инженеров, архитекторов, призванных создавать новый архитектурный облик городов Туркестана. Многие из них причастны к строительству церквей в Чимкентском уезде.

Первые, немногие еще, сырцовые церкви сооружались инженерами из возникшего в конце 1860-х годов Военно-инженерного управления при штабе войск, дислоцировавшихся в Туркестане (неслучайно они долгое время числились по военному ведом-

ству). Время не донесло имен этих зодчих, равно как и самих храмов. С 1877 года в крае начинают работать строительные отделения при областных правлениях во главе с областными инженерами. В 1887 году введена должность чиновника особых поручений по строительной части при туркестанском генерал-губернаторе. С этого времени и до 1908 года ее занимал В.С.Гейнцельман, его сменил Г.М.Сваричевский, исправлявший ее вплоть до 1917 года.

Гражданский инженер Вильгельм Соломонович Гейнцельман имел самое непосредственное отношение к церковному зодчеству в Южном Казахстане. Сам проектировал храмы и вносил исправления в проекты других зодчих. Г.Н.Чабров отмечал, что проекты его были выполнены с исключительной добросовестностью и стремлением к выразительности.

Второй замечательной фигурой в церковном зодчестве Южного Казахстана был А.Л.Бенуа. Он занимал должность Областного архитектора Сырдарьинской области, в 1890-х годах создал несколько проектов церквей для сел Сырдарьинской области. Плодотворно здесь трудился и архитектор И.А.Маркевич.

В конце 1890-х годов в Туркестан приехал гражданский инженер Г.М.Сваричевский. Георгий Михайлович занимался в основном постройкой сооружений Андижанской, Самаркандской, южной ветви Оренбург-Ташкентской железных дорог и учебных зданий. Вместе с тем, сменив В.С.Гейнцельмана на его посту, в последнее предреволюционное десятилетие имел непосредственное отношение к церковному зодчеству.

Участвовали в подготовке проектов и непосредственно руководили постройкой церквей в качестве исполнителей работ И.И.Шапошников, А.А.Бурмейстер, П.В.Гартынский, Р.И.Зарако-Зараковский, Н.Н.Ботвинкин и другие инженеры и архитекторы. Они обеспечили высокое качество строительных работ, вели их в строгом соответствии с проектами.

А вот вопрос о проектах церквей Южноказахстанской области требует внесения ясности.

Сохранившийся иконографический материал (фотографии и, в особенности, чертежи) нельзя признать обширным, но он, несомненно, достаточен для выявления общей линии развития церковного зодчества, его оценки с точки зрения истории архитектуры Казахстана, а на практике — для реконструкции и реставрации конкретных памятников.

Ссылаясь на мнение профессора Г.Н.Чаброва, автор этих строк ранее повторил, что типовые проекты церквей для переселенческих поселков Сырдарьинской области, стало быть и для Чимкентского уезда тоже, разработал В.С.Гейнцельман (13. с.37, 45). Все оказалось далеко не так просто. Теперь-то ошибочность такого

мнения очевидна. Вместе с тем эта ошибка была закономерной и мало - помалу находит объяснение. Действительно, большинство южноказахстанских церквей сооружались по "образцовым" (типовым) проектам, но маловероятно, что авторы их были местные архитекторы (за исключением, быть может, А.Л.Бенуа). Строительное отделение Сырдарьинского областного правления только в очень редких случаях разрабатывало индивидуальные проекты церквей.

Использование типовых проектов при сооружении церквей было неизбежно по крайней мере по двум причинам. Первая из них — жесткая регламентация в этой области архитектуры. На это сетовал еще один из патриархов русской советской архитектуры, сам строивший до революции церкви. А.В.Щусев: "... стеснения (в церковной архитектуре. — *Ю.Е.*) исходят ... главным образом от учреждений, контролирующих проекты и предъявляющих к ним нормальные, т.е. обезличивающие требования (14, с. 138). Вторая и более объективная, на наш взгляд, причина заключается в самой динамике церковного строительства. С 1860 по 1894 годы церкви в России увеличились в числе с 37 428 до 57 000. С 1903 по 1914 годы число церквей возросло на 3819. В этот отрезок времени в Российской империи строилось в среднем от 200 до 300 храмов в год (мы берем во внимание только капитальные "каменные" церкви). При таких темпах немыслимо предположить, что для каждой сельской церкви стали бы разрабатывать индивидуальный проект. Между тем типовое строительство в России имеет глубокие и прочные корни со времен Петра I, оно не было чем-то исключительным и второстепенным, велось на высоком художественном и техническом уровне и дало много интересных и значительных памятников.

Так вот, в России составлялись специальные альбомы, содержавшие "образцовые" (или как называли А.В.Щусев, В.С.Гейнцельман и другие архитекторы, "нормальные") проекты церквей, издававшиеся в Москве и Санкт-Петербурге. Затем они рассылались по всем губерниям. Их-то и использовали местные зодчие. Г. Н. Чабров упоминал вскользь об использовании туркестанскими архитекторами проектов церквей, сочиненных еще в 1830-х годах К.А.Тоном, придворным архитектором Николая I. Данный факт вполне вероятен, но он нуждается в уточнении.

Теперь ясно, что типовая основа церквей предписывалась свыше. Потому-то в многочисленных объемистых делах о постройке церквей в Чимкентском уезде никогда не возникал вопрос о проекте, предполагалось, что он уже имеется. Просто указывалось: строить по типу такой-то (уже существующей) церкви. Эти про-

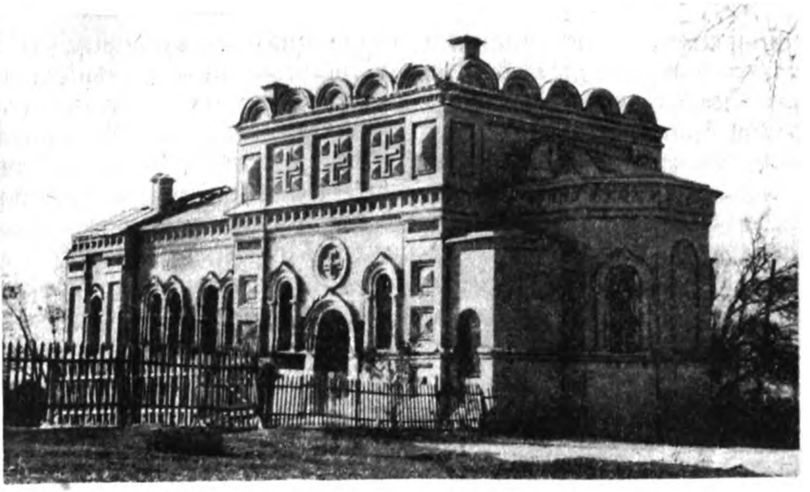


Рис. 9. Каскасу. Церковь Всех Святых. Юго-восточный фасад. *Нач. XX в.*

екты, незначительно изменяемые и "привязываемые" зодчими из Строительного отделения к местным условиям, проходили утверждение у епархиального начальства, а затем поступали на подпись к В.С.Гейнцельману (15). Отсюда, очевидно, и явилось заблуждение об его авторстве церквей Сырдарьинской области.

Проект часовни во Вревском А.Л.Бенуа, о котором говорилось выше, был едва ли не единственным индивидуальным проектом сельской церкви в Чимкентском уезде. Другой проект А. Л. Бенуа, церкви в Белых Водах также демонстрирует высокое графическое мастерство этого зодчего. Проект выполнен в цвете, тщательно разработан. Он включает в себя план церкви, чертежи западного и северного фасадов, разрез по продольной оси, план кровли. Здесь Бенуа запроектировал небольшую церковь с шатровым покрытием и главой луковичной формы. Ее объемно-пространственная композиция необычайно живописна, фасады, украшенные фигурной кирпичной кладкой, нарядны. Отточенность формы в сочетании с изяществом деталей присущи этому графическому листу.

Был осуществлен проект Бенуа в Белых Водах, или нет, сказать трудно, но по нему была сооружена в 1890-х годах **Пророко-Ильинская церковь** в Тамерлановке (здание не сохранилось, но есть его старый снимок). Строили ее сначала инженер Калинин, затем архитектор П.В.Гартынский (16).

Ясно, что сохранившиеся церкви Южноказахстанской области сооружались по трем типовым проектам, так как все они определенно делятся на три весьма неравные части: 1) церковь в Георгиевке; 2) церковь в Каскасу; 3) церкви в Первомаевке (До-

рофеевке), Тоболино, Белых Водах, Корниловке, Панфиловке (Вревском), Обручевке, Высоком. Как видим, последняя группа самая многочисленная. И применялся здесь наиболее унифицированный проект, как самый простой и дешевый. Проект церкви в Антоновке, датированный 1916 годом и подписанный Н.Н.Ботвинкиным, а также церковь в Тоболино с ее уцелевшей трехглавой колокольней и фотография Покровской церкви в Дорофеевке позволяют составить об этих церквах довольно полное представление и реконструировать их первоначальный облик. Они абсолютно идентичны запроектированному Н.Н.Ботвинкиным храму. Этот проект разработан очень подробно, включает план, разрезы, чертежи западного, северного и южного фасадов, рисунки деталей и узлов с проставленными размерами. Чертежи черно-белые, на одном большом длинном листе кальки, аккуратно вычерчены черной тушью. Это наводит на мысль, что исходный (нормальный) тип, спроектированный (скорее всего "нарисованный" анонимным автором одного из вышеупомянутых альбомов), конкретизировался, детализировался, на его основе создавались рабочие чертежи, без которых невозможно было обойтись на практике непосредственно при возведении здания. На этой стадии подготовки проектов чаще всего и допускались изменения по сравнению с "нормальным" типом (больше это касается элементов декора).

Церкви, сооруженные по рассматриваемому проекту, в плане имели вытянутый прямоугольник, оживленный лишь алтарной частью, состоящей из трех абсид. Средняя, большая по размерам абсида имеет в плане пятигранное очертание. С севера и юга к ней примыкают небольшие трехгранные абсиды. В западной части храма находится притвор, над которым возвышается трехглавая колокольня. В целом этот план напоминает базиликальные церкви российского классицизма, только здесь он донельзя геометризован и упрощен.

Колокольня, увенчанная тремя куполами луковичной формы, на высоких стройных барабанах, имеет трехступенчатое членение. В центре ее, по сути, устроен большой арочный проем полуцилиндрического очертания, где были подвешены колокола. Богатый кирпичный декор делает ее нарядной, а причудливый сложный силуэт колокольни спорит с довольно-таки лапидарным основным объемом здания.

Обращает на себя внимание архитектурная разработка фасадов церквей. Их северные и южные стены снаружи расчленены по вертикали плоскими лопатками — лизенами на три равные части, где помещены по паре узких высоких окон. Вход оформлен в виде слегка выступающего портала с полуциркульной аркой. Клад-

ка пилонов портала имитирует крупный руст, архивольт арки также украшен рустовкой, но меньшего размера. Окна и проем колокольни обрамлены в верхней части килевидными по форме сандриками, заимствованными из московского церковного зодчества второй четверти XVII века.

Фигурная кирпичная кладка является основой декора описываемых церквей. Нарядные карнизы из простых и в то же время живописных деталей — так называемых сухариков, декоративные пояски, выступающие и углубленные плоскости пластически обогащают здания церквей, помогая преодолеть некоторый упрощенный геометризм их архитектурных объемов. В области декора можно разглядеть едва уловимые различия между храмами, казалось бы, похожими как близнецы. Так, например, сандрики над окнами Покровской церкви в Дорофеевке более массивны и грубы, чем в тоболинской и других церквах, смыкаются в простенках.

Оформление интерьеров не сохранилось ни в одной церкви, если не считать остатков орнаментальных росписей, которые кое-где на стенах можно было видеть еще не так давно.

Несколько иной характер носит проект, по которому построена церковь в Георгиевке. Состав, размеры всех помещений почти одинаковы, но объемно-пространственная композиция сильно отличается от описанного выше типа. Там в основе плана трапезной - вытянутый прямоугольник, основной объем нерасчленен, в георгиевской же церкви часть трапезной, прилегающая к алтарю, выделена в кубический объем, снаружи увенчанный куполом на высоком барабане. колокольня была квадратной в плане, двухъярусной, с высокой четырехскатной кровлей, завершаемой небольшой главкой на тонком высоком барабане. Представление об этом храме дополняется проектом неустановленной церкви, подписанным А.А.Бурмейстером (1893 г.) и старинной фотографией несохранившейся церкви Святителя Алексия в Арыси (освящена в 1913 г.). Принцип построения объемно-пространственной композиции этих трех церквей один, но в деталях наблюдаются существенные различия.

Стены кубического объема с куполом в георгиевском храме (как и во всех церквах этого типа) завершаются снаружи рядом полукруглых перспективных арочек - кокошников. Западный, главный вход оформлен в виде портала. Он почти без изменений перенесен из рассмотренного выше типа церквей. Аналогичный же портал устроен в южной стене по поперечной оси кубического объема. По сторонам его помещены по одному высокому окну с полукруглыми перемычками. Окна украшены ажурными сандриками килевидной формы и фигурными наличниками. В стенах той

части трапезной, что между кубическим объемом и притвором, в стенах притвора и в гранях большой абсиды мы видим такие же окна. В верхней части южной и северной стен кубического объема пробиты по три невысоких окна с лучковыми перемычками. В проекте неустановленной церкви А.А.Бурмейстера вместо этих окон поставлены два другие окна, одинаковых с окнами трапезной. По сторонам бокового южного портала здесь были запроектированы ниши с изображениями святых. Самый портал вместо грубоватого руста обрамлен изящным фигурным наличником. Еще более облегчена была эта часть фасада в Алексиевской церкви в Арыси: там вместо портала был устроен изящный трифорий, средняя часть его служила входным проемом, по сторонам к которому вплотную примыкали высокие окна.

Мы не зря остановились на описываемых различиях, так как именно эти детали позволили выделить церковь в Каскасу в отдельную "группу". Повторяя объемно-пространственную композицию и частично архитектуру фасадов георгиевской и арысской церквей, она имеет свои особенности. Они опять же заключаются в трактовке бокового входа, напоминающего портал в проекте Бурмейстера. А вместо окон вверху кубического объема выложены весьма грубоватые рельефные равноконечные кресты. Пропорции их более тяжеловесны по отношению к остальным элементам декора (подобные же кресты были и в арысской церкви). Как видим, вариации внутри последнего типа церквей шли на уровне изменения архитектуры кубического объема: если облегчался его верх, то в более тяжеловесных формах решалась нижняя часть, и наоборот. В этом отношении более гармоничен декор фасадов церкви в Георгиевке. Наличники из стройных полуколонок и арочек и сандрики, украшающие оконные проемы, здесь легких пропорций и изящны по очертаниям. Они не только зрительно увеличивают окна, но и противостоят некоторой элементарности декора из современного фасонного кирпича.

Описанные детали декора южноказахстанских церквей по раздельности находят аналоги в древнерусском гражданском и культовом зодчестве середины XVII века, откуда и были заимствованы. Глядя на Никольский собор в Шымкенте, церкви в Тоболино, Георгиевке, Каскасу, вспоминаешь пышные и сочные формы и декоративные детали фасадов московских церквей Троицы "в Никитинках" (1628-1651), Николы "в Пыжах" (1670-1672), Николы "на Берсеневке" (1656-1657) и др.

Заимствование и переработка форм и деталей из архитектурных стилей прежних эпох — основной метод зодчих эклектики, архитектурного стиля, господствовавшего в России начиная с 1830-х годов, на окраинах империи державшегося вплоть до 1917

года. Одним из направлений российской эклектики являлся "русский" стиль, эволюционировавший в пределах 1830-1900-х годов. Архитекторы — представители этого направления эксплуатировали наследие древнерусского зодчества, преимущественно церковной архитектуры XVII века с ее повышенной декоративностью. Переработка этого наследия, не затрагивая принципов формообразования древнерусского зодчества XVII века, коснулась в основном сферы декора. Это видно и по проектам, легшим в основу южноказахстанских церквей: взяты определенные декоративные мотивы, упрощены и более или менее удачно приведены в соответствие с современным материалом и техническими новациями.

Церковное зодчество юга Казахстана (как и всей Российской империи) — характернейший продукт более чем полувекового развития "русского" (неорусского) стиля. Именно в церковном строительстве это направление эклектики получило официальное признание и узаконение. Статья 101 Строительного устава предписывала строить православные храмы только в "русском" стиле (17). С этим, очевидно, связан и выпуск вышеупомянутых альбомов с типовыми проектами церквей, для которых свойственно эклектическое соединение архитектурных форм и элементов декора древнерусского зодчества XVII века с парадно-осевыми композициями классицизма первой четверти XIX века (18, с.157).

Все же "русский" стиль — это большой стиль. Художественное его значение и силу его эстетического воздействия на современников (как и эклектики в целом) до недавнего времени недооценивали. Церковное зодчество было мощным эстетическим фактором в жизни переселенцев, простые и яркие архитектурные образы воздействовали и на местное население. Художественная сторона культового зодчества все же более важна, в конце концов его идеологическая "нагрузка" со временем отпала, а красота памятников продолжает жить...

Поднятая тема вышеизложенным, разумеется, не исчерпывается. В кратком очерке трудно раскрыть ее во всех аспектах. Многое намечено пока еще только пунктиром.

Огромное наследие "русского" стиля долгое время отрицалось, само слово "эклектика" в течение десятилетий было ругательным в мире искусства. Такая предвзятая, однобокая оценка наследия периода эклектики послужила моральному оправданию уничтожения массы памятников церковной архитектуры по всей стране.

Так ли все было плохо в архитектуре эпохи эклектики? Исследования последних двух десятилетий выявили здесь много нового и рационального, были и художественные находки. Перенесен-

Рис. 10. Арысь. Церковь Святителя Алексия. Северо-западный фасад. *1913 г.*

ные в Туркестан, они быстро нашли отклик в местной строительной практике.

Основным конструктивным и декоративным материалом Средней Азии и юга Казахстана издавна являлся кирпич. В свою очередь в России второй половины XIX века кирпичная фактура стены — излюбленное выразительное средство как вненационального "кирпичного", так и подчеркнуто национального "русского" стилей. Неудивительно, что быстро обнаружились точки соприкосновения русского церковного зодчества и традиционной культовой и мемориальной архитектуры на юге Казахстана. Влияние шло и по линии формообразования, но сильнее оно проявилось все же в сфере кирпичного декора. Исследовавший эту проблему Г.А.Исабаев пишет: "Здесь имело место не просто наложение одной стилевой системы на другую, а переосмысление привнесенных систем, их трансформация на почве местных традиций, а где-то и их органическое соединение" (19, с.42). Скажем, пример заимствования рустованной арки мы видим в мавзолее-мечети Арыстан-Баб, полуциркульная арка (вместо традиционной стрельчатой) вписана в портал мавзолея Мир-Али-Баб в Сайраме, здесь же присутствуют декоративные детали в виде килевидных кокошников... В этих памятниках, а также в мечети Сузака, медресе Баба-Ата, мечети Нур в Шыкменте можно встретить те же "сухарики", "лопатки", тяги, карнизы и кронштейны, что украшают фасады церквей...

Возникает закономерный вопрос, а имело ли место так сказать, влияние "обратное", местной архитектуры на церковное зодчество? Судя по косвенным источникам, частично оно проявилось. И опять же в сфере декора. Интерьеры не сохранились ни в одном русском храме, а ведь именно здесь предоставилось об-

ширное поле деятельности для местных мастеров, в совершенстве владевших искусством архитектурного декора и имевших возможность проявить свою индивидуальность. Это не забыл отметить священник В.А.Яковлев: "Как на особенность внутренней отделки больших каменных храмов... мы должны указать на роскошные лепные украшения их стен и куполов. И замечательно, что украшения эти — дело рук местных мусульман, которые ... считаются специалистами лепных работ".

Архитектура храмов оказала заметное влияние не только на современное им культовое зодчество ислама. Ее воздействие было более глубоким и более длительным. Конструктивные приемы, методы и орнаментальные мотивы декора, имевшие место при сооружении церквей, получили развитие в советский период 1930-1950-х годов, в архитектуре как жилых, так и общественных зданий.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Список церквей, находящихся в Туркестаном уезде Сыр-Дарьинской области//Государственный архив Южно-Казахстанской области, ф.51, оп 1, д.135, л.76.
2. Нильсен В.А. У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX — начало XX веков). — Ташкент, 1988.
3. Яковлев В.А. Из церковной жизни Туркестана. — Верный, 1902.
4. Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области: Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. — Ташкент, 1912.
5. Байпаков К.М. и др. Чимкент//Свод памят. Казахстана. — т.1, часть 1.
6. Проскурин А.Н. Церковь (в Туркестане) // Свод памят. Казахстана. — т.1, часть 4.
7. ЦГА РУз, ф. И-17, оп.1, д.26637, л.77.
8. ЦГА РУз, ф. И-17, оп.1, д.28729, л.24.
9. ЦГА РУз, ф. И-17, оп.1, д.27487, л.4, 8, 11.
10. ЦГА РУз, ф. И-17, оп.1, д.27672, л.4-6.
11. Парманов Б.С. Справка об областном Государственном театре кукол г. Чимкента. г.Чимкент. 14.03.86 г. Рукопись. — Л. 1. Данный документ был написан на основе исторической справки о Никольском соборе, подготовленной по архивным материалам сотрудницей "Казпроектреставрация" Е.Х.Хорош. Ей принадлежит честь "открытия" этого памятника.
12. ЦГА РУз, ф. И-1, оп.9, д.240, л.37.
13. Елгин Ю.А. Церковная архитектура на юге Казахстана // Памятники истории и культуры Казахстана, — Алма-Ата, 1989.
14. Щусев А.В. Мысли о свободе творчества в религиозной архитектуре // Зодчий, — 1905
15. Юсупова М. Русское культовое зодчество в Ферганской долине (к 1000-летию принятия христианства на Руси) // Архитектура и строительство Узбекистана. — 1989, № 5.
16. ЦГА РУз, ф. И-17, оп.1, д.26659, л.164.
17. Кириков Б.М. Семантика форм "русского стиля" в культовом зодчестве конца XIX века // Научно-атеистические исследования в музеях. Сб. научных трудов/ГМИРА. — Л., 1983.
18. Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830-1910-х годов. — М., 1978.
19. Исабаев Г.А. Трансформация "кирпичного стиля" и модерна в некоторых памятниках мемориального и культового зодчества Южного Казахстана// Известия АН Казахстана. — 1990, № 4.

В.Д. Горячева,
С.Я. Перегудова

ХРИСТИАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ КЫРГЫЗСТАНА (XIX - XX вв.)

Территория Кыргызстана была одной из дальних областей распространения христианства чуть более тысячелетия назад. После этого христианство появляется здесь только в первой четверти XIX века и активно развивается.

Первой в 1830 году была основана Алтайская православная община, затем последовали Татарская (1842) и Киргизская. Православными священниками братства св. Гурия к концу века было крещено много черемисов, чувашей, мордвинов и вотяков. К новой религии приобщились вся Восточная Сибирь и Камчатка, алеуты Аляски, появились общины в Китае и Персии (Урмия), где с православной церковью воссоединились местные несториане.

Киргизская община начала функционировать после перехода кочевников в русское подданство. В конце XIX века во главе ее стоял архимандрит Владимир (Тихоницкий), впоследствии митрополит Западноевропейских русских церквей (1).

Помимо этого православие на территории Кыргызстана распространялось благодаря массовому переселению российских крестьян и казаков после завоевания Туркестанского края Российской империей в 1864 году. С 1868 по 1883 годы здесь образовалось 36 русско-украинских поселений, в которых проживало 2500 семейств. Кроме того, к городам области было приписано около 190 купеческих и 1400 мещанских семей. Этим процессом был охвачен и Аулиеатинский уезд Сырдарьинской области, в частности, Таласская долина. В Ферганскую область и на юг Киргизии переселение началось позднее — с 1893 года.

В 1891-1892 годах вследствие неурожая и голода во многих областях Европейской России, приток русских и украинских крестьян на восточные окраины резко увеличился. В Семиречье прибыло более 1700 семей “самовольных” переселенцев — 85% имевшегося там русско-украинского населения (2, с. 106).

В Чуйской и Таласской долинах, на Иссык-Куле и в Фергане вокруг военно-опорных пунктов-крепостей и пикетов русской армии стали основываться города — Пишпек, Каракол, и поселения полугородского типа — Токмак, Нарын, Атбаши, а также села. Архитектура новых поселений создавалась в традициях провинциального зодчества южной и

восточной областей России, а также Украины и Западной Сибири, откуда шел основной поток переселенцев.

В начале 60-х годов XIX века в Туркестан начади переселяться немцы из первых немецких колоний России. Часть из них поселилась в 1881 году близ Хивы и вокруг Ходжейли, другая часть осталась в Сырдарьинской области, а позже перебралась а Аулиеатинский уезд, на Уральский участок. Это были крестьяне из поволжских и южнороссийских губерний — (Самарской, Таврической, Ставропольской, Екатеринославской), принадлежавшие к различным протестантским течениям.

Весной 1882 года в долине Таласа немцами меннонитами были основаны три поселка, отстоящие друг от друга на расстоянии до 1 километра. По мере роста селения слились в один населенный пункт, названный в советское время селом Ленинполь (ныне Ба- кай-Ата). В 1890 году было образовано селение Орлово. Всего в четырех поселках проживало более 70 семей (около 400 человек). По своему облику немецкие селения похожи на русские переселенческие деревни. Дома с усадьбами располагаются вдоль длинной и широкой улицы; строились они, как правило, из сырцового кирпича, реже — из дерева.

В июле 1896 года правительство России запретило переселение в Семиреченскую область, а спустя год — также в Ферганскую, Сырдарьинскую и другие области из-за отсутствия здесь достаточного количества удобных земель, особенно орошаемых. С 1896 но 1905 год Туркестанский край официально считался закрытым для переселенцев. Однако накануне 1905-1907 годов самовольное переселенческое движение снова приобрело значительный размах. Переселенцы направлялись главным образом в Семиреченскую область.

В связи с событиями 1905 года, когда под угрозой оказалось помещичье землевладение и само царское самодержавие, вновь встал вопрос об открытии Туркестана для переселения “'избыточных” безземельных крестьян из Центральной России. Были созданы Семиреченский и Сырдарьинский переселенческие районы. В 1906 году в Семиреченской области насчитывалось уже 40 тысяч переселенцев, в Сырдарьинской — 27, в Ферганской — четыре. 83% этих крестьян были выходцами из наиболее ограбленных по реформе 1861 года южных и черноземных районов Украины и России (2, с. 108).

В 1908-1912 годах Туркестанский край был снова закрыт для переселения, но проведенная “по высочайшему повелению ' ревизия местных переселенческих учреждений выявила "излишки" земель, и переселенческое движение официально возобновилось.

Вместе с переселенцами в Кыргызстан проникло христианство трех основных направлений: православие, католицизм и протестантизм. Православия придерживалась основная часть русского и украинского населения, проживающего преимущественно в пределах Пишпекского и Иссыккульского уездов Семиреченской области и Ошского уезда Ферганской области. Среди славян были также старообрядцы (в Караколе).

Христианские учения западного направления исповедовало немецкое население, компактно проживавшее в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области и дисперсно на остальной территории Кыргызстана. Религия и религиозная организация занимали большое место в духовной жизни местных немцев того времени. Среди них были католики и православные, но тех и других насчитывалось единицы. Г.К.Кронгард в своем специальном исследовании, посвященном немцам, проживавшим в Кыргызстане в конце XIX — начале XX веков, приводит такие сведения: "Поданным переписи населения 1897 года среди немецкого населения Пишпекского и Пржевальского уездов были представители следующих религиозных общностей: протестантов — 6 человек; католиков — 1, православных — 1. В уездах Ферганской области среди немцев было: католиков — 1; лютеран — 11; в городе Ош: православных — 1, католиков — 2, протестантов различных течений — 39 человек мужского и 3 человека женскою пола. Среди немцев Аулиеатинского уезда Сыр-Дарьинской области католиков не было." (3, с. 18-30). Абсолютное большинство немцев принадлежало к меннонито-протестантскому течению. Меннониты таласских селений представляли собой две духовные общины: церковно-меннонитскую общину, образованную выходцами из Самарской губернии, и меннонитскую братскую общину, в которую вошли переселенцы из Молочаевского уезда Таврической губернии. Некоторая часть немецких семей придерживалась лютеранства — одного из главных направлений протестантизма, сложившегося в Германии в XVI веке.

Христиане-протестанты строили молитвенные дома. Бывший начальник Аулиеатинского уезда В.Каллаур замечает, что у одной меннонитской общины "... имеется молитвенный дом вблизи Романовки у мельницы Валь", у другой общины "... имеется молитвенный дом в Андреевке" (4, с.34).

В советское время эти молитвенные дома были закрыты. В одном из них (в с.Романовка) разместилась школа, а с 1964 года касса и отделение Госбанка. Внешне это обычное небольшое одноэтажное, прямоугольное в плане здание с двухскатной крышей. Стены из сырцового кирпича оштукатурены и побелены; прямоугольные окна обрамлены деревянными наличниками.

В 1864 году в Туркестане (в Таласской долине) появились адвентисты седьмого дня — последователи христианского течения, возникшего в недрах протестантизма в США в 30-х годах XIX века. Их миссионеры проповедовали только для немцев на их родном языке. Затем, с переходом богослужения на русский язык, к этой вере обратились сотни русских и украинцев. По архивным сведениям, относящимся к 1926 году, общины адвентистов седьмого дня были в селениях Дмигриевское (учреждена в 1898 г.) и Иогансдорф (учреждена в 1912 г.). Относительно последней имеется примечание: "Помещение особый дом. Община имеется на случай надобности. Проповедника... привозят из соседних селений." Согласно тому же источнику всего в Таласском районе было 5 церквей: в селах Александровка, Грозненское, Ключевское, Ивано-Алексеевское и Покровское. В селе Ивано-Алексеевском находилась **церковь Ивана Богослова** (община учреждена с 1912 г.). Остальные церкви, как указано в документе, — ''церкви обновленного течения." Все они зарегистрированы начиная с 1924 года.

На 1926 год в Таласском районе было 7 молельных домов. Общины протестантского течения отмечены в селениях Николайполь, Иогансдорф, Романовское, Андреевское, Орловское, Дмитриеве - кое, Гроденковское. Все были зарегистрированы в 1924 — 1925 годах. В этих селах, согласно архивным данным, за исключением Иоганс- дорфа, отдельных молельных домов не было и члены обществ собирались в своих домах (5).

В городах и большинстве селений были православные храмы. В 1915 году только в северной части Кыргызстана действовали две православные церкви в Пишнеке, одна в Токмаке, две в Караколе, и кроме того по одной в селениях Беловодское, Калининское, Чалдовар, Белогорка, Панфиловское, Кара-Балта Пишпекского уезда, а также Покровское, Сазановка (Ананьево), Преображенское (Тюп), Теплоключенское Иссыккульского уезда. В других селах имелись молитвенные дома и церковно-приходские школы (6).

На Иссык-Куле, недалеко от села Преображенского в 1882 году был основан **мужской монастырь Святого Духа'***. Для него были отведены самые плодородные земли, около двух тысяч десятин лугов. На этой территории монахами был посажен сад, разбиты аллеи, сооружены две церкви, жилые и хозяйственные постройки. При монастыре была школа с интернатом для кыргызских детей, но там учились и русские мальчики.

В 1897 году ученый-путешественник П.А.Дьячков составил следующее описание Свяго-Духовского монастыря: "От высоких

') В литературе чаще всего именуется как Свято-Троицкий мужской монастырь.

Рис. 11. Светлый Мыс близ Иссык-Куля. Мужской Свято-Духовской (Троицкий) монастырь.

деревянных ворот с крестом наверху дорога идет по направлению к озеру на расстояние 1-1/2 версты. Внешний вид монастыря указывает на достаточность. Красивая просторная пятиглавая церковь в Новомосковском стиле только что выстроена, но еше не освящена. Длинный каменный одноэтажный корпус, где помещаются комнаты настоятеля, трапезная и кельи для братии, отделяются небольшим садом. Старая церковь — небольшое в виде продолговатого четырехугольника тесное здание очень жалкого вида с небогатым убранством. За домом ближе к озеру — хозяйственные постройки: сараи, конюшни, хлевы. Брагия, назначенная из Валаама, немногочисленна: игумен, пять иеромонахов, два иеродиакона, двенадцать послушников, большей частью из села Преображенского. Главными статьями монастырского хозяйства, при полном отсутствии хлебопашества, являются сенокосы, пасеки и рыболовство" (7, с.5-6). В 20-е годы он был разрушен. Оставшиеся здания переданы под учебные заведения.

Вплоть до революции 1917 года строительство христианских храмов поддерживалось центральным и местными властями. Однако положение со временем радикально изменилось. В 1925 году на съезде корреспондентов газеты "Безбожник" был основан Союз

безбожников, получивший в июне 1929 года название Союза воинствующих безбожников, ставивший своей целью идейную практическую борьбу с религиями во всех их проявлениях. В Узбекистане в первые ячейки этого союза вошло 60 тысяч человек, в Кыргызии 11.5 тысяч. Результатом этой официальной политики стало, в частности, уничтожение культовых зданий, среди которых было много замечательных памятников архитектуры и образцов народного строительного мастерства. Например, в конце 20-х годов под клуб детского дома была отдана церковь св. Серафима во Фрунзе, а в Троицкой церкви Пржевальска (ныне Каракол) разместилась спортивная школа. Церкви были лишены венчающих частей, интерьеры их обезображены. В 50-е годы Серафимовский храм был полностью разрушен.

Для всего советского периода характерна явная или скрытая дискриминация в отношении верующих. Репрессиям подвергались все конфессии. Так, в 30-х годах в одну ночь было арестовано 29 служителей баптистской церкви Алма-Аты. Большинство из них не вернулось, лишь после смерти Сталина многие были реабилитированы. В то время церковь баптистов официально прекратила свою деятельность, собрания проводились тайно по домам.

Религиозные общины, имевшие связи с зарубежными церковными организациями, обвинялись властями как “подручные вражеских разведок”. Обвиняя меннонитов, к числу подозреваемых относили всех лиц немецкой национальности. В Кыргызстане в 20-30-х годах дома раскулаченных и репрессированных немцев из селений Ленинпольского района были конфискованы. В них разместились конторы, школы, сельсовет, общежитие, амбулатория и т.п.

В 1940 году в Кыргызстане было закрыто 12 церквей и 90 мечетей и молитвенных домов. Но в тяжелые военные годы люди вновь обратились к вере. Духовенство, выступая с призывом защиты Родины, укрепляло дух народа. Тогда и для православных, и для мусульманских общин были сделаны уступки со стороны партии. В это время была возвращена верующим **Троицкая церковь** в Пржевальске, а в 1945 году во Фрунзе был на средства государства реконструирован, а затем и освящен (1952) **Воскресенский собор** (архитектор В.В. Верюжский).

В 60-х годах страну вновь охватила атеистическая лихорадка и прошла очередная волна разрушения культовых зданий. По представлениям идеологов того времени, религия являлась серьезным тормозом на пути движения общества к коммунизму и формированию нового человека. Были организованы десятки судебных процессов, чаще всего показательных, над лидерами некоторых религиозных общин. Особенно нетерпимым было отношение к

сектантским течениям, пришедшим из стран Запада. Обычно они обвинялись в антисоветской пропаганде, распространении антисоветской литературы, в отказе служить в армии.

Таким образом, большинство церквей XIX века в советские годы было разрушено или сожжено, а оставшиеся лишены венчающих частей, перестроены, приспособлены под учебные, клубные, складские и иные помещения. Лишь небольшая часть зданий сохранилась в более или менее первоначальном виде. Описание архитектуры утраченных церквей приводится нами по архивным фотоснимкам и натурным обмерам, сделанным до их разрушения (7-а).

Православные храмы строились в традициях русского церковного зодчества в основном из дерева, реже — из жженого кирпича. Они были одноглавыми бесстолпными или пятиглавыми че- тырехстолпными. Для всех церквей характерна компактность сооружения и рациональность в использовании нижней части объема колокольни для входа, превращение ее в паперть, препятствующую проникновению холодного воздуха в помещение для молящихся. Интерьеры не имели росписей. Главными декоративными элементами в них были иконостасы и иконы в позолоченных окладах.

Типичными образцами культового деревянного зодчества являются сходные по архитектурно-конструктивному решению и декоративному оформлению фасадов церкви в селе Беловодском Пишпекского уезда, в Караколе Иссыккульского (с 1889 г. — Пржевальского) уезда. Последняя была построена в 1894-1895 годах на месте разрушенного во время землетрясения кирпичного пятиглавого храма с квадратным планом основного объема. Заменившая его деревянная церковь, под которую был использован сохранившийся цоколь, — прямоугольная в плане с размерами сторон 36х18 м. Она трехнефная, с прямоугольной абсидой. По обе стороны от абсиды расположены небольшие квадратные помещения — ризница и пономарня с отдельным выходом на улицу. С запада к храму примыкает нартекс, отделенный, как и боковые нефы, от основного пространства стеной с широкими проемами. Далее располагается паперть с колокольней наверху и два смежных с ней помещения, в одном из которых устроена лестница для подъема на колокольню. Церковь венчалась пятью шлемовидными куполами, завершающими шатровое покрытие восьмигранных барабанов. Построение интерьера основано на контрасте высокой центральной части храма, хорошо освещенной восьмигранным фонарем, и окружающих ее с трех сторон боковых нефов и нартекса с плоскими потолками.

Рис. 12. Каракол. Троицкая церковь. *Конец XIXв.*

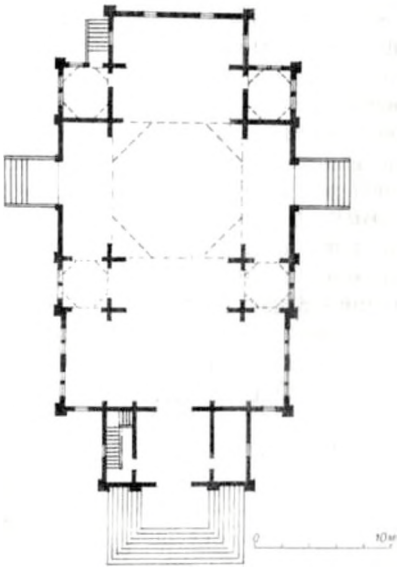


Рис. 13. Каракол. Троицкая церковь. План.

По сведениям епископа Туркестанского и Ташкентского Аркадия, совершавшего в 1898 году объезд епархии, “Пржевальский храм достаточно вместителен, богат и благоволен; особенно богат его иконостас, местные иконы которого в дорогих серебропозлащенных и художественной работы окладах” (8).

Деревянными были также **церкви св. Георгия** в Токмаке и **св. Серафима** в Пишпеке (в 50-е годы снесена). В основе они имели крестообразный план несколько усложненной структуры, которая отчетливо проявляется во внешнем облике. Композиции их

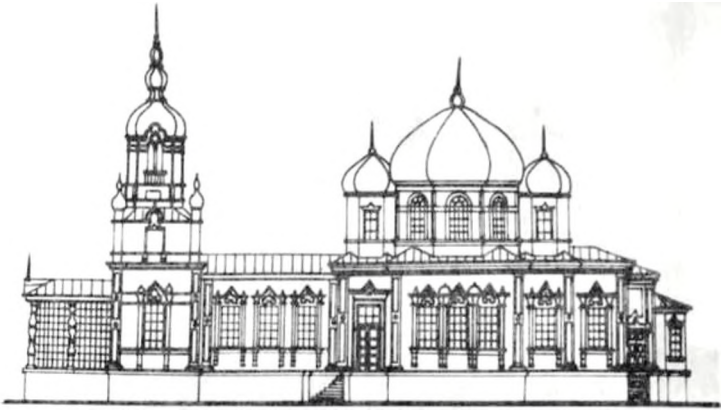
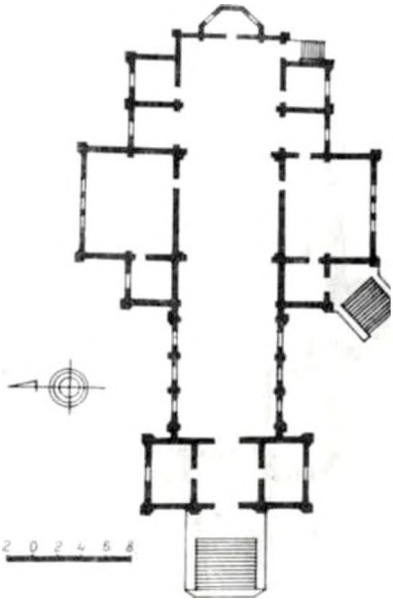


Рис. 14. Токмак. Церковь ев. Георгия. *Конец XIXв.*

представляют собой варианты типа, в котором на продольную ось последовательно нанизывается лестница, колокольня, храм и абсида. Их объемы, переливаясь друг в друга, создают единый динамичный архитектурный организм, в котором основу композиционно-пространственной структуры составляет взаимодействие высотных объемов колокольни и храма и охватывающих их более низких, разных по величине и архитектурной значимости объемов приделов и нартексов. Колокольни трехъярусные: квадратные в плане нижние ярусы переходят в восьмигранные павильоны с арочными проемами. Оштукатуренные фасады обработаны в стиле русского классицизма.

Кирпичные церкви того времени, разные по величине и архитектурному оформлению фасадов, квадратные или прямоу-



Р и с. 15. Токмак. Церковь св. Георгия. План

Рис. 16. Бишкек. Церковь ев. Серафима.

гольные в плане, были одноглавыми. Одной из наиболее крупных является церковь **св. архистратига Михаила** в Оше, возведенная в начале 80-х годов. Согласно отчета о состоянии Туркестанской

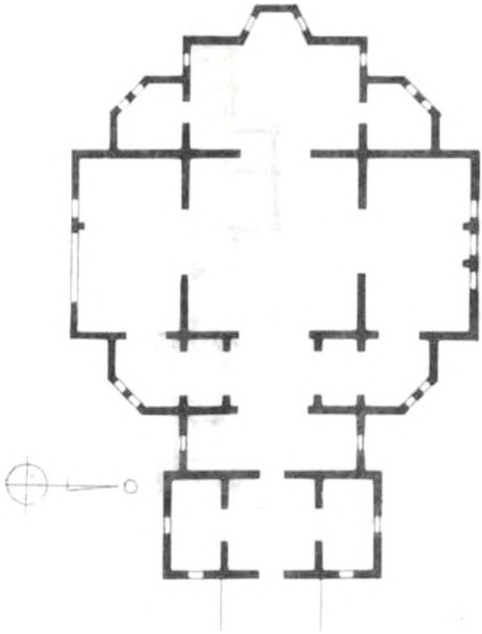


Рис. 17. Бишкек. Церковь св. Серафима. План.

Рис. 18. Ош. Церковь архистратига Михаила.

епархии за 1885 год сказано: ''Церковь эта построена из сырцового кирпича, покрыта железом и даже имеет деревянную главу. Церковные колокола под навесом, но утварью, звонницей и даже библиотекой церковь снабжена достаточно" (9, с. 152). Однако со временем она была заменена более капитальным строением — в 1910 году ее возвели из жженого кирпича.

Это прямоугольное в плане здание с размерами сторон 32х16 м. По продольной оси его располагаются паперть с колокольней наверху, вытянутое помещение храма и граненая абсида. По углам здания — четыре небольших квадратных служебных комнатки. Над абсидой на высоком барабане покоится купол в форме слегка приплюснутой луковицы. Барабан прореза-

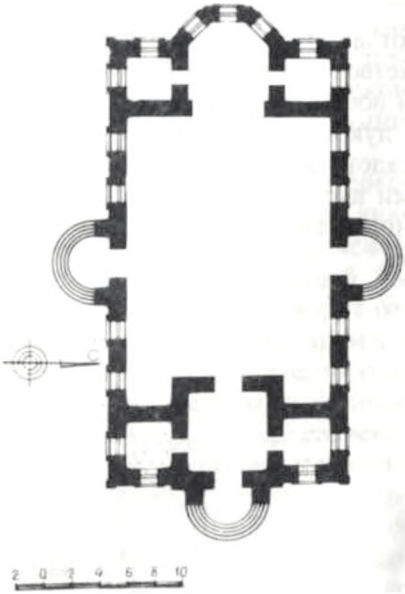


Рис. 19. Ош. Церковь архистратига Михаила. План.

Рис. 20. Бишкек.
Никольская церковь.
Конец XIX в.

ют арочные окна, простенки между которыми декорированы трехчетвертными колоннами. Колокольня, квадратная в первом ярусе и восьмигранная в ярусе звона, завершалась шатровым куполом с луковицей и крестом. Основными элементами архитектуры фасадов являлись выступающие порталы с полуциркульными арками входов, обрамления окон и архитектурные пояса в завершении стен и барабанов.

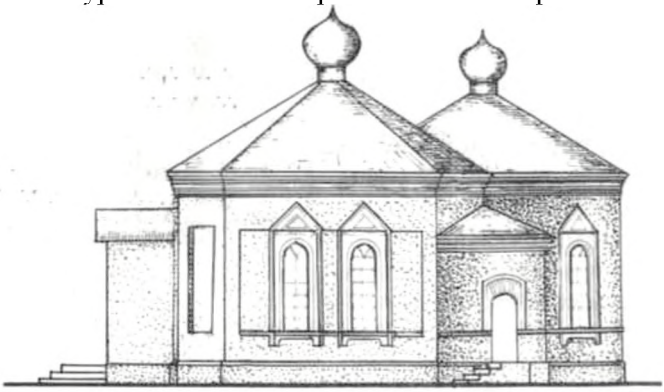


Рис. 21. Талас. Православная церковь. *1891 г.*

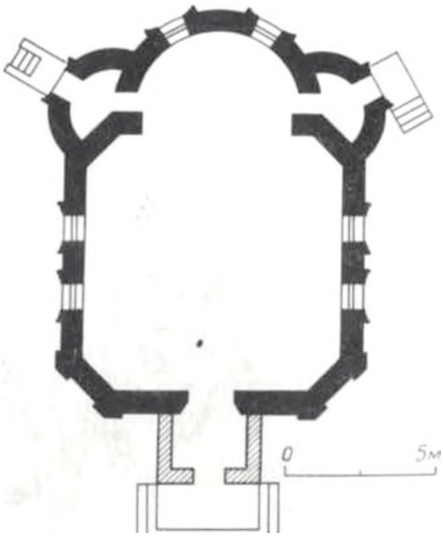


Рис. 22. Талас. Православная церковь. План.

Среди кирпичных церквей встречаются и такие небольшие сооружения как **Никольская церковь** в Пишпеке (ныне Выставочный зал Музея изобразительных искусств) и **церковь св. Дмитрия** в Таласе (здание сохранилось), построенные в городских парках (10). Кроме того, на кладбищах иногда ставились часовни. Остатки одной из них, сооруженной в конце XIX века на воинском кладбище возле Пишпекской крепости, были снесены в конце 50-х годов нашего столетия.

С русскими переселенцами XIX века связана одна из интересных находок не местного происхождения — медный диск диаметром 55 см, обнаруженный в 1964 году в селе Новопокровском при строительных работах в одной из крестьянских усадеб. На нем в глубоком рельефе изображена сцена сражения у ворот города, за крепостными стенами которого возвышаются храмы с колокольнями и крестами на шпилях. В городе сразу же за воротами — башня с остроконечным шатровым покрытием, типичным для культового зодчества Руси развитого и позднего средневековья. Над городом на облаке в сиянии лучей — божество, покровительствующее городу. Правая рука его воздета, а левой оно держит шаровидный предмет с навершием. Воины пешие и на конях; справа — защитники города, слева — отступающие враги, причем последние прикрываются круглыми щитами больше от лучей исходящих от божества, чем от нападающих христиан. У защитников города форма щитов треугольная; воины вооружены

Рис. 23. Медный диск из с. Новопокровское. *XIX в.*

мечами, саблями, боевыми топорами. Среди них находятся два трубача, а также всадник со знаменем на копье. По мнению специалистов Русского отдела Эрмитажа, эта вещь по стилю относится ко второй половине XIX века и, следовательно, была завезена в Кыргызстан переселенцами из России.

В наши дни христианство в Кыргызстане переживает новый этап своего развития.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Закон Божий. Пятая книга о православной вере - М.,1991.
2. История Киргизской ССР в 5 томах, т.2.- Фрунзе, 1986.
3. Крон гард Г.К. Немцы в дореволюционном Кыргызстане.-Бишкек, 1995.
4. Калл аур В. Немецкая культура на р.Талас//Среднеазиатская жизнь, 1907 №№ 115, 116. (Туркестанский сборник, т.422).
5. ЦГА Кыргызстана, ф. 1458, оп.1, д.89, л.36-37.
6. ЦГИА России, ф.391, оп.5, д.984, л.15,16.
7. Дьячков П.А. Озеро Иссык-Куль и северный берег. (Из поездки в 1887 году)//Изв. Турк. Отд. Импер. Русск. Географ. Общ-т.1, 1898, вып. 1.-Ташкент, 1898.

7-а. Весь иллюстративный графический материал подготовлен Г. Я. Перегудовой.

8. ЦГИА России, ф.796, оп.442, д.1754, л.43.
9. Галицкий В., Плоских В. Старинный Ош.-Фрунзе, 1987.
10. В г. Таласе на той же улице, где расположено здание бывшей церкви, сохранился еще один памятник старины — церковно-приходская школа, впоследствии приспособленная под жилой дом.

В.Б.Заславский

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ ТАШКЕНТА

В 20-х годах нашего века в Ташкенте для удовлетворения духовных потребностей православной части населения действовало около двадцати благоустроенных храмов. Некоторые из них представляли собой сооружения, ценные в архитектурно-художественном отношении, и не уступали известным храмам в городах России. Сейчас остались только два из них — это Свято-Успенский Кафедральный собор и церковь св. князя Александра Невского на Боткинском кладбище.

Между тем, история православных храмов Ташкента, личности некоторых наиболее видных представителей православного духовенства представляют некоторый интерес.

Появление православия в Туркестане. Православие в Туркестане появилось после завоевания края Россией. Сначала это были военные, а затем гражданские служащие, предприниматели и переселенцы.

В своей статье "Под одним небом" высокопреосвященный Владимир, архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский, подчеркнул, что "православие пришло сюда смиренно, не как стремящаяся приобщить к себе коренное население края торжествующая религия завоевателей, а лишь для скромного пастырского окормления русских поселенцев".

В 1866 году здесь было два священника: отец Андрей Малов и отец Гавриил Ширяев. Начинают строиться храмы. Первая церковь — **храм великомучеников Иосифа и Георгия**. В период, когда в Ташкенте еще не был построен православный храм, богослужения совершались в походной церкви во имя благоверного князя Александра Невского.

На месте, где потом была построена церковь во имя святых Иосифа и Георгия, стояла небольшая глинобитная мазанка, в которой могли поместиться только старшие офицеры, а остальные стояли на площади. Только в 1868 году на этом месте была заложена временная военная церковь. Храм был построен из сырцового кирпича, без колокольни и представлял собой простейшее четырехугольное сооружение. Через пять месяцев после начала строительства — 22 декабря 1868 года, — храм был освящен. Первым настоятелем церкви назначен протоиерей Андрей, а священником Гавриил.

Несмотря на свои малые размеры Иосифо-Георгиевская церковь долго считалась главным православным храмом города. На прилегающей площади проходили военные парады. В 1874 году церковь была капитально перестроена, к ней пристроены боковые террасы. Перестраивалась и украшалась она и в последующие годы. Была возведена капитальная трехъярусная колокольня из жженого кирпича, вместо земляной появилась железная кровля. Над алтарем сделаны купол и крест. От первоначального облика маленькой церкви ничего не осталось — она приобрела внушительный вид и стала лучшим зданием в Ташкенте. Перестройка храма и возведение колокольни были сделаны по проектам архитектора Н.Ф.Ульянова инженером Шавровым.

Ограда церкви была устроена из врытых в землю дулами вниз орудий.

Двухсветный интерьер храма первоначально был бедно украшен. Отец Андрей в церковной ведомости за 1870 год писал: "Иконостас в ней деревянный, резной столярной работы, покрытый краской; работа его очень простая, но иконы в ней хорошей живописи по полотну" (1). В 1872 году иконостас был заменен на алебастровый, лепной, довольно изящной работы, а позже был позолочен.

Протоиерею Андрею этот храм в Ташкенте обязан своим возникновением. Личность его уникальна. На протяжении более десяти лет отец Андрей был связан с армией, перенося все трудности и лишения походной жизни. За эти годы он завоевал любовь и уважение офицеров и солдат, привыкших всегда видеть рядом своего духовного пастыря. Между походами отец Андрей возвращался к своей обычной роли служителя церкви.

В 1866 году протоиерей Андрей (1815-1899) был назначен благочинным церквей Туркестанского края, с правом разрешать без епископского благословения постройку церквей и освящать их. За доблестную пастырскую службу он был удостоен наград, редких не только для священника, но и для государственных деятелей — орденов св. Анны всех трех степеней, орденов св. Владимира третьей и четвертой степеней, двух серебряных медалей на георгиевско-владимирской ленте, золотого наперсного креста на георгиевской ленте — и это далеко не все. В нем жила вечная жажда "деятельности на ниве Господней": не покладая рук работал он над устройством своего обширного по пространству, но бедного по средствам благочиния, положил много труда на постройку ташкентского соборного храма, строительство которого было закончено в 1888 году.

Следует отметить деятельность отца Андрея и в области народного образования, которому он посвящал свободное время,

Рис. 24. Протоиерей Андрей (Малов).

Рис. 25. Протоиерей Петр (Богородицкий).

начиная с первых лет своего священства. По указу Оренбургской духовной консистории отец Андрей начал обучение детей в школе форта Перовского по программе, составленной им самим. Внутренний строй школы и его программы были использованы впоследствии для открытия других школ в крае.

Отца Андрея знали и как серьезного предпринимателя. В 70-х годах лучшие бани в Ташкенте — на Обуховском проспекте и на углу Ирджарской улицы и Махрамского проспекта — принадлежали протоиерею Андрею. Он же являлся одним из первых русских владельцев кирпичных заводов в Ташкенте.

В 1892 году, в преклонных годах и с расстроившимся здоровьем отец Андрей ушел на покой. В 1899 году он сподобился соборования и скончался тихо, почти безболезненно. Гроб с телом протоиерея Андрея до Спасо-Преображенского собора, внутри которого он был захоронен, всю дорогу несли на руках, а Соборная улица едва могла вместить всех провожавших.

До 1893 года Иосифо-Георгиевская церковь находилась в ведении военного ведомства, а затем перешла в епархиальное ведомство и стала городской приходской церковью. С июля 1893 года настоятелем этой церкви был назначен из России протоиерей Петр (Богородицкий), посвятивший этому приходу все оставшиеся годы священнического служения. Со времени своего приезда в Ташкент 1 июля 1893 года и до кончины (9 июля 1918

года) отец Петр был известен во многих уголках Туркестана; эта известность была приобретена его бесконечной добротой, отзывчивостью, стремлением всем помочь. Среди многих тысяч других треб, совершенных в Ташкенте отцом Петром, ему довелось соборовать умиравшую здесь знаменитую актрису Веру Комиссаржевскую и принять ее последнюю исповедь.

В марте 1909 года Иосифо-Георгиевская церковь была возведена в степень соборной. Площадь около церкви в 1893 году была превращена в сад с присвоением ему названия "церковного", который, хотя и в измененном виде, сохранился до наших дней.

В 60-х годах нашего века здание церкви было приспособлено под Театр кукол. Постепенно оно совсем изменило свой облик и было снесено.

Рис. 26. Ташкент. Свято-Успенский Кафедральный собор. Деталь. *Фото 1997 г.*

Свято-Успенский Кафедральный собор. В конце 1860-х годов на окраине Ташкента был открыт военный госпиталь, существующий и ныне, а недалеко от него военное кладбище. При госпитале и кладбище построена временная церковь, освященная 30 сентября 1871 года во имя св. великомученика и целителя Пантелеймона. Здание было сложено из сырцового кирпича, внутри и снаружи выбелено и покрыто асфальтированным войлоком. Приход этой церкви небольшой, как сказано в церковной ведомости, — всего 70 человек медиков и служителей из нижних чинов. Храм строился на добровольные пожертвования прихожан, поэтому был невелик и беден церковной утварью (2).

31 января 1879 года освящено новое здание церкви, на строительство которого генерал-губернатором К.П.Кауфманом было отпущено 3000 рублей. Были сделаны и частные пожертвования. А на месте временной церкви поставлена маленькая часовня, оказавшаяся во дворе квартиры старшего врача военного госпиталя.

Красивая каменная колокольня построена позднее, в 1890 году, на частные пожертвования, преимущественно — на средства таш-

кентского купца первой гильдии Дмитрия Захо, который 15 лет нес обязанности церковного старосты в этой церкви. За заслуги и пожертвования по духовному ведомству Дмитрию Захо был пожалован орден св. Станислава II степени.

При советской власти храм долгие годы находился в руках обновленцев. В середине 30-х годов он, почти как и все церкви Узбекистана, был закрыт. И только в 1943 году он вновь возвращен верующим. Под сводами храма вновь звучали молитвы об Отчизне, о даровании обетованного мира.

Здание госпитальной церкви было построено из сырцового кирпича и за 70 с лишним лет существования обветшало так, что угрожало обрушиться. Бывший настоятель Свято-Успенского Кафедрального собора (так стала называться госпитальная церковь), протоиерей Михаил (Шурпо) рассказывал: "Реставрация Свято-Успенского собора стала делом владыки Ермогена, который вслед за митрополитом Гурием возрождал в нашей епархии православие. С трудом преодолев различные запреты, преосвященный Ермоген добился того, что храм в 1958-1960 годах был практически отстроен заново. До конца довести реставрацию храма епископ Ермоген не успел, внутреннее убранство собора обновлялось уже попечением владыки Гавриила" (3). В те годы собор и приобрел статус Кафедрального.

В настоящее время Кафедральный собор, полностью обновленный, радует своим благолепием. Отреставрированы купола, кресты на них по благословению владыки Владимира водружались во время литургии на праздник Честного Креста Господня (1992). Закончены работы по реконструкции колокольни. Привезены новые колокола, звон которых теперь сзывает прихожан на молитву.

Тюремная церковь. При выезде из Ташкента по бывшему Московскому проспекту (ул. Амира Темура) находилось довольно красивое внешне, большое здание — эта тюрьма, не имела мрачного вида русских тюрем. Собственно, это было даже не здание, а обширное пространство, обнесенное кирпичной стеной с башнями по краям; тюремная ограда имела вид крепости.

До 1879 года в тюрьме не было своего храма и религиозные потребности заключенных православного вероисповедания удовлетворялись причтом Иосифо-Георгиевской церкви. Когда священник госпитальной церкви был назначен духовником заключенных, то он добился разрешения, при помощи сочувствовавших лиц, устроить во втором здании тюрьмы храм, использовав три рядом стоящие камеры. Этот **храм** был освящен преосвященным Александром 22 декабря 1879 года **во имя Покрова Богородицы**. Конечно, он был прост по архитектуре и небогат. Иконос-

тас одноярусный, окрашенный белой краской с иконами работы художника-любителя Девеля. Однако работы довольно хорошей.

В таком виде храм оставался до 1898 года, когда усердием члена Сырдарьинского попечительного комитета П.А.Собенникова он был заново отремонтирован. Иконостас окрасили красной масляной краской и украсили золотым багетом; царские врата золоченые резные; алтарь оклеен голубыми, а стены храма — белыми глянцевыми обоями. После такого ремонта тюремный храм принял совершенно иной вид: стал светел, чист и уютен.

В это время вблизи тюрьмы уже жило много православных, а район удален от Иосифо-Георгиевской и Свято-Успенской церквей на сравнительно большое расстояние. Было решено расширить храм, в котором могли бы молиться помимо заключенных и другие богомольцы — живущие поблизости, а также, чтобы вступающих в город встречал Крест Господень, а удаляющимся из города виделось в нем спасительное напутствие.

Новая тюремная **церковь** (на 300 прихожан и 150 заключенных) **во имя апостолов Петра и Павла** была освящена 17 декабря 1906 года, когда епархию возглавлял владыка Димитрий.

Церковь перестроена по проекту артиллерийского офицера Н.И.Габбина и под его наблюдением. Никаких ассигнований из казны не предвиделось, поэтому комиссия по перестройке церкви изыскивала другие источники. Коммерции советник Н.И.Иванов пожертвовал иконостас, заказанный в Москве. Тюремная церковь была построена в псевдорусских формах и имела вход с Московской улицы.

Спасо-Преображенский собор. Необходимость строительства Спасо-Преображенского собора была признана еще в 1866 году. Первоначальный проект собора разработан академиком архитектуры А.И.Резановым. В 1871 году в торжественной обстановке после литургии произведена закладка храма, но по разным причинам строительство было приостановлено, и в тот же год А.И.Резанов умер.

В 1882 году решено было закончить строительство. Проект собора, в меньших размерах, фактически составлялся заново местным инженером И.М.Погосским, но внутренняя вместимость храма осталась той же, что намечалась по проекту академика Резанова. Руководство сооружением храма осуществлял церковно-строительный комитет.

Место для храма было выбрано на площади против дома генерал-губернатора Туркестанского края (ныне часть площади против Государственной библиотеки имени Алишера Навои, между зданиями Кабинета Министров Республики Узбекистан и 19-ти этажным зданием).

11 июля 1888 года в торжественной обстановке, по особо утвержденному генерал-губернатором церемониалу, преосвященный Неофит, епископ Туркестанский и Ташкентский, освятил вновь воздвигнутый Спасо-Преображенский собор — самое величественное здание во всем Туркестанском крае. Храм был построен из жженого кирпича, без наружной штукатурки, в общепринятых "русско-византийских" формах. В центре на двенадцатигранном барабане размещался пологий купол. Собор располагался на невысокой платформе за кирпичным ограждением.

Храм был весьма красив и внутри. В нем находились три придела, дубовый резной иконостас, выполненный по эскизам знаменитого академика М.О.Микешина.

В 1887 году Микешин приехал в Ташкент для установки резного иконостаса в строящемся Спасо-Преображенском соборе. В художественном отношении собор являлся главной достопримечательностью Ташкента, потому-то художник счел необходимым самому наблюдать за установкой иконостаса. Иконостас был выполнен в спокойных формах, строго симметричен, имел три яруса. Более 50 икон для него Микешин написал собственноручно, среди них образ Святой Троицы, Воскресение Христово и большая запрестольная икона — Иисус Христос в саду Гефсиманском (4).

В отделке храма применялся мрамор черного, темно-красного, зеленого и других цветов из урочища Пул-тау в Чаткальских горах.

Храм имел отличные качества в акустическом отношении. Каждое слово священника, произносившееся в алтаре, отчетливо доносилось до самого отдаленного угла собора.

Отдельно стоящая трехъярусная колокольня с эффектным арочным венчанием была запроектирована В.С.Гейнцельманом. Он же осуществлял руководство строительством собора. Стиль и формы колокольни, близкие к храмовым, являлись составной частью единого архитектурного комплекса. Высота ее была около 33 метров. Наиболее крупные из десяти колоколов весили 9,2 тонны, 6,2 тонны, 2,2 тонны. Все колокола отливались в Ташкенте под наблюдением полковника Емельянова. На Туркестанской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1890 года за отливку главного колокола П.П.Емельянову была присуждена малая золотая медаль.

Первый настоятель Спасо-Преображенского собора протоиерей Андрей приложил много стараний для сооружения этого храма. После ухода отца Андрея на покой новым настоятелем с 1893 года был Константин (Богородицкий). Умер отец Константин в 1922 году и был похоронен рядом с могилой своего брата

(о. П.Богородицкого) в церковном сквере Иосифо-Георгиевской церкви.

В начале 1930-х годов Спасо-Преображенский собор, как и многие другие церкви, был снесен. Судьба его иконостаса и икон неизвестна. А некоторые из погребенных здесь были перезахоронены.

Никольская церковь. В 6 верстах к северо-востоку от Ташкента по дороге на Чимган лежало село Никольское (ныне оно в черте города). Это было первое русское селение в Сырдарьинской области, устроенное для отставных и запасных нижних чинов. Село служило также дачным местом для малосостоятельных жителей Ташкента. В Никольском, из-за несостоятельности населения, не имелось даже церкви — жители его, чтобы помолиться, отправлялись в Ташкент, в тюремную церковь. Священник этой церкви и был назначен их духовником. А число жителей Никольского постепенно росло.

Коммерции советник Н.И.Иванов, который 25 лет прожил в Туркестане, в Ташкенте, часто жертвовал значительные средства на цели благотворительности. Он решил на свои средства построить в селе Никольском кирпичный храм и дом для священника.

8 ноября 1883 года преосвященным Неофитом торжественно была совершена закладка во имя св. чудотворца Николая в селе Никольском. Строительство же началось только в сентябре 1887 года, так как на первоначально выбранном месте оказались неблагоприятные для постройки грунты и потребовалось время подыскать другую площадку.

21 июля 1890 года новый храм был освящен епископом Неофитом. На это большое торжество приехало много гостей из Ташкента и Троицкого поселка.

Как по внешнему виду, так и по внутреннему убранству — в строгом русско-византийском стиле — храм Никольского поселка принадлежал к числу наиболее замечательных зданий в Туркестане. Внутренние украшения стен, карнизов и потолка живо напоминали стиль древних храмов того времени, когда русское искусство, возросшее на почве Византии, уже перестало рабски следовать прежним образцам и выработало свой обновленный стиль. Небольшая церковь в пригородном селе имела высокие художественные достоинства. К пятиглавому храму с запада примыкал входной притвор с колокольней. Линии стройного силуэта были тонкими и сочными, а вся церковь изящна и декоративна. Вытянутые вверх шатры, увенчанные тонкими изящными главками, придавали композиции большую стройность и вертикальность. Живописность церкви усиливала пластичное крыльцо с килевидным покрытием и двумя кувшинообразными

столбами, а также прихотливого рисунка фронтоны, наличники, кокошники и другие детали, обильно рассыпанные по зданию (6, с. 68).

Постройка храма со всей церковной утварью и ризницей обошлась Н.И.Иванову до 55 тысяч рублей. Вблизи храма на его же средства был построен прекрасный дом для священника — из жженого кирпича под железной крышей.

Рис. 27. Ташкент. Церковь Сергия Радонежского. *1897 г.*

Сергиевская церковь. К началу 1890-х годов в Ташкенте, при его 18-тысячном православном населении, было недостаточно храмов — это были лишь Спасо-Преображенский собор, Иосифо-Георгиевская церковь, госпитальная и четыре домовых церкви (при обеих гимназиях, стрелковой бригаде и тюрьме). Они не могли вместить всех молящихся, к тому же размещались крайне неравномерно: например, во всей зачаулинской части, которая быстро застраивалась, не было ни одного храма.

Проект церкви, разработанный архитектором Н.И. Латышевым, был рассмотрен строительным отделом в мае 1892 года и утвержден преосвященным Неофитом (7).

22 июля 1893 года в Ташкенте после литургии из Спасо-Преображенского собора был совершен крестный ход к месту будущего храма — на просторном и возвышенном скрещении двух центральных улиц, Пушкинской и Ассакинской, где во время молебна произведена закладка нового храма. Первоначально была

положена серебряная доска с надписью: "Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. В лето от Р.Х. 1893, 22 июля, заложен храм сей во имя святого Сергия, чудотворца Радонежского, присного молитвенника православной земли Русской...", а затем плита с изображением креста.

Строительство храма во имя преподобного Сергия Радонежского к половине 1896 года подходило к концу. 15 августа настоятелем Спасо-Преображенского собора протоиереем Константином совершено по установленному чину освящение крестов, изготовленных для этой церкви и поднятых затем на купола. Кресты — ажурные, из железа, покрытые толстым слоем листового золота — сделаны были в Ташкенте.

В октябре того же года отец Константин совершил молебен — освящение звона и окропление колоколов святой водою. Самый большой из колоколов весил 310 пудов 20 фунтов (5,1 тонны). Все десять колоколов для этой колокольни были отлиты на Московском заводе Оловянниковых.

Храм был построен прочно, изящно, с прекрасной утварью. Интерьер Сергиевской церкви отличала роскошная лепнина на потолке, библейские тексты по стенам, чрезвычайное обилие света и прекрасный строгий иконостас работы мастеров Троице-Сергиевской Лавры. По мастерству работы выделялись писанные на меди иконы св. митрополита Алексия и явления Богородицы преподобному Сергию.

Профессор В.А.Нильсен отмечает, что церковь "была очень хорошо поставлена на самом высоком месте, примерно посредине улицы, на ее оси, и как бы замыкала зеленую перспективу улицы на расстоянии, достаточном для четкого зрительного восприятия ее архитектуры. Церковь была довольно крупных размеров. Имела выразительный силуэт и, безусловно, важное градостроительное значение. Она имела пятиглавую композицию в основной части, сомкнутой с ярусной колокольней над входом. Килевидные наличники над полуциркульными проемами, кокошник с дыньками при входе, шлемовидные купола и другие элементы, присущие памятникам русской архитектуры, указывают на принадлежность здания Сергиевской церкви к так называемому псевдорусскому стилю" (6, с.67).

В строительстве применялась новая технология. По проекту здание должно было быть украшено снаружи разнообразными фигурами из жженого кирпича. Однако обтесывание кирпича для получения из него различных фигур было работой медленной, дорогостоящей и местами невозможной. Строитель Е.И. Ильин предложил изготавливать украшения требуемых форм отдельно и затем уже, посредством остроумных приспособлений, закреплять

семинарии, получив значительные дополнительные средства, решил не только расширить проектируемую пятиглавую церковь, но и сложить ее из жженого кирпича.

5 мая 1896 года после богослужения в Спасо-Преображенском соборе ташкентское духовенство крестным ходом в сопровождении молящихся отправилось к месту постройки нового храма — на углу улиц Московской и Петербургской. По дороге к ним примкнули крестные ходы Иосифо-Георгиевской церкви и двух гимназических церквей.

Церковь Александра Невского была построена за два с половиной года по проекту архитектора А.Л.Бенуа, строительство осуществлял инженер Е.П.Дубровин. В ноябре 1898 года церковь освятил отец Константин, с благословения бывшего епископа Туркестанского и Ташкентского Анастасия.

По рассказам современников, прекрасное здание церкви было выполнено в славянском стиле. Основным ядром композиции являлась пятиглавая колокольня, расположенная над входным притвором, с доминирующим положением центрального восьмигранного шатра. Внутри церковь отличалась изящной простотой. По словам А.И.Добросмыслова, "во время богослужений воспитанников семинарии не видно в рядах, как в других учебных заведениях, все они или поют на клиросах, или читают в алтаре, продают свечи. Вообще не видно того неприглядного казенного стояния учеников в церкви, переминающихся с ноги на ногу, позевывающих или безучастно озирающихся по сторонам" (8, с. 316). Богатая ризница и иконостас отличались художественностью работы и богатством отделки. Обращал на себя внимание запрестольный образ "Благословление детей". Утварь, золоченая и украшенная эмалью, имела изящную отделку и выдержанный стиль.

В 30-х годах от семинарской церкви осталось обезглавленная коробка. После основательного ремонта в декабре 1996 года в помещении бывшей церкви располагается Музыкальная оперная театр-студия при Государственной консерватории им.Мухтара Ашрафи.

Благовещенская церковь. Значительные события в стране или добрые дела принято увековечивать сооружением памятников или храмов. В ознаменование строительства железной дороги на участке Самарканд — Андижан с ответвлением на Ташкент, по идее строителя этой дороги А.И.Урсати, решено было построить церковь.

Место для церкви выбрали со стороны Куйлюкского проспекта, а средства для ее сооружения слагались из добровольных пожертвований служащих, железнодорожных подрядчиков, торговых фирм и частных лиц.

Рис. 29. Ташкент. Благовещенская церковь.

Закладка церкви была совершена 30 мая 1898 года, а уже 23 ноября 1899 года состоялось ее освящение. Освящение места при закладке храма и самого построенного храма совершил благочинный ташкентских церквей, настоятель Спасо-Преображенского собора, протоиерей Константин.

Новая церковь в Ташкенте была одиннадцатой по счету. Автор проекта и производитель работ — Г.М.Сваричевский. Здание церкви, сложенное из жженого кирпича на фундаменте из булыжного камня, имела цоколь, обложенный тесаным камнем, и было покрыто крышей из оцинкованного железа. Снаружи и внутри оно отделано алебастровой штукатуркой. Церковь построена в псевдорусских формах. Однокупольный храм в виде корабля в сочетании с высокой ярусной колокольней, расположенной при входе, создавал величественное зрелище. На колокольне имелось 8 колоколов общим весом 10,8 тонн, наиболее крупный весил 6 тонн.

Внутренность церкви, светлая и легкая, была отделана просто, но обращала на себя внимание живопись на иконостасе работы сестер Новодевичьего монастыря в Петербурге. Это — единственная в то время церковь в Туркестанском крае, которая имела электрическое освещение. В середине ее с купола свисала большая изящная люстра, у входа висела люстра меньших размеров, а

по бокам и внутри алтаря имелись канделябры. Церковная утварь, хоругви, паникадила — замечательной отделки, серебряные, вызолоченные — были выписаны из Центральной России. В середине 30-х годов нашего столетия церковь разрушили. Разбитый около нее сквер существовал еще долго и был уничтожен только во время очередной реконструкции Привокзальной площади.

Церковь кадетского корпуса замыкала южный угол громадного здания. Она выделялась большой высотой, насыщенной архитектурой разработкой фасада. Высокий шатер абсидной части замыкал ритм пристенных устоев протяженного фасада (6, с. 67).

Церковь во имя Покрова Пресвятой Богоматери при кадетском корпусе освящена 16 октября 1905 года. Великий князь Николай Константинович Романов преподнес церкви ценный дар — походный иконостас императора Петра Великого, полученный им от переяславского мужского монастыря (9). На установку этого иконостаса в алтаре церкви было получено согласие епископа Димитрия (9).

Церковь кадетского корпуса разделила участь других ташкентских храмов. Она была закрыта, оглавление церкви снесено. Сейчас в помещении храма находится актовый зал медицинского института.

Кладбищенская церковь. Судьба кладбищенской **церкви Александра Невского** сложилась более удачно — она не разрушена. Постройка была начата в 1902 году на городском христианском кладбище (ныне Боткинское) на средства военного ведомства, но поступали пожертвования и от частных лиц. Из них крупное и ценное пожертвование сделал коммерции советник Н.И.Иванов, соорудивший иконостас.

Здание сложено из жженого кирпича на фундаменте из того же кирпича, крыша покрыта оцинкованным железом. Церковь имеет пять глав, увенчанных железными вызолоченными крестами; главы покрыты оцинкованным железом. Внутренние стены и потолки оштукатурены и выкрашены: стены в бирюзовый цвет и потолки в белый. По переднему фасаду здания с двух сторон пристроены две башенки для колоколов, крыши их увенчаны железными вызолоченными крестами. Колоколов — три, большой весит 12 пудов (0,2 тонны). Отлиты они в Ташкенте мастером Полищенко. Престол в церкви один, во имя благоверного и Великого князя Александра Невского, освящен 8 мая 1905 года благочинным отцом Константином.

В начале 20-х годов храм был захвачен обновленцами. Православные прихожане ("тихоновцы") богослужение проводили око-

ло **часовни "Всех скорбящих радосте"**, расположенной недалеко от храма.

В годы второй мировой войны обновленцы потеряли влияние на православное население и после всенародного покаяния, воссоединились с православной церковью.

Еще в 30-е годы здание церкви сильно пострадало от пожара. Но только в начале шестидесятых были возведены новые купола.

Кроме вышеперечисленных наиболее крупных храмов в Ташкенте до 1917 года существовали так называемые домовые церкви — при мужской и женской гимназиях, при реальном и коммерческом училищах, при женском монастыре и богадельне, при городской больнице. Были церкви при военных батальонах, размещенных в Ташкенте. Участь всех этих церквей та же, что и вышеперечисленных храмов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. ЦГА РУз ф. 961, оп. 1, д. П, л. 2.
2. Там же.
3. Слово Жизни. — 1991, № 4.
4. Туркестанские Ведомости. — 1887, № 46.
5. Там же. — 1888, № 33.
6. Нильсен В.А. У истоков современного градостроительства. — Ташкент, 1988.
7. ЦГА РУз, ф. 17, д. 28771.
8. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. — Ташкент, 1912.
9. Туркестанские Епархиальные Ведомости. — 1912, № 8.

Протоирей
Леонид
(Патрахин)

СЕЛО ТРОИЦКОЕ
(Ташкентская область)

К северо-востоку от Ташкента по дороге в Чимган раскинулся большой промышленный город Чирчик. На сегодняшний день в черту города входят и несколько старых поселений, расположенных вокруг. При въезде в город со стороны Ташкента у дороги стоит красивое построенное из кирпича церковное здание — это церковь бывшего села Троицкое.

Троицкое расположилось на правом берегу реки Чирчик, в 30 км от Ташкента, близ разрушенной кокандской крепости Ниязбек. Первыми его жителями были переселенцы из разных губерний Европейской России, отчасти из Сибири и Семиреченской области (юго-восточная часть Казахстана). Поздний приход на место поселения не позволил крестьянам сделать яровые посевы, и вопиющая бедность поставила их в очень тяжелое положение. Некоторые семьи еще и до этого по полтора-два года блуждали по Западной Сибири и другим местам, проживая последние крохи, собранные на дорогу после продажи имущества на родине.

Получив пособие деньгами и лесом, крестьяне — 46 семей — на скорую руку сложили себе дома из сырцового кирпича. Не было ни дворов, ни служебных помещений. По словам очевидца, весь поселок имел вид "только что начинающейся, возрождающейся жизни, а сами крестьяне — вид подавленного, пришибленного нуждой населения. Была большая, неотвязчивая и гложущая сердце нужда, нужда крайняя, иногда в самом необходимом — в насущном хлебе".

Летов 1886 года на улицах Ташкента появились оборванные женщины и дети, просящие милостыню. Это явление, как отметили тогда "Туркестанские ведомости", "здесь покуда невиданное", привлекло внимание администрации и жителей города. Первыми, кто обратил внимание на положение переселенцев, были воинские части. Солдату как никому другому была знакома крестьянская нужда. 10-й Туркестанский батальон выделил 13 кулей муки, 4 куля рисовой муки, 4 свиньи; 1-й Туркестанский линейный батальон — 12 кулей муки, 7 кулей крупы, 2 барана, и т.д. Потом последовали разные пожертвования от ташкентской интеллигенции, служащих и частных лиц. От генерал-губернатора село получило 100 рублей, на эти деньги было куплено 7 коров, которых распределили среди семей с маленькими детьми. Стояние на улицах города "с длинной рукой" прекратилось, поло-

жение переселенцев можно было считать более-менее удовлетворительным. Но, хотя крестьяне имели коров, кое-какую одежду, хлеба им могло хватить на два месяца, а впереди была зима, так что дальнейшая помощь была необходима.

Большой помощью для крестьян стало предоставление им на время осенних работ двадцати пар волов. Это позволило распахать целинные земли под весенний посев и обеспечить на будущее главнейшим — хлебом. Осенью было опубликовано воззвание епископа Неофита к ташкентскому духовенству организовать в церквах города сбор пожертвований и сообща помочь жителям Троицкого поселка.

Удивительно, но несмотря на все трудности в маленьком, только начинающемся, голодающем поселке спустя три месяца после его основания, в сентябре, открывается школа. Она содержалась частным образом и занимала одну комнату в доме местного сельского старосты. В этой же комнате помещался и учитель Белоцерковский — бывший ученик Ташкентской мужской гимназии.

В помещении школы первую зиму было сыро, как и во всех других домах, построенных только к концу лета и осенью. Обстановка простая: деревянные столы, скамьи, классная доска и стол для учителя. Посещающие занятия мальчики и девочки, около 25 человек, разделялись на старшую и младшую группы. Инспектор народных училищ М.Миропиес, посетивший школу в декабре 1886 года, дал ей такую характеристику: "Внешний вид этой школы носит в себе характер дьячковской школы, он не бьет в глаза изяществом, ни богатством, потому что все это только что основано "на скорую руку". Но зато как богато внутреннее содержание этой школы, как своеобразна жизнь ее и как интересна личность учителя! Мальчики и девочки имеют бодрый и веселый вид, любовь и доверие к своему учителю. Они знают все самые употребительные, начальные молитвы, младшие уже начали читать и писать, а старшие читают и пишут довольно удовлетворительно, считают в пределах пройденного также удовлетворительно, кроме того они поют молитвы и некоторые светские песни довольно стройно, насколько это доступно для детей, которые учатся только третий месяц".

Учитель Белоцерковский относился к своему делу не только с полным усердием и сердечностью, но и со значительным самоотвержением. Для детей он был не только учителем и воспитателем. Школа ежемесячно получала из Ташкента от частного лица 40 рублей, из которых 10 рублей учитель уделял на различные нужды школы, а на остальные деньги ежедневно готовили обед, который во время большой перемены подавала хозяйка дома, жена старосты, и тогда все учащиеся, вместе с учителем, с деревян-

ными ложками садились за общий стол. Кроме того, Белоцерковский приложил большие усилия к приобретению для ребят одежды, причем одинаковой формы. Благодаря ему к новогодним праздникам все мальчики имели красные рубашки и синие штаны, новые шапки, полушубки и сапоги, а девочки — новые сарафаны, платки, теплые шубейки и башмаки.

Учитель одновременно был и сельским писарем. И эту свою обязанность он исполнял самым прилежным образом. Он прекрасно, иногда лучше самого старосты знал не только состав каждой семьи, но и трудолюбие хозяина, его нужды и дела. Он знал, кто и сколько запахал земли, кто, куда отлучился из поселка, кто неравнодушен к водке (к чести крестьян только один из жителей села любил "зашибать").

Учитель выполнял у жителей села и обязанности фельдшера. Если кто-нибудь в поселке заболевал, Белоцерковский шел к больному, ставил свой диагноз и давал лекарства из имевшейся в его распоряжении небольшой аптечки. Видимо, вполне успешно, так как больные с доверием обращались к нему. Учитель жил одной жизнью с поселянами.

Наконец, Белоцерковский нес, как отмечалось, "исключительно из своих личных побуждений", и обязанности дьячка. В поселке еще не было ни церкви, ни священника, был лишь небольшой молитвенный дом, куда по звуку колокола в праздничные и воскресные дни собирались поселяне. Здесь учитель читал положенные молитвословия, некоторые из них исполнял хор учащихся под его руководством. Он также объяснял значение или историю праздника и проводил нравственные беседы.

Нелегкими, но благодарными были труды и обязанности, которые нес на себе учитель Белоцерковский. В 1906 году в "Средне-Азиатской Жизни" была помещена заметка о том, как жители Троицкого отметили двадцатилетие своего села. Деревенская молодежь, сообщала газета, поставила в воскресенье 21 мая и на другой день несколько пьесок: "Василий Рябов", "У следователя" и "Денщик подвел", а также живые картины. Особо подчеркивала газета, что праздник прошел без пьяного разгула, как это нередко бывало в подобных случаях в деревнях.

В конце января 1906 года жителей Троицкого несколько озадачило появление в их селе лавочки с вывеской "Винно-бакалейная торговля". Это обеспокоило и местную власть, тем более, что об открытии лавочки не было никаких предупреждений. Во время одного из ближайших сходов староста пригласил в управу владельца лавки и спросил его, на каком основании открыл он свою лавочку, не уведомив о том сельское управление. Владелец лавки сделал вид, что удивлен, и заявил сельчанам: "Это господа, вас

не касается. Открыл я торговлю и буду торговать. Вы знаете, — теперь свобода слова(?)". "Позвольте, — возразил один из поселян, — у старосты есть приказ, в силу которого он должен знать, что питейные заведения открываются в его селе". Ничего не ответил на это владелец лавки, лишь пожал плечами и со словами: "До свидания, господа, прошу меня не тревожить", — ушел со схода. Торговля продолжалась; и в базарные дни возле лавки до ночи раздавались пьяные возгласы.

В 1894 году жители Троицкого составили общественный приговор о построении в своем селе храма. Туркестанской духовной консисторией 11 сентября 1895 года на имя крестьянина Димитрия Демиденко была выдана книга для сбора пожертвований в пределах Туркестанской епархии на построение храма в Троицком.

14 июня 1896 года жители села получили благословение епископа Туркестанского и Ташкентского Никона на постройку молитвенного дома и приступили к делу. Они располагали к тому времени 600 рублями общественных денег, а также 319 рублями, собранными по сборной книжке. Начатая 20 июня постройка молитвенного дома к 1 февраля 1897 года была окончена, а 9 февраля был освящен новый **молитвенный дом во имя великомученика Георгия Победоносца** священником Евстафием Любимским совместно со священником Константином Стоберским, который 20 мая 1896 года был направлен в село Троицкое первым священником.

Молитвенный дом был построен из сырцового кирпича под земляной крышей. Он представлял собой одну комнату длиной 17,5 и шириной 7,5 аршин. Пол был выстлан жженым кирпичом, в алтаре пол был деревянный. Довольно изящный иконостас был сделан в мастерской Ташкентского городского четырехклассного училища, иконы были написаны местной художницей-любительницей Лепехиной.

Здание этого молитвенного дома сохранилось. После установления советской власти в нем располагался сельсовет, затем школа № 2, позднее магазин стройматериалов.

Этот молитвенный дом служил жителям села на протяжении почти четырех лет, пока не был построен новый храм.

В 1897 году гражданским инженером В.С.Гейнцельманом был составлен проект нового церковного здания для села Троицкого. 8 сентября 1898 года с благословения епископа Туркестанского и Ташкентского Аркадия была совершена закладка нового храма. Выбор места для церкви оказался весьма удачным, вскоре здесь оказался самый оживленный центр не только поселка, но и восточной территории Ташкентского уезда.

Рис. 30. с. Троицкое (Ташкентская область). Фрагмент фасада церкви Георгия Победоносца.

Через два года с небольшим строительство было окончено. Строился храм на деньги, выделенные генерал-губернатором А.Б.Вревским, и на добровольные пожертвования. Оценивалось церковное здание на сумму около 18 000 рублей. 23 ноября 1900 года была освящена новая **церковь во имя Георгия Победоносца.**

Троицкая церковь по общей композиции и силуэту значительно отличалась от других церковных сооружений Ташкента и его окрестностей. Крестообразная в плане, она включает в себя притвор, центральную часть и алтарь. Центральная часть двухъярусная, четырехскатная кровля над ней завершалась круглым барабаном с главой и металлическим крестом. Алтарная часть и притвор церкви одноярусные, со скатной крышей.

Иконостас одноярусный деревянный был сделан по чертежу гражданского инженера Киселева в мастерской Ташкентской тюрьмы, но иконы были не особо хорошей живописи.

Для стен использован жженый кирпич, в центральной части толщина стен 80 см, в других частях здания — 50 см. В перекрытии применены балки из карагача, стропила и обрешетки — деревянные. Барабан с главой, также деревянные, в советское время были снесены. Фактура фасада церкви, выполненная в "кирпичном" стиле, насыщена элементами декоративного убранства из древнерусской архитектуры.

Вскоре после окончания строительства храма жители поселка решили на общественные средства пристроить, с надлежащего разрешения, колокольню, которая могла бы служить и помещением для сторожа и кладовой. Колокольня была поставлена с западной стороны, в 7 м от церкви, и соединена с ней галереей шириной 4 м с двумя входными дверями с южной и северной стороны.

25 ноября 1903 года в мастерских товарищества Ф.Блок был отлит колокол, заказанный для церкви села Троицкого. Колокол весил около ста пудов (полторы тонны). Это был всего второй случай отливки колокола в Средней Азии местными средствами. В 1900 году в селе Троицком насчитывалось около ста дворов с 732

жителями. Здесь уже заканчивалось строительство прекрасного церковного здания, имелись училище и больница с приемным покоем. Село было местом пребывания участкового пристава, врача и фельдшера-акушерки.

Уже с первых лет существования село Троицкое во многом опередило ряд селений не только Ташкентского уезда, но и всей тогдашней Сырдарьинской области.

На сегодняшний день, кроме церковного здания и молитвенного дома, в селе сохранилось здание церковно-приходской школы, где разместился детский сад, и некоторые старые жилые дома. Колокольня Троицкой церкви была снесена, осталась нижняя часть, где располагались сторожка и кладовая.

В 1980 году к храму с северной стороны была пристроена прихожая, рисунок кладки которой соответствует общему фасаду. В 1984 году в алтаре под слоями извести и краски была обнаружена настенная роспись, довольно хорошо сохранившаяся, — это изображение четырех святых: Василия Великого, Иоанна Златоуста и мучеников Косьмы и Дамиана. В том же году они были очищены и отреставрированы.

В целом здание церкви, сохранившее свой прежний облик, является примером и памятником творческой деятельности одного из крупнейших архитекторов дореволюционного Туркестана — В.С.Гейнцельмана, успешно использовавшего в архитектуре края композиционные приемы древнерусского зодчества.

Г.А.Юдина

ЗА МОНАСТЫРСКОЙ ОГРАДОЙ

В Конституции независимого Узбекистана свобода совести — не декларативная статья, а реалии жизни. Об этих реалиях наша статья.

Почти в центре Ташкента, на неприметной улице 8 Марта, примыкающей к оживленной магистрали — Ферганскому шоссе приютился **Свято-Никольский женский монастырь.**

Впервые православный женский монастырь появился в этих краях в 1893 году и назывался, как и ныне, монастырем св. Николая Чудотворца. В середине 20-х, в годы гонений и репрессий священнослужителей, был разрушен. И вот спустя более семи с половиной десятилетий, в 1992 году получил второе рождение.

К скромной, построенной в 40-е годы нынешнего века одноименной церкви, епархия прикупила пять небольших домов с двориками, где и разместились кельи насельниц, мастерская, просвирня и трапезная.

Настоятельницей монастыря была назначена игуменья Любовь — в миру Мария Васильевна Якушкина. Женщина деловая и энергичная, если эти понятия применимы к ее сану. Пять лет провела она в Иерусалиме, в женском православном монастыре. Годы на земле обетованной закалили, укрепили ее в вере, многому научили. Затем девять лет в одном из самых старинных православных монастырей — Свято-Троицком женском в Латвии. Из его стен вышли 15 игумений.

Начинала с малого. С шестью послушницами, из которых две монахини, приспосабливали, обустраивали помещения. Прихожане помогали провести канализацию, наладить отопление в кельях. Узнав об открытии монастыря, приходили и приезжали издалека новые насельницы. И вот спустя четыре с небольшим года в монастыре уже более пятидесяти сестер. Большинство живут в Ташкенте, другие — в филиалах монастыря: в Кыргызстане и поселке Солдатском Ташкентской области.

Тесны стали кельи монастыря — вот и возводится двухэтажное кирпичное здание. Часть кирпича на богоугодное дело пожертвовал Янгиюльский завод, часть купили за половину цены сами, арматуру предоставил Узвторчермет, строителей наняли прихожане. Это весьма характерно для республики, — представители любой веры не чувствуют себя ущемленными. Напротив, им всегда готовы помочь, если видят в их деятельности нравственное начало.

Монастырь принимает всех желающих. Да только не все остаются. Три постулата монастырской жизни — смирение, терпение, послушание — безоговорочно могут принять немногие. Да и жизнь монастырская, вопреки расхожему мнению, напрочь лишена романтики.

Каждодневная молитва — утром и вечером — и усердный труд. Нет ни радио, ни телевизора, ни газет. Правда, и за монастырские стены проникла современная техника. Прихожане пожертвовали видео-магнитофон. Смотрят насельницы видеофильмы о жизни других монастырей, о святой земле Иерусалима.

У монастыря земельные угодья десять гектаров. Выращивают пшеницу, маш, овощи, фрукты. Есть восемь коров, птица (даже павлины), две лошади, трактор. Небогатый рацион монастыря разнообразят овощи, фрукты, молоко. В этом году собрали 10 тонн пшеницы, обменяли на корм для скота.

Монахини трудятся не покладая рук. В крохотных двориках — безукоризненный порядок. Слепят белизной свежепобеленные стены, большие декоративные вазы с цветами вдоль стен создают неповторимый уют. На дальнем дворе под навесом сушится приготовленная на зиму картошка — к зиме готовятся серьезно.

Приносит тихую радость монахиням вышивание церковного облачения, чтение богоугодной литературы. Но это только по праздникам да в длинные зимние вечера, когда нет летних сельскохозяйственных работ. Вышивает золотыми и серебряными нитками по бархату монахиня Магдалина. Искусна вышивальщица: митра из-под ее рук выходит — хоть сейчас в музей или на выставку. Игуменья вышивать научила. Сама же матушка постигла это мастерство в Иерусалиме.

Юные девушки, которые приходят в монастырь, обычно воспитываются в очень благочестивых, верующих семьях, — объяснила игуменья Любовь. Реже идут из неверующих семейств. Молодые быстро привыкают к монастырской жизни. Молятся за родных и близких, оставшихся за стенами монастыря. Родные их навещают. Вот тем, кому за сорок, труднее смириться с уставом: долгие часы молитв, труда без выходных, смирение и покорность — тяжелое испытание.

Самой старой насельнице — монахине Агапите — семьдесят восемь, постриг приняла несколько лет назад в Свято-Успенском соборе. Самой младшей — четырнадцать.

Монастырь никогда не спит. День и ночь читают монахини "неусыпаемую" псалтирь, сменяя друг друга. Молятся за всех живущих и страждущих. Может, поэтому легче становится, когда знаешь, что кто-то думает о твоей душе, молится за нее.

Н.Б.Завадовский

К РЕСТАВРАЦИИ ОБВЕТШАЛЫХ ХРАМОВ

В самом центре ташкентского Боткинского кладбища, как раз между часовней и зданием духовного училища, окруженных невысокой металлической оградой, лежат три могильные плиты, проходя мимо которых каждый истинный христианин осенит себя крестным знамением. И скромные плиты, и белые, без украшений, монашеские кресты, и крепкая память, им сопутствующая, принадлежат ташкентским святителям, имена которых на этих плитах высечены. Боткинскому кладбищу более ста лет, оно плотно заполнено. Однако возле этих могил относительно просторно. Тишина, высокие ветвистые деревья, тень от часовни, чуть слышное пение, доносящееся то из храма, то из окон духовного училища — все это вместе создает настроение глубокого душевного покоя. Благодать, молитвенное настроение охватывает каждого, кто приближается к этому месту. Надписи на могилах немногословны: "Ташкентский митрополит Никандр, + 18 февраля 1933 г.", "Ташкентский митрополит Арсений, + 18 февраля 1936 г.", "Ташкентский архиепископ Гавриил + 28 февраля 1971 г." И все. И биографии, и дела их принадлежат Богу. Недаром основания крестов вечно залиты воском. Свечи ставят прихожане. Тихо, незаметно зажгут свечу и так же тихо молятся, безмолвно беседуя с небом.

За те три майские недели 1996 года, которые настоятелем кладбищенской церкви были отведены на реставрацию этих могил, сколько людей прошло мимо!

С последнего погребения прошло изрядное время, и плиты, и сама ограда прочно вошли в землю. Краска облупилась, металл взялся коррозией. Могильные кресты, сделанные из сосновых брусьев, от летнего зноя растрескались и шатались в своих гнездах, а огромное чугунное распятие, установленное над чьей-то давно исчезнувшей могилой, являло собой печальное зрелище, которое может иметь старый чугун, покрытый пятнами ржавчины.

Но в срок мы уложились. Никто не мешал, и только служители храма, народ и любопытный, и заинтересованный, украдкой приходили посмотреть, как идут работы. Но и они не знали, чего это стоило — за несколько дней поднять всю эту гору земли и мусора, отскрести ржавый металл и облечь его в живые цвета художественных красок.

Вокруг часовни, вокруг храма **св. Александра Невского** лежит в своих могилах почти все старое священство Ташкента: десятки священников, диаконов, монашествующих обоего пола. Многих из них мы знали. Моя жена Нина — художник, одна из активных участников реставрационных работ — еще ребенком была здесь, сидела на ступеньках клироса, на котором пели ее мать и дед. Она слушала пламенные проповеди протоиерея Феодора (Семененко). В соборе подходила под благословение владыки Ермогена. Седой, почти бестелесный владыка произносил свое пастырское слово, а вокруг, в густой толпе прихожан боялись кашлянуть, чтобы не упустить что-то из его мыслей.

А здесь — прах протоиерея Константина (Былинкина). "Я один в этом мире, как былинка". Он был круглой сиротой и воспитывался церковью, которой и посвятил свою жизнь. Я и сейчас вспоминаю встречу с ним, когда отец Константин, засучив повыше штанины, чтобы не испачкать, весело месил ногами глину с соломой, возводя новые стены Янгиюльского храма, в котором он долго был настоятелем.

А вот могила протоиерея Маркела. Как-то подошла незнакомая женщина и спросила, где могила отца Маркела. Сама откуда-то из России. "Просили меня: когда приеду в Ташкент, свечу поставить на его могиле". Мы показали место, и она пошла к могиле. Кто-то добром помянул ташкентского святителя.

Приход храма громадный. Это особенно заметно, когда в праздник, например, за вечер и ночь через церковь пройдет больше десятка тысяч верующих помолиться, куличи освятить, просто свечу поставить. К вере христовой они относятся по-разному, многие мало что и знают о ней, однако в храм иногда приходят. И страх божий имеют. Все остальное — дело времени и обстоятельств.

Вспомнились пятидесятые годы. Пасха. Двенадцать раз, по обряду, отец Феодор менял облачение, чтобы, выйдя к народу, торжественно возгласить "Христос Воскресе!" И в ответ услышать многотысячное: "Воистину Воскресе!".

Храм живет своей полнокровной жизнью, внешне незаметной. Она и не должна быть заметной. Дело здесь не в золоте облачений и красках икон, не в торжественности богослужения и аромате курений. Дело в том, что человек должен по-иному настроиться, отойти душой и мыслями от житейских забот, обратиться мыслью к проблемам вечным и прочувствовать свое к ним отношение. Здесь, в храме, человек беседует с Богом и со своей совестью. А совесть христианина — это прежде всего любовь к ближнему, желание помочь. И это делается по внутреннему побуждению: церковь лишь помогает человеку осознать самого себя и свое

Рис. 31. Ташкент. Церковь Александра Невского. Боткинское кладбище.

место в системе моральных ценностей. Гуманных ценностей. Любовь и добро. Может быть, поэтому христианство и прошло через все континенты, что свет Христова учения затрагивает самые сокровенные струны человеческой души, изначально созданной для добра и уставшей от мирового зла.

Закончив работы у могил святителей, мы перешли в храм св. Александра Невского, в котором в общей сложности пробыли четыре месяца, восстанавливая своды, стены, переписывая заново фрески и поврежденные иконы Иверской Божьей Матери, Александра Невского и большое распятие.

Строительные леса были неудобны и ненадежны. Но все же нам удалось добраться до растрескавшегося купола и обновить верхние росписи, покрытые копотью и сеточкой бесчисленных трещин. Храм был построен еще в начале века, поврежден землетрясениями. Есть и некоторые недоработки конструкций. Контрфорсы, подведенные десять лет назад под стены, укрепили здание, однако можно было заметить, что оно несколько вибрирует.

Долго подбирали цвета для стен. Остановились на цвете "морской волны" и его оттенках, которые будут хорошо сочетаться с предполагаемыми яркими цветами фрески, которую затем сделали на своде перед алтарем. Потом — розетка купола. Когда она была уже закончена, мы поняли, что нас посетила удача. Многоцветная розетка сияла всеми цветами радуги и золотом. Она волновала, а именно этого эффекта мы и хотели. Затем перешли на купол, на стены.

Только когда двери храма были наглухо закрыты, мы могли работать спокойно. Служба шла в часовне, на свежем воздухе, мы работали в храме одни. Пока Нина Завадовская готовилась писать фреску, я прописывал бесчисленные детали декора.

Но вот фреска начала обрисовываться. В центре ее — изображение Святой Троицы: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой в

виде голубя, распростершего крылья. По бокам ее и ниже — сонм ангелов и архангелов, св. Иоанн Креститель, молящие о прощении грехов человеческих и о вразумлении грешников. Развернутая во всю стену над полом фреска как бы охватывала собой молящихся. Непросто было добиться такой выразительности, глубины и достоверности. Прежде чем приступить к написанию иконы, мы долго постились и молились, сосредоточиваясь на объекте: ни один из настоящих художников не станет писать икону, он напишет лишь картину на духовную тему. И уж совсем бесполезно браться за это дело человеку неверующему. Однако все что было по канону положено, было сделано.

Осенью 1996 года икону освятили, как и все то, что подверглось реставрации. Зажглись лампады, начались богослужения. Спокойно и хорошо стало на душе.

На Боткинском кладбище сохранились могилы Федора Керенского, некоторых туркестанских генералов. Старые купеческие могилы напоминают о былом размахе восточной торговли. Совсем недавно, буквально на глазах исчезла могила купца Тезикова. Здесь могилы таких деятелей науки как Л.В.Ошанин, А.С.-Уклонский, Н.П.Остроумов, Н.Г.Малицкий, В.В.Решетов, Г.М.Сваричевский, Е.К. Беггер, В.А. Шишкин. Здесь же скромная могила Анны Алматинской рядом с потомками Войно-Ясенецких. Захоронение архимандрита Бориса (Холчева), канонизированного Русской православной церковью за границей в качестве мученика за веру. За каждым именем — человек, его заслуги перед Богом и людьми. Хотелось бы все это сохранить. И могилы, и историю. Ведь без памяти нет человека, нет будущего.

А.А.Хусаинова

ЗДАНИЯ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА В САМАРКАНДЕ (конец XIX — начало XX вв.)

После присоединения Самарканда к России в 1868 году постройке культовых сооружений местная администрация придавала большое значение. Для сооружения одних храмов брались типовые проекты, другие проекты составлялись самаркандскими архитекторами (Покровская церковь, церковь св. Георгия), но все проекты были основаны на традиционных приемах культового зодчества этой эпохи. В русской архитектуре в середине XIX века предпочтителен был так называемый "русско-византийский" стиль, он же имел место и в культовом зодчестве Самарканда. Строительный устав гласил, что "при составлении проектов на построение православных церквей преимущественно и по возможности должен быть сохранен вкус древнего византийского зодчества" (1). В "русско-византийском" стиле были выстроены и Ташкентский Спасо-Преображенский собор, и Ново-Маргиланский собор Александра Невского.

В 1912 году в Самарканде существовало семь церквей. Одной из первых была построена в 1868 году в крепости временная **церковь св. Георгия.** Небольшая церковь представляла собой одноэтажное здание, в западной части которого находилась колокольня. Она была единственным архитектурным компонентом, который внешне выделял церковь; перекрытая плоской крышей, она украшена была парапетом с крестами. В оформлении церкви принимали участие местные мастера.

К 1879 году церковь в крепости стала разрушаться и вообще появилась необходимость в создании более вместительного храма. В 1880 году проект и смета православного храма были составлены самаркандским архитектором В.А.Лемке. В 1882 году на площади, против дома Военного собрания, в течение 10 месяцев была построена новая церковь св. Георгия.

Трехглавая церковь отличалась интимностью общего облика, строгостью и ясностью архитектурных форм. Церковь прямоугольна в плане, барабан центральной главы открыт внутрь помещения, тогда как остальные два — глухих, превратились в чисто декоративные круглые "шейки". С востока к главному объему пристроен алтарь-абсида, который имеет окно с нарядными наличниками. Сооружение отличало высокое строительное мастерство. До сих пор оно имеет отличную сохранность (2).

Рис. 32. Самарканд. Алексеевский собор. 1912 г. *Фото 1996 г.*

Самой большой церковью в Самарканде был **Алексеевский собор** (3), построенный в 1912 году. В 1902 году архитектор Ф. Смирнов спроектировал для Термеза собор, но возвели который в Самарканде. Общая композиция храма представляла в плане прямоугольник, который венчала одна глава. С восточной стороны к главному объему примыкает низкая пристройка с тремя полукруглыми абсидами. На двух боковых фасадах имелось по одному нарядному крыльцу, колокольня имела шатровое завершение. Церковь была обращена на военный плац, главным считался западный фасад храма, восточный выходил на улицу Николаевскую (ныне ул. Ш. Рашидова). Внешний наряд здания составляли карнизы, наличники закругленных кверху окон, кокошники — все это образовывало богатые светотеневые эффекты и придавало храму особую пластическую выразительность. Особенно нарядны два крыльца, богато украшенные резьбой (резные "полотенца", колонны). Важную роль играют великолепные кованые решетки на окнах. Убранство барабана колокольни представлено кирпичными карнизами и характерными для древнерусского зодчества архитектурно-колончатыми поясками. Внутреннее убранство церкви ничем не примечательно, только пол, набранный из цветных шлифованных плит мрамора, представляет интерес.

Покровский собор (непрерывно действующий) был построен из жженого кирпича в 1905 году по проекту инженера И.П. Лебедева. Церковь в плане имеет прямоугольник, разделенный на две части: в одной — учебные комнаты, в другой — зал для служб, и два входа: в зал — с запада, в учебные комнаты — с севера. Зда-

Рис. 33. Самарканд. Покровский собор. *1905 г.*

ние церкви-школы отличается высоким качеством строительных работ.

Единственным выразительным элементом является колокольня — невысокая, прямоугольная, возвышающаяся над помещением церкви, она выявляет назначение здания.

В 1888 году возник вопрос о строительстве в Самарканде **главного собора.** Вначале предполагалось построить храм на 700 человек, а затем вместимость увеличили до 1500 человек.

В 1890 году был прислан из Одессы план, составленный академиком архитектуры С. Толвинским. Хотя проект не был принят, однако начались исследования грунта близ церкви св. Георгия. В 1899 году был представлен новый проект храма, составленный академиком архитектуры А.И. Гогеном. До 1911 года проверялся грунт, велось длительное исследование местностей, где можно было бы возвести храм: предполагалось место в Ивановском парке (ныне парк — озеро), площадь около церкви св. Георгия, около братской могилы, на Абрамовском бульваре и т.п. По настоянию инженера М.А.Туманова и инженера Б.Н.Кастальского место под постройку собора было выбрано в Ивановском парке. В 1911 году на специальном совещании инженер М.А.Туманов предлагает построить собор не из кирпича, как в проекте А.И.Гогена, а из железобетона. После этого началась длительная переписка со строительными фирмами Москвы и Петербурга. В 1911 году был создан специальный "Временный Самаркандский

соборный комитет", в который вошли инженеры Б.Н.Кастальский, М.А.Туманов, И.П.Лебедев, принимавший самое активное участие в деле предполагаемого строительства грандиозного храма.

В 1913 году смета и проект были утверждены туркестанским генерал-губернатором, а в 1914 году проведена инженерная съемка и осуществлена закладка этого грандиозного храма, возведены необходимые временные постройки, заготовлены известь, песок, приобретена машина для выделки цветного кирпича и т.д., заготавливается кирпич, начинается строительство... В 1917 году оно прекратилось, все строительные материалы были проданы.

Рис. 34. Самарканд. Покровский собор. Деталь.

Интересно, что художественные искания А.И. Гогена были сосредоточены во время работы над эскизом проекта для самаркандского собора именно на архитектуре средневекового города (4).

Последней по времени христианской постройкой в Самарканде являлся **римско-католический костел.** Эскиз проекта был составлен и участок под него распланирован Е.О.Нелле в 1905 году, однако постройка была начата только через девять лет. Туркестанский и Ташкентский архиепископ не разрешал сооружение костела до тех пор, пока не будет выстроен православный собор. Основные средства, на которые строился костел, — добровольные пожертвования пленных поляков, которые были сосланы в Туркестан, и в частности в Самарканд.

В 1895-1896 годах в Ташкенте по проекту А.Л.Бенуа строилось здание лютеранской кирхи. Планировка, декор, интерьеры и т.д. оказываются аналогичны костелу. По-видимому, при проектировании самаркандского костела был взят за основу проект А. Л. Бенуа. Эта базиликального типа постройка напоминает трехнефные базилики романского периода развития архитектуры. Центральный неф подчеркнут выступающей из общего прямоу-

Рис. 35. Самарканд.. Римско-католический костел. 1917 г. *Фото 1996 г.*

гольного объема башней и входом, а боковые нефы входов не имеют, но вместо них — ниши, повторяющие центральный вход. Кирпичная декорация наружных поверхностей стен представлена в небольшом количестве: карнизы, розетки, ниши. Четыре башенки с узкими щелевидными проемами, окружающие прямоугольную башню, оканчиваются стрельчатыми шпилями, которые повторяются и в других украшающих здание архитектурных деталях. Это придает сооружению богатство и большую стройность. Башня со сквозными проемами, с широко развитым карнизом сообщает динамичность всему сооружению, ей вторят четыре башенки, как бы приставленные к ее углам, зрительно расчленяют общий четырехгранный столб и сообщают движение его формам.

Рис. 36. Самарканд. Римско-католи-ческий костел. Деталь.

Культовая архитектура Самарканда отличается многообразием. Здесь жили люди разных религиозных верований. Строились в городе в этот период и мечети, однако, это предмет другого исследования*).

*) Автором использованы материалы ЦГА РУз фондов 1, 5, 18.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карпович В.С. Строительные уставы и обязательные постановления в области зодчества у нас и в Западной Европе // Зодчий, 1909, №№ 4, 42.

2. В 20-е годы Георгиевский храм в Самарканде был закрыт. Но в 1937 году недалеко от православного кладбища на средства прихожан построили небольшую церковь, которую вновь освятили в честь св. великомученника Георгия. Новой церкви были переданы старинная утварь и часть икон из старого Георгиевского храма. Церковь действует и поныне (Ред.).

3. Самаркандский собор называют иногда Алексиевским, иногда Алексеевским (Ред.).

4. В Петербурге в 1910-1911 годы строилась мусульманская мечеть — "она должна была быть выстроена в стиле самаркандских мечетей". Постройка мечети осуществлялась архитекторами Н.В. Васильевым, А.И. Гогеном, С.С. Кричинским, в основе ее композиции — элементы мавзолея Гур-Эмир, в строительстве петербургской мечети принимали участие среднеазиатские мастера и, в частности, самаркандский мастер усто Курбан (Туркестанский курьер, № 33, 11 февраля, 1910; Петров А.Н., Борисова Е.А. и др. Памятники архитектуры Ленинграда. — Л., 1969, с.421).

М.А.Юсупова

ХРИСТИАНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ
(конец XIX — начало XX вв.)

Христианство впервые было привнесено в Среднюю Азию в III веке н.э. Просуществовав здесь более чем одно тысячелетие, оно было вытеснено, как и другие религии, исламом, который стал единственным государственным вероучением.

Христианские общины вновь появились в Средней Азии в последней трети XIX века, что было связано с завоеванием Туркестана Россией и интенсивным строительством в крае "русских" городов и поселений.

Наиболее широко этим строительством была охвачена Ферганская долина — один из богатейших природными ресурсами и древним культурным наследием регионов Средней Азии. Здесь, на завоеванной территории некогда могущественного Кокандского ханства, по высочайшему повелению российского царя Александра II в 1876 году была образована Ферганская область. Ее древние торгово-ремесленные центры — Коканд, Наманган, Маргилан, Андижан, Чуст и Ош — стали уездными городами новой области. В них началось строительство европейских частей — так называемых "русских" или "новых" городов. Они возводились по предварительно составленным регулярным планам, с добротными зданиями европейского типа.

Так, планы Нового Маргилана (с 1907 г. — Скобелев, ныне Фергана), "русского" Андижана и "русского" Намангана были основаны на радиально-дуговой системе улиц, где от крепости лучами расходились прямые проспекты, соединенные поперечными дуговыми улицами. Это облегчало просмотр и обстрел радиальных улиц в случае движения по ним врага.

В Коканде — бывшей столице одноименного ханства — европейская часть сложилась не рядом, а на территории позднефеодального города, так как здесь администрация решила остаться в удобном для нее недавно отстроенном величественном и обширном дворце Худоер-хана, расположенном в центре шахристана.

В каждом из этих "новых городов" в числе первоочередных сооружений — крепости, казармы, лазарета, тюрьмы, резиденции и правления уездного начальника и др. — предполагалось строительство православного храма. Позже, с развитием и ростом городов стали появляться и другие типы культовых сооружений.

Поначалу, в походных условиях присоединения Туркестанского края, русские войска приспосабливали для церкви обыкновенную палатку. В период основания городов, до постройки специального здания, под церковь временно использовали существующие "туземные" сооружения (1, 2). Например, в Коканде устроенная временно в тронном зале дворца Худоер-хана церковь святых Константина и Елены оставалась таковой в течение 32 лет, вплоть до 1908 года.

До 80-х годов XIX века допускалось возведение церквей из сырца. Такими были первые церкви Ташкента и Самарканда (1868), а также первый молельный дом Ферганской долины в городе Ош, построенный в 1877 году. Позже строительный устав потребовал соблюдения двух обязательных правил: а) православные храмы строить из жженого кирпича; б) с ведома Туркестанской епархии.

В православном культовом зодчестве Ферганской долины можно выделить следующие типы сооружений:

1. Общегородские православные храмы.
2. Церкви военные (по проектам военного ведомства).
3. Молельные дома (небольшие, часто однокамерные сооружения).
4. Часовни (в основном на кладбищах).

Первые два типа имели ряд общих архитектурно-планировочных и конструктивных особенностей.

Все православные церкви Ферганской долины, как городские, так и военные, были прямоугольными в плане, с выступающей на восток граненой абсидой. Последняя и небольшие входные ризалиты на остальных трех осях придавали плану слегка крестообразное очертание. Церкви состояли из основного молельного зала, алтаря с двумя ризницами, притвора с подвальными помещениями под ним, и паперти, над которой возвышалась колокольня. Для облегчения веса перекрытий, что было актуально при местной сейсмике, часто колокольня и барабаны куполов возводились деревянными. Купола, как и вся кровля сооружались из листового железа и покрывались масляной краской. Кирпичную фактуру фасадов украшали оштукатуренные детали рельефного декора, выделенного белым цветом. Церковная утварь, иконостас, часто и колокола, выписывались из Европейской России. Лишь для городских соборов Коканда и Намангана колокола были отлиты из старых медных пушек и орудий.

При строительстве церквей основные каменные работы выполнялись под руководством русских зодчих местными мастерами (усто). Вероятно, их искусство возведения традиционных для сейсмичной среднеазиатской зоны арочных конструкций было

использовано при постройке церкви в Коканде, когда запроектированные железобетонные арки, из-за нехватки этого привозного стройматериала, в процессе строительства были заменены на кирпичные.

Общегородские православные храмы. В русском градостроительстве храмы имели важное композиционное значение. Городскому собору отводилась центральная площадь, где он являлся ярким художественным и доминирующим высотным акцентом, ориентиром в окружающей застройке.

В Коканде, Андижане и Намангане, подобно российским городам, перспектива центральной улицы вела к храму. В Новом Маргилане она вела к церковной площади, где собор находился чуть в стороне от оси проспекта.

Рис. 37. Скобелев (ныне Фергана). Церковь Александра Невского.

Самой крупной в долине была **церковь во имя Александра Невского** в Новом Маргилане на 700 человек (1890-1899 гг., архитектор И.Р.Сакович, общие размеры 35×18.6 м, высота церкви с крестом — 30 м, была разрушена в 1936 г.). Возведенная на Соборной площади, напротив дома военного губернатора Ферганской области, в псевдовизантийском стиле, она имела кирпичную фактуру фасадов и план в форме православного креста.

Поначалу авторство проекта этой церкви приписывали академику И.С.Китнеру (3, с.62), но в Историческом архиве Санкт-Петербурга автором этих строк был обнаружен ее подлинный проект с надписью "Проектировалъ Сакович".

Над молельным залом церкви возвышался шлемообразный купол с четырьмя полусводами. Над западным входом возвышался меньший, но такой же по очертанию купол колокольни. Фасады собора украшали многочисленные полуциркульные проемы, фланкированные колонками с византийскими капителями — 18 окон в нижнем ярусе, 20 — в среднем и 8 проемов в барабане купола.

Рис. 38. Андижан. Городской собор Сергия Радонежского.

Архитектура этого сооружения была весьма живописной по объемной композиции, но в то же время несколько тяжеловесной. В западном нефе были устроены хоры на двойных мощных сосновых балках. У юго-восточной стены алтарной части находилось захоронение (могила и надгробный памятник-плита) основателя и первого настоятеля церкви протоиерея Афанасия Рышкина (умер в 1896 г.). В собор [illegible] нные в художественном

Рис. 39. Наманган. Улица, ведущая к храму. *Фото нач. XX в.*

отношении иконы — св. Александр Невский и образ Богоматери-Избавительницы (4, с.463).

Проекты андижанской **(во имя Сергия Радонежского,** на 300 человек), наманганской **(Михаила Архангела,** на 300 человек) и кокандской **(св. Константина и Елены,** на 500 человек) **церквей** (они были снесены в 1934-1937 гг.) разрабатывались по единому типу (возможно, на основе проекта деревянного молельного дома) ферганскими архитекторами И.Р.Саковичем, С.В.Лехановым и О.Васильевым. Затем эти проекты дорабатывались по замечаниям экспертов — сначала епархиального начальства, затем — известного туркестанского архитектора В.С.Гейнцельмана.

Так, выстроенная в 1896 году четырехстолпная в интерьере церковь Андижана была взята за основу проекта наманганского собора. В последнем, по предложению В.С.Гейнцельмана, инженер Ильчин вместо четырехстолпной конструкции для перекрытия пространства церкви использовал четыре деревянные фермы, чем был "очищен от столбов" интерьер зала.

Над андижанской и наманганской церквами возвышался небольшой лучковидный металлический купол на деревянном барабане в центре высокой кровли и небольшая главка на оси центрального входа — над колокольней. Размеры их плана примерно 25.1×23.5 м, высота с куполом — 23.5 м.

Обстоятельства строительства кокандского городского собора не только интересны, но и в определенной степени типичны для русского культового зодчества Ферганской долины, и поэтому приведем их подробнее.

В 1905 году, после долгих запросов, ходатайств и переписки, в Коканде по проекту О.Васильева, на частные средства и по смете на 75 тысяч рублей началось строительство церкви на 400 человек. Ее архитектура была более выразительной и цельной по объемной композиции, а размеры, возможно, более крупными, чем у андижанского и наманганского соборов. Над средней частью Кокандской церкви возвышались пять лучковидных вытянутых куполов — крупный в центре и меньшие по четырем углам. На оси главного входа выделялся отдельно расположенный, идентичный им по форме и размерам, купол высокой колокольни. Изящную архитектуру кокандской церкви дополняли вытянутые полуциркульные, в белых наличниках, проемы окон, дверей и арочной звонницы в колокольне.

Творческий замысел О.Васильева отражен в его пояснительной записке к проекту: **"Церковь во имя чудотворной иконы Божией Матери"** спроектирована в духе "памятников русского деревянного зодчества XVII века, из коих наиболее типичные суть: церковь в селе Останкино, церковь Иоанна Предтечи в Толчко-

Рис. 40. Коканд. Городской собор. *Нач. XX в.*

ве, Иоанна Златоуста в Коровниках, с отделкою снаружи красным облицовочным кирпичом, фризы карнизов из майолики, пояски, наличники, колонки и цоколь из песчаника, пол из метлахских плиток, перекрытие железобетонное. Входные двери наподобие дверей Успенского собора в Москве".

В процессе строительства "нижние и верхние подпружные арки, на коих установлен купольный парус", вместо железобетонных были сооружены кирпичными, в чем, как упоминалось, немалую роль сыграло мастерство узбекских каменщиков — усто.

Для внешней отделки использовали привозной из России красный кирпич, а для второстепенных работ — новомаргиланский белый.

В 1908 году изящное здание кокандской церкви было достроено и освящено. Но церковь не имела соответствующих колоколов. Еще в 1906 году священник кокандской церкви Венедикт Багрянский начал ходатайствовать о выдаче медных пушек из кокандского дворца Худоёр-хана для отливки колоколов, но лишь в мае 1910 года через военного губернатора было получено разрешение взять медь пушек после снятия с них надписей для передачи последних в Туркестанский публичный музей. Из ханских пушек были отлиты 300-пудовый большой колокол, названный "Михаил Скобелев" (дабы при каждом ударе прославлять имя этого героя), и малые соответствующие ему колокола. Церковь снесена в 1934 году.

Военные церкви. Они появились в начале XX века, когда в Петербурге при Главном штабе по высочайшему повеле-

нию была учреждена особая комиссия для разработки проектов военных церквей. Сооружения этого типа имели четкую и предельно рациональную планировочную структуру и, в отличие от "светских" дробных форм и декора городских соборов, обладали большей стройностью, строгостью, а иногда и вкусом. Конкретную выразительность, легкость и возвышенность их объемной композиции придавали большой купол (в крупных церквах) над алтарной частью и высоко взметнувшийся шатер колокольни над входной частью здания.

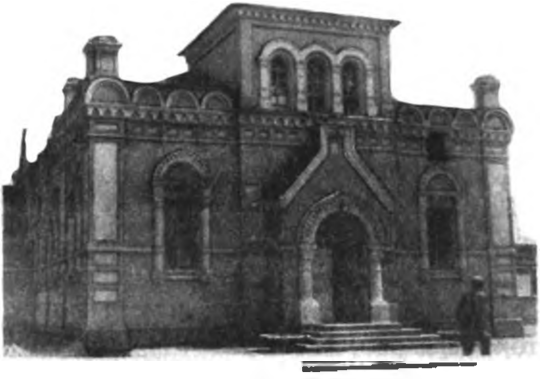


Рис. 41. Ош. Церковь архистратига Михаила.

В Ферганской долине были построены и сохранились два таких памятника. Один — крупная общегородская военная **церковь во имя св. архистратига Михаила,** возведенная в 1910 году в приграничном городе Ош. Ее проект, разработанный комиссией как особый тип военной церкви, образцовой не по роскоши и убранству, а по вместительности и экономичности сооружения, был одобрен Николаем II и, прежде чем быть рекомендованным для городов Ош и Термез, апробирован при постройке церкви 148 пехотного Каспийского полка (4, с.14, 479).

Второе здание этого типа — новомаргиланская бригадная **церковь св. Николая Чудотворца** на 400 человек — была возведена в 1903 году по другому проекту названной комиссии, впервые апробированному при строительстве военной церкви в городе Керки в 1899 году. Это было типичное для православного культового зодчества сооружение, над призматическим объемом которого в западной части живописно возвышалась пирамида шатровой колокольни (4, с.462). Колокольня этой церкви, а также колокольня и большой купол ошской церкви были снесены в 1930-е годы, однако основные корпуса хорошо сохранились.

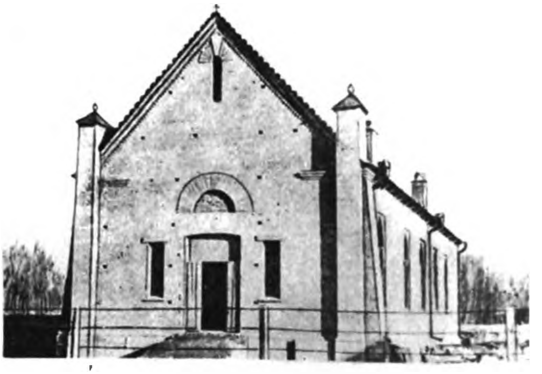


Рис. 42. Скобелев (ныне Фергана). Евангелическо-лютеранская церковь.

М о л е л ь н ы е д о м а. Первый в Ферганской долине молельный дом, служивший временной **церковью Михаила Архангела**, был построен в 1877 году в городе Ош из сырца. Постройка без колокольни сохранилась до наших дней.

Остальные молельные дома возведены в начале XX века из жженого кирпича. Они очень схожи по примитивной архитектуре и планировочной структуре — прямоугольные в плане сооружения с двухскатной кровлей и главным фасадом со шипцовой стеной. В плане по сторонам от главного входа размещались ризницы, в центре молельный зал, на востоке выступала граненая абсида. Из сохранившихся в Ферганской долине сооружений этого типа можно назвать молельные дома в городах Ош, Новый Маргилан и Коканд.

Необычна судьба одного из таких сооружений Нового Маргилана. Поначалу это был лютеранский молельный дом типа небольшой церкви, о чем свидетельствовала надпись на старонемецком языке на фотооткрытке. Позже, скорее всего в годы первой мировой войны, когда немецкая диаспора терпела притеснения по всей России, церковь поменяла хозяев. Ныне в этом здании разместилась православная **церковь Сергия Радонежского.**

В Фергане имеются еще две постройки начала XX века, связанные с христианством. Это **лютеранская кирха** (ул. Саккокий) и **римско-католический костел** (ул. Бурса). После снятия крестов в 20-е годы они были приспособлены для других целей. К счастью, оба здания сохранились.

Ч а с о в н и. Эти сооружения имели малые размеры, но выделялись своей необыкновенно живописной вертикальной объемной композицией. Часовни располагались в ядре загородных русских кладбищ, где доминировали по высоте и хорошо просматривались в перспективе аллеи через входной арочный портал.

Как правило, это были подквадратные в плане, однозальные, крытые куполом сооружения с глухой восточной стеной и тремя

Рис. 43. Фергана. Бывшая евангелическо-лютеранская церковь, переделанная в православную.

входными проемами на остальных фасадах. В их декоре читались крупные православные кресты.

Ныне сохранилось два сооружения этого типа. Первое из них — новомаргиланская часовня с кирпичной фактурой фасадов, увенчанная шатровым куполом с небольшим луковичным куполком в его завершении. Судя по дробному рельефному декору фасадов и оформлению кровли, близким к чертам городских церквей Намангана и Андижана, возможно, эта часовня была также возведена в конце XIX века и по проектам тех же архитекторов — С.В.Леханова, И.Р.Саковича и др.

Второе сооружение — андижанскую часовню, по ее неорусскому стилю, популярному в России и Туркестане в начале XX века, можно датировать 1910-ми годами. В эти же годы в России было возведено наиболее близкое к андижанской часовне по архитектуре сооружение — храм-памятник на Куликовом поле, построенный по проекту А.В.Щусева в 1913 году.

В Андижане была еще одна часовня, возведенная в 1898 году на военно-городском кладбище (4, с. 478). Она значительно пострадала при землетрясении 1902 года, после чего была разобрана и сохранилась лишь на фотографиях.

Таким образом в конце XIX — начале XX веков в Туркестане усилиями российских зодчих и местных строителей был создан ряд выразительных по облику памятников культовой архитектуры. Наиболее ценные из них — главные городские соборы на центральных площадях, так же как и ряд крупных мечетей и медресе, снесены в 30-е годы — в годы "бульдозерного атеизма". Меж-

ду тем многие церкви были построены настолько прочно, что их — например, по свидетельству очевидцев, новомаргиланскую — приходилось взрывать динамитом.

В настоящее время для нужд верующих реставрируются старые и строятся новые культовые сооружения — мечети, церкви, костелы и др. В частности, в Ферганской долине отреставрирован ошский городской храм и восстанавливается ряд квартальных сооружений*).

Рис. 44. Андижан. Часовня на кладбище. *Нач. XX в*

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушелевский В.У. Материалы медицинской географии и сановнисания Ферганской области. т.II. — Новый Маргелан, 1881.
2. Лавров М.В. Туркестан. География и история. — М., 1914.
3. Чабров Г.Н. Из истории города Ферганы // Труды САГУ, — Ташкент, 1952.
4. Цитович Г. Храмы армии и флота. — Пятигорск, 1913.

*) В данной статье были использованы материалы Центрального государственного архива Республики Узбекистан, краеведческих музеев Ферганской долины /Коканд, Фергана, Ош, Андижан/, Центрального военно-исторического архива России /Москва/ и Центрального государственного исторического архива России /Санкт-Петербург/.

М.А.Юсупова

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ ТЕРМЕЗА

В 1894 году, для окончательной изоляции Бухарского ханства от зарубежного вмешательства, по его южной границе, вдоль Аму-Дарьи были рассредоточены посты пограничной стражи со штабом в Патта-Кесаре, где под руководством командира этой бригады — полковника Костевича "в течение трех лет возник довольно значительный русский городок" под названием Термез, вскоре превратившийся в значительный торгово-промышленный и портовый центр.

100 лет тому назад в Термезе на территории, отведенной под пограничную бригаду, уже действовала **Русская православная церковь с датой на фронтоне — 1897 год.**

Чуть позднее при лазарете было возведено второе культовое здание-часовня.

Но в начале XX века с целью показа идеологической и политической мощи России на самых южных ее рубежах было решено возвести новую церковь по проекту военного ведомства, присланному из Санкт-Петербурга. По традиции общегородскому храму отводилась центральная площадь, где он выступал бы художественным и доминирующим акцентом. Уже в 1905 году гарнизонная церковь была построена. Высокая шатровая колокольня просматривалась с ближайшей к границе территории Афганистана.

Весьма интересна история создания проекта термезской церкви, связанная с крупными историческими личностями.

В 1900 году военный министр Российской империи А.Н.Куропаткин в докладе царю писал, что необходимо изыскать средства для постройки церквей при всех частях войск, где по штату положен священник, а также разработать тип вместительной и недорогой военной церкви. На это последовал ответ императора Николая II: "Дай Бог в скором времени удовлетворить религиозные нужды войск, что я считаю делом высокой степени важным" (см. Цитович Г. Храмы армии и флота. — Пятигорск, 1913, с. 14). В январе 1900 года по царскому повелению при Главном Штабе была учреждена особая комиссия под председательством генерала от инфантерии графа Татищева, по вопросам удовлетворения религиозных нужд и религиозно-нравственного воспитания войск, которая и разработала уже упоминавшийся "особый тип военной церкви".

В Туркестане, как уже упоминалось в предыдущей статье, по данному проекту планировалось возвести два общегородских военно-приходских храма — в Оше и Термезе.

Термезская **церковь** 9-го Туркестанского стрелкового полка **"в честь Алексия, человека Божия"** была выстроена при участии офицеров штаба пограничной бригады на главной обширной площади "посреди города, от которой по всем направлениям расходились улицы, обсаженные деревьями".

Рис. 45. Термез. Алексиевская церковь. *1905 г.* Фото нач. XX в.

Прямоугольному плану здания придавали очертание православного креста с выступающими по его осям объемами — абсиды на востоке с крылечками в центре остальных трех фасадов. Геометрически четкую внутреннюю структуру церкви составлял прямоугольный в плане молельный зал и примыкающие к нему с запада паперть и притворы, а с востока — алтарная абсида с ризницами.

Внешняя объемно-пространственная композиция здания была строга и солидна. В отличие от дробных "светских" форм городских приходских соборов, войсковые отличались крупными выразительными объемами и стройностью фасадов.

Живописные сферический купол и пирамида шатра колокольни, некогда возвышавшиеся над призмой основного объема термезской церкви, были снесены в 1930 году. Плоскость фасадных стен, традиционно оставленных в кирпичной фактуре, и ныне украшают рельефные детали-наличники с полуциркульным завершением и крупные православные кресты на пилястрах. Образный строй фасадов завершает многоярусный карниз и ряд кокошников над притворами. Крупный лучкообразный восточный купол над алтарем ранее покоился на квадратном в основании барабане с полуциркульными проемами в килевидных наличниках. Над запасным входом возвышалась восьмигранная шатровая колокольня, также на квадратном в плане основании. Легкость и ажурность архитектуре придавала звонница с арочными проемами на каждой грани.

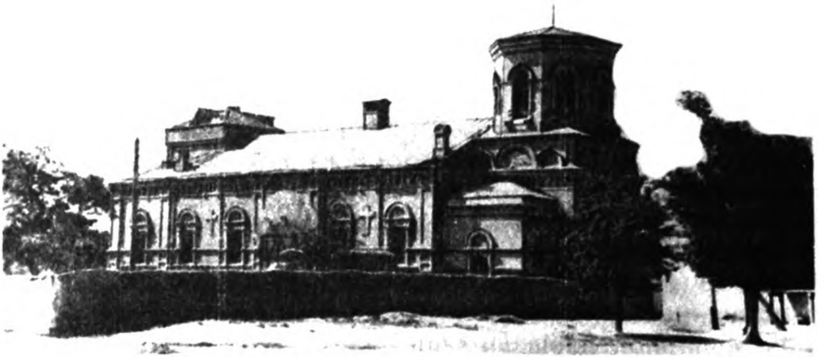


Рис. 46. Термез. Алексиевская церковь (без куполов)

Интерьеры Алексиевской церкви в настоящее время искажены — утрачен декор и церковные атрибуты, потолки выровнены и подбиты досками. Запоминается выразительное решение алтарной части, где неожиданно предстает высокий двухсветный свод, освещенный полуциркульными проемами в барабане, что производит эффект светового фонаря и ощущение обилия света и воздуха.

Но самое отрадное то, что оба православных храма в Термезе выстояли. Они обязательно будут отреставрированы и один уже возвращен епархии. С 1947 года верующие посещают **Казанский православный молитвенный дом**, расположенный на улице Нариманова.

О.Р.Каретникова

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖИТЕЛЕЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ТУРКЕСТАНЕ

О благотворительной деятельности Русской православной церкви в Туркестане сохранились четкие, краткие и одновременно самые многочисленные и объемные сведения из всех имеющихся по истории православия в этом регионе. Это денежные отчеты, ведомости и переписка о сборах и пожертвованиях, причем, отчеты, как правило, опубликовывались либо в периодической печати, либо в специальных изданиях.

Первой ступенью благотворительности являлся самый прямой и широко распространенный ее вид — тарелочные, кружечные и кошельковые сборы, производимые во время богослужений на вполне определенные нужды. Так, с 1902 по 1916 годы проводились сборы в пользу православного общества, в пользу вдов и сирот духовного звания, на лечение бедных духовного звания. Были сборы на улучшение быта православных паломников в Палестине, на восстановление православия на Кавказе, на распространение православия между язычниками империи. Собирались средства в пользу православных церквей и школ в Западном крае, в пользу Красного Креста, на сооружение церквей в Туркестанском крае, в пользу Епархиального братства. Прихожане давали средства на содержание церковно-приходских школ, на содержание братства во имя Царицы Небесной (приюта для детей слабоумных и эпилептиков), на содержание православного Палестинского общества. Были проведены сборы средств в пользу Успенского монастыря Российской духовной миссии в Пекине, на постройку соборного храма во Владивостоке, на устройство соборного храма при Киево-Печерском монастыре, на сооружение в Петербурге православного эстонского собора, в пользу воинского благотворительного общества Белого Креста. Вносились средства на предмет учреждения в Ташкенте отделения Комитета попечительства о глухонемых, на восстановление памятников Севастопольской обороны, в пользу Семиреченского православного братства, на сооружение и содержание беднейших церквей, на усиление средств Православной миссии в Японии, в пользу Попечительства для призрения слепых, в пользу пострадавших от землетрясений в Мессине и других городах Италии. Прихожане давали деньги на устройство в Москве музея 1812 года, в пользу раненых и больных воинов, в пользу епархиального Казанско-богородичного братства, на борьбу с пьянством, на построение

церквей и школ для переселенцев, на сооружение храма над могилой 22 тысяч русских воинов, погибших в сражении под Лейпцигом, на сооружение памятника М.И.Глинки.

Диапазон применения сборов расширялся вместе с расширением круга вопросов первостепенной важности и срочности. Сборы проводились под строгим контролем властей и епархиального начальства. В 1909 году вышел императорский указ, в котором всем благочинным и настоятелям церквей предписывалось: "Если в городах и селах окажутся самовольные сборщики и сборщицы, то о них довести до сведения гражданских властей и ходатайствовать о немедленной высылке иноепархиальных сборщиц и сборщиков из пределов Туркестанской епархии (I, с.32-43)". А в 1915 году, в ответ на ходатайство одного из благочинных о разрешении сбора на постройку церкви Туркестанской духовной консистории, было объявлено, что "до окончания войны будут разрешаемы только сборы, имеющие целью облегчение тяжестей военного времени" (2, с.31).

В ноябре 1915 года было опубликовано воззвание от Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам (более 200 тысяч) и их семьям, призывавшее, в частности, к сбору средств для оказания им максимальной поддержки (3). В 1916 году духовенство Туркестана организовало сбор пожертвований в пользу беженцев, а также на военные нужды, причем и само активно участвовало в этих сборах: священнослужители вкладывали наиболее значительные, по сравнению с другими жертвователями, суммы — от 25 до 100 рублей каждый (4, с.21-23), и это при том, что средняя зарплата священника равнялась, как правило, 600 рублей в год!

Тарелочные, кружечные и кошельковые сборы, проводимые в каждой отдельной церкви, обычно были небольшими — от 30-40 копеек до 8-9 рублей. Отцы благочинные препровождали деньги епархиальному начальству, и суммируясь, эти средства вырастали до весьма существенных размеров. Только на церковно-школьное дело в 1916 году поступило 27892 рубля.

Каждый желающий, в меру своих возможностей, мог активно содействовать именно тому делу, которое, по его мнению, являлось наиболее необходимым в данный момент, а, главное, само дело тоже делалось, и в определенной мере — благодаря участию в нем многих безвестных жертвователей.

Следующей ступенью благотворительности являлась деятельность различных, в основном церковно-приходских попечительств. По положению 1864 года на церковно-приходские попечительства возлагались "попечение о благоустройстве и украшении церквей, о школах и благотворительных учреждениях в

приходах и об устройстве помещений для причтов и улучшении способов их содержания". В дальнейшем сфера деятельности этих учреждений расширялась.

Ознакомиться с такой деятельностью позволяет отчет попечительницы Ташкентского детского приюта за 1882 год, когда здесь содержались 54 приютских ребенка. Среди них детей офицеров и гражданских чинов было 11 человек, детей мещан — 5 человек, детей нижних чинов — 28 человек и детей неизвестного происхождения — 10 человек. На их помещение, обучение, одежду, питание и т.п. в тот год поступили следующие средства:

оставалось у попечительницы 73 руб. 20 коп

пожертвование епископа Александра 25 руб.

от туркестанского генерал-губернатора 3500 руб.

от военного губернатора Сырдарьинской области 558 руб. 61 коп.

от Амударьинского отдела благотворительного общества 185 руб.

пожертвования от рождественского церковного сбора 423 руб. (5, с. 165-173)

Как видно, попечительство здесь играло, в основном, организующую роль.

Самыми активными и широко распространенными являлись церковно-приходские попечительства. Правда, в отчете о состоянии Туркестанской епархии за 1895 год, составленном епископом Никоном, имеется замечание, что в Туркестане "церковно-приходских попечительств всего четыре", и "деятельность сих обществ очень слаба". Но уже в 1903 году 39 вдовам и сиротам было выдано 1617 руб. 10 коп.

О деятельности этих организаций в 1914 году, когда сеть их уже покрыла фактически всю епархию, имеются более подробные сведения. Только за ноябрь попечительными советами восьми приходов 1-го Пишпекского благочиния оказана помощь 84 семьям призванных на военную службу — им было выдано 19 пудов пшеницы, 3 пуда ячменя, и еще 338 руб., из которых 98 собраны советами и 240 отпущено сельскими обществами.

В приходах Ташкентского (уездного) благочиния — Солдатском и Кауфманском — деятельность попечительных советов выразилась в оказании помощи 14 семьям, которым было выдано 24 пуда пшеничной муки (на сумму 36 руб.) и 9 руб. деньгами. В приходах Ирджарского благочиния была оказана помощь 59 солдатам деньгами в сумме 331 руб.40 коп. и натурой — доставкой топлива и предоставлением квартир. Попечительными советами

сел Сергиевского и Самсоновского 2-го Верненского уездного благочиния оказана помощь 71 семейству.

Из документов следует, что такая помощь оказывалась во всех благочинных округах епархии. Имелись и случаи отказа от помощи как отдельных лиц, так и целых сел — они желали справиться с трудным положением собственными силами (6, с.131-135).

В декабре 1914 года попечительными советами Аулиеатинского благочиния оказана помощь 204 семействам призванных в войска, на что было израсходовано 3101 руб. 48 коп., из которых 2600 руб. 48 коп. — казенные, 450 руб. — из общественных сумм и 51 руб. — частное пожертвование. По 2-му Пишпекскому благочинию выданы пособия 10 семействам. В Ирджарском благочинии выдано 72 солдаткам в качестве пособия 459 руб. 95 коп. и 20 солдаткам — 20 фунтов чаю; не имевшим квартир и топлива было предоставлено и то, и другое.

Оказывались пожертвования и в пользу самих солдат. Советы попечительства собирали и отправляли на фронт посылки с полотенцами, бельем, носками, портянками, перчатками, посылали в армию сахар, чай, мыло.

Третью, верхнюю ступень благотворительной деятельности образовали крупные организационные центры — благотворительные общества и братства, членами которых состояли не только духовные лица, но и многие представители имущих классов русского населения. В их числе необходимо назвать Всероссийское общество Красного Креста, переименованное из "Общества о раненых и больных воинах" — оно родилось из учрежденной в 1854 году Крестовоздвиженской общины (7, с.17), и Воинское благотворительное общество Белого Креста, имевшее целью "призрение, воспитание и определение в кадетские корпуса и др. учебные заведения сирот и полусирот, детей офицеров, убитых и раненых на войне, умерших на службе или оставивших таковую по болезни, или потерявших на ней здоровье, а также и выдачу пособий сим офицерам и их семействам" (8).

Братство во имя Царицы Небесной, основанное архимандритом Игнатием при специальном приюте, имело целью призреть "несчастных детей-калек, слабоумных и припадочных". За время своего существования оно (к 1909 г.) "приголубило более 400 таких детей".

Туркестанская епархия посильным участием поддерживала российские благотворительные организации, — например, в 1867 году здесь открылось Туркестанское окружное управление Российского Общества Красного Креста. Однако здесь сложились и свои такого же рода центры.

Самым первым возникло в 1869 году Туркестанское епархиальное Казанско-богородичное братство, именовавшееся до 1886 года "Семиреченским Православным Церковным Братством" и основанное "по мысли и почину бывшего военного губернатора Семиреченской области генерала от инфантерии Герасима Алексеевича Колпаковского" (9, с.475). По Уставу общий характер деятельности братства выражался лишь в заботе о распространении "духовно-нравственного просвещения", тем не менее в 1874 году при нем были учреждены братская школа и приют, и, помимо призрения и содержания на свои средства круглых сирот, совет братства заботился об устройстве участи полусирот и детей "недостаточных родителей", входил в "сношения с разными присутственными местами, должностными и частными лицами об оказании им приюта и пособия". С прибытием на Туркестанскую кафедру епископа Димитрия братство было реформировано; круг его интересов расширился за счет новых просветительных и благотворительных целей.

Туркестанское благотворительное общество было открыто в 1872 году. В сферу его деятельности входили Ташкентский детский приют, размещавший 40-60 человек в год; родильный покой, открытый в Ташкенте в апреле 1880 года; богадельня императора Александра II, основанная в 1882 году (в 1902 году здесь жили 18 мужчин и 36 женщин, а в 1900 году открылось отделение для престарелых туземцев); приюты сирот и вдов; ночлежный приют и дешевая столовая (10, с.426-428).

В октябре 1910 года с благословения преосвященного Димитрия было организовано благотворительное братство при Сергиевской церкви Ташкента с целью призрения голодающих и безработных, помощи наиболее нуждающимся жителям Ташкента, для детей которых в июне 1914 года открылся приют-ясли. Через месяц в нем уже содержалось 20 детей. Живое участие в деятельности братства принимал священник М.П.Омелюстный и городской голова Н.Г.Маллицкий (11, с.433).

Кроме того, в Ташкенте существовал образованный в 1888 году Туркестанский комитет попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, а в 1907 году в Туркестане возникло общество "Маяк", поставившее себе целью "помогать всячески, преимущественно натурою, бедным". Более 300 человек сразу записалось в это общество (членский взнос составлял 25-50 коп. в месяц).

Благотворительной деятельностью занимались и другие общества, созданные с иными целями. Когда в октябре 1916 года Ташкент быстро и неожиданно заполнился тысячами полураздетых, разутых и обездоленных беженцев, лишенных крова и хлеба, ме-

стное духовенство собралось и по собственной инициативе и с общего единогласного решения постановило: обложить себя и церкви ежемесячными взносами "для оказания немедленной материальной помощи беженцам, а также и об удовлетворении всех их духовных потребностей", открыть при Ташкентском женском монастыре приют для круглых сирот девочек беженцев. Осуществлением этих мер занялось Туркестанское общество религиозного и нравственного просвещения. В 1914-1915 годах этим обществом была собрана сумма 4528 руб. 34 коп. на оборудование и содержание кроватей для больных и раненых воинов в Туркестанском полевом госпитале (12, с.13-20).

Другой пример — Самаркандским обществом трезвости 28 декабря 1908 года был проведен благотворительный литературно-музыкальный вечер в пользу бедных учащихся. На поступившие пожертвования было куплено 127 аршин ситца на платья и рубашки, 20 аршин на брюки, 10 платков и 10 пар чулок, все это было роздано 37 учащимся мальчикам и девочкам.

Благотворительная деятельность являлась неотъемлемой частью монастырской жизни. В обязанности обитательниц Иверско-Серафимовского монастыря в Верном входили забота о содержании православного кладбища и уход за могилами, забота и призрение неимущих старых женщин.

В 1915 году в Туркестане были открыты две богадельни на 45 человек при монастырях. Кроме того, в самих обителях постоянно жило до 50 человек призреваемых — порой это превышало количество самих монашествующих.

Всевозможная помощь, направлявшаяся православной церковью, оказывалась, не только русскому, но и местному населению. В отчете Ферганского генерал-губернатора за 1901 год важное место отведено "широкому развитию церковного строительства в русских городах и поселениях, открытию мест призрения для туземных убогих, калек и душевнобольных, основанию училищ для дарового начального образования и изучения ремесел" (13).

Приехав в Самарканд еще в 1896 году, Д.В.Небольсин заметил следующее "отрадное явление": "Среди русского городского населения стало очень заметно стремление к организации благотворительных учреждений. В русском Самарканде существуют отделения и Красного Креста, и Туркестанского благотворительного общества, есть детский приют и даже отдел Российского общества покровительства животным. Благотворительные учреждения приносят городской бедноте, а подчас и переселенцам существенную помощь, и ежегодно в пользу их устраиваются народные гулянья, в которых стали принимать деятельное участие и туземцы" (14, с.9).

Такого рода деятельность была привычной и характерной для Русской православной церкви, она являлась более результативной, обладала значительно большим потенциалом в отношении укрепления позиций России в крае, нежели распространенное в западных странах миссионерство.

История свидетельствует, что во все времена и у всех народов хранителями и носителями культуры являлись их религиозные учреждения. Сюда привлекались лучшие умы, здесь собирались богатейшие библиотеки, к сожалению, рождались величайшие ереси. Россия не была исключением. Православная церковь всюду щедро сеяла семена просвещения, и если всходы его затем вытаптывались или заглушались сорной травой — это не ее вина. Традиция шла через столетия и не случайно "памятником каждого знаменательного события в отечестве нашем служит или иноческая обитель, или Храм Божий, или священное торжество, так что можно сказать, в Храмах Божиих и празднествах церковных заключается почти целиком летопись и история царства русского" (15, с.10).

То же было и в Туркестане. В память воинов, павших при штурмах Ташкента 2 октября 1864 года и 15 июня 1865 года, на их братской могиле у бывших Камеланских ворот на добровольные пожертвования в 1886 году была сооружена часовня "очень красивой архитектуры". А в 1908 году вышел царский указ "о доставлении... Великому князю Николаю Михайловичу сведений о лицах, погребенных на кладбищах и в храмах Российских епархий... для составления в интересах исторической науки и генеалогии некрополей по программе Московского и Санкт-Петербургского некрополей" (16, с.18).

Создававшиеся на местах боевых побед православные храмы не ограничивались ролью их гордых символов — они становились непосредственными участниками многих общественных, гуманистических, просветительских процессов.

Один из видов такого участия — создание церковно-приходских одно- и двухклассных школ и школ грамоты с учителями из священнослужителей. В первой русской школе в Ташкенте, не относившейся к церкви и основанной в 1866 году, преподавал Закон Божий и чистописание священник военного ведомства Гавриил Алексеевич Ширяев. А в 1887 году открылась первая церковно-приходская школа при Иосифо-Георгиевской церкви.

Туркестанская учительская семинария, открывшаяся в Ташкенте 30 августа 1879 года, ежегодно выпускала от 10 до 23 учителей. В ее четырехлетний курс входили следующие предметы: Закон Божий, церковно-славянский и русский язык, педагогика и дидактика, логика, а также отечественная история и другие

общеобразовательные предметы. Общую направленность обучения показывают темы сочинений, дававшиеся студентам семинарии по Закону Божию: "Какие черты нравственной жизни обличал Иисус Христос в фарисеях", "Св. Тихон, епископ Воронежский, его жизнь и деятельность", и по русскому языку: "Золото гибельнее железа", "Характеристика царевны Софии", "Письмо к другу (об одежде сартов)", "Сметливость русского мужика" и др. Это учебное заведение давало среднее образование.

В 1883 году в Туркестане были образованы первые две школы грамоты. Затем, с 1884 по 1885 годы, было открыто еще 25 церковных школ: 15 церковно-приходских и 10 — грамоты. В последующие три года прибавилось еще 15 школ, и всего в епархии к 1898 году функционировали: 21 церковно-приходская и 19 школ грамоты, из которых две — мужские, восемь — женских и 30 совместных. В них училось 1100 мальчиков и 600 девочек — меньше, чем даже в образованных позднее и меньших по территории Якутской и Грузино-Имеретинской епархиях (7, с.15-16). Сказывались неукомплектованность штатов, дальность расстояний, неустроенность дорог, тяжелые климатические условия для непривычных к жаре переселенцев, нехватка средств. К 1901 году добавилось только пять церковно-приходских школ; в 1907 году их стало в общей сложности 54: пять — двухклассных, 37 — одноклассных, 12 — школ грамоты.

В 1913-1914 годах в Туркестане работало лишь две школы грамоты, зато 90 церковно-приходских — 85 одноклассных и пять двухклассных; в 1916 году их стало 115. В крае имелись и школы Министерства просвещения, однако и они далеко не обеспечивали потребности растущей численности населения.

Хотя церковно-приходские школы уступали по количеству школам Министерства просвещения, они чаще всего работали в глухих, отдаленных поселениях, где Министерство просвещения не имело своих школ. Критическое положение с начальным образованием в Туркестане несколько смягчалось деятельностью доброхотов. Так, коммерции советник Николай Николаевич Иванов открыл на свои средства церковно-приходскую школу в селе Михайловском Верненского уезда, а священник Алексей Чмель безвозмездно преподавал в школе грамоты в г. Арысь и заведовал ею (18, с.23-24).

С 1894 года училищным советом при Св. Синоде при церковно-приходских школах стали образовываться библиотеки, которые ежегодно пополнялись на средства епархиального училищного совета, уездных отделений и частных лиц. Благодаря этому во многих школьных библиотеках фонды были весьма значительны и разнообразны по содержанию. Кроме религиозно-нравствен-

ной, там была литература по истории, географии, ремеслам, сельскому хозяйству, естествоведению, а также беллетристика. К 1901 году при всех церковных школах епархии имелись такие библиотеки; пользовались ими бесплатно, как и учебниками.

В программу начальных церковных школ, рассчитанную на срок обучения от одного до четырех лет, кроме Закона Божия, церковного пения, русского и церковно-славянского языка, входили счисление, география, история, линейное черчение, ряд других предметов. Надзор за церковными школами в епархии был возложен на епархиального наблюдателя (в 1908 г. им был И. Л. Брызгалов, в 1915 г. — Н.Ивановский), и уездных наблюдателей (в 1915 г. — священник Удальцев, протоиереи Цедринский, Богородицкий и Заозерский) (19, с.7, 29).

Кроме церковных, существовали еще и монастырские начальные школы, в которых обучались сироты, призреваемые или дети неимущих родителей.

Церковно-школьное дело поддерживали и православные братства края. Они нередко финансировали беднейшие школы или открывали начальные учебные заведения. В 1874 году при Семиреченском православном братстве были учреждены приют и братская школа. Братство продолжало заботиться и о дальнейшем образовании окончивших школу: в 1876 году один из них был определен в Верненский военный госпиталь "для изучения фельдшерского искусства", "другой в Верненский городской сад для изучения садоводства, трое — в областную типографию для изучения типографского дела, двое — поступили в Верненскую прогимназию. В 1877 году двое также были определены в прогимназию, а трое — в ремесленные школы". Устраивая судьбу сирот, братство не исключало их из своего ведения — если воспитанник почему-либо не мог быть принят на казенный счет, доставляло "этому питомцу пропитание и одежду на братские средства", следило "по возможности за успехами в познании избранной им отрасли труда" (20, с.174-180). А Туркестанский комитет православного общества был "озабочен упорядочением школьных занятий в Иссык-Кульской школе", переставшей правильно функционировать после разрушения ее землетрясением 1910 года.

Свой вклад в распространение культуры внесли и разъездные проповедники, чья деятельность в Туркестане заключалась в "проповедании слова Божия и распространении книг религиозно-нравственного содержания на русском и местных языках, в знакомстве с муллами, учениками медресе и мактабов, в устной и печатной проповеди христианского вероучения, в оглашении и наставлении готовящихся ко крещению, в утверждении православных из русских в христианстве... Для этой цели они часто по-

сещали базары, чайханы, караван-сараи, а также вокзалы — для встречи мусульманских паломников, возвращавшихся из Мекки", которых, по сведениям железнодорожного начальства, только в одном 1913 году прошло через Ташкент 12 тысяч (21, с.2). Проповедник обогащал своих собеседников новой информацией, но и сам глубже проникал в жизнь подведомственной ему области.

19 июня 1881 года епископ Александр направил записку туркестанскому генерал-губернатору Г.А.Колпаковскому с предложением учредить в крае монастырь, который, по его мнению — мнению опытного и просвещенного священнослужителя, — стал бы центром не только проповеднической деятельности и издания специальных сочинений для обращения "иноверцев" в православие, но и служил пропаганде просвещения и русской культуры вообще; наконец, он мог быть до некоторой степени даже и ученым учреждением. Такой центр имел бы, "по местным условиям, не только религиозное, но и государственное значение" (22, с.216). Прежде всего, как считал преосвященный Александр, он должен был состоять из людей образованных.

Вопрос решился, по-видимому, довольно скоро. Уже в мае 1883 года владыка приехал на Иссык-Куль для выбора места под Троицкий монастырь. Всего за несколько дней он сделал здесь достаточное количество археологических раскопок, чтобы тут же собрать "порядочную коллекцию разных древних предметов — сосудов, орудий и т.п.", которую он предназначил для будущего монастырского музея. Библиотека и музей древностей, по его мнению, "должны вообще составлять необходимую принадлежность миссионерского монастыря". В основание их он предлагал безвозмездно отделить из своего собственного собрания до 2000 томов книг на разных языках и значительную часть разных археологических предметов". У епископа Александра были и еще более далеко идущие планы. Он считал, что монастырь мог бы принести громадную пользу краю, организовав современное благоустроенное хозяйство и распространяя улучшенные способы и приемы земледелия и других отраслей сельского хозяйства, а в имеющихся поблизости готовых резервуарах, наполнявшихся водой горных речек и родников, мог бы разводить новые породы рыб, недостающих в Иссык-Куле.

Этому не суждено было исполниться. Вскоре после основания строившийся монастырь оказался разрушен землетрясением 1887 года и восстановление обители началось только в 1894 году — сюда были выписаны насельники из монахов Валаамского монастыря (24, с.38).

В отличие от иссыккульского Троицкого монастыря, открытая в 5 верстах от Ташкента в 1893 году Николаевская женская община, тоже переименованная затем в монастырь, по мере своих сил справлялась с выполнением проповеднических задач. В монастыре проходили обучение представители местных национальностей, были случаи увещания и возвращения отпавших из православия (25, с.11).

Проповеднические общества открывали в крае библиотеки, устраивали народные чтения. В 1908 году Туркестанским обществом религиозно-нравственного просвещения было проведено 21 чтение, среди них — "О вреде пьянства", "Отношение христианства к природе", "Минеральные источники Семиречья". Лекторами выступали чаще всего священники церквей Ташкента — Богородский, Гусев, Уклонский и др. Туркестанским епархиальным Казанско-богородичным просветительным братством было принято, например, решение, что "в состав годичного круга народных чтений должны входить отделы: 1) религиозно-нравственный; 2) исторический; 3) географический; 4) народного здравия; 5) народной трезвости; 6) природоведения; 7) сельского хозяйства; 8) педагогики". В феврале 1907 года в церковно-приходской школе при Троицкой церкви Верного открылись народные чтения "О народном здравии и гигиене родильниц", которые были организованы с разрешения епископа Паисия супругой секретаря духовной консистории С.И.Квесит.

Народные чтения проходили во всех уголках Туркестанской епархии и активно посещались как поселенцами, так и местными жителями.

В 1892 году было положено начало новому направлению в просвещении — священником Г.С.Петровым было открыто Общество трезвости. Вскоре его местные отделения стали возникать по всему Туркестану. Их деятельность заключалась, в основном, в "проповедях о пороках пьянства", организации читальных вечеров с показом световых картин и т.п. Газета "Туркестанские епархиальные ведомости", выходившая два раза в месяц, в каждом номере печатала материалы о вреде пьянства и алкоголизма, о способах борьбы с этими явлениями. Особенно много таких публикаций было в 1911 году.

О том, что просветительство являлось одной из коренных задач православной церкви, говорит наличие церковных библиотек при всех приходских храмах Туркестана уже к 1895 году и широкая сеть бесплатных читален. Причем эти библиотеки не были составлены только из религиозных книг. Например, открытая в 1908 году Бахтинским церковно-приходским попечи-

тельством приходская бесплатная библиотека-читальня к январю 1911 года состояла из "441 книги духовно-нравственного содержания, 74 — исторического, 102 — по географии и отечествоведению, 64 — популярно-научных и по сельскому хозяйству, 318 томов светской литературы", а также журналов и приложений как духовно-нравственного содержания, так и светских. В течение 1911 года в этих библиотеках было зарегистрировано 2250 посещений, и 200 посетителей, количество выданных книг — 1400, число воспользовавшихся ими — 150 человек, из которых 102 мужчины и 48 женщины (25). При разносторонности библиотечных фондов наличие и доступность религиозной литературы в них, возможность знакомства с Законом Божиим были не минусом, а определенным плюсом дореволюционной школьной и гимназической программы. Библия, Евангелие, Деяния апостолов, Жития святых не только воспитывали нравственность и делали доступными понятия общечеловеческой морали — они учили логическому и образному мышлению, развивали пластичность речи и аналитичность разума. Знание основ религии всегда было полезно, в том числе и убежденным атеистам. Оно помогало лучше понимать многие произведения искусства и исторические события.

Другим аспектом просветительской деятельности церкви было эстетическое воспитание. Если человек с рождения приобщен к звуковой гармонии колокольного звона и церковного пения, к зрительной гармонии внешней архитектуры и внутреннего убранства — это не может не накладывать отпечаток на его восприятие красоты, не обогащать его внутренний мир, не повышать уровень его духовной культуры.

Характерной чертой исполнения православной церковью ее социальных функций была полная доступность всех ее мероприятий. Крещение стоило 50 коп., панихида — 3 рубля, брак — 5 рублей, остальные обряды совершались бесплатно. К благотворительным акциям церкви не только допускались, но и привлекались представители всех национальностей, иных вероисповеданий. В силу своей открытости и взаимодействия с населением православная церковь обладала огромным потенциалом морального и идеологического влияния, который, однако, не всегда использовался, попадая в неумелые руки. А это нередко происходило в Туркестане.

Уже через три года после открытия здесь епархии газеты писали: "За исключением достопочтенного о.Путинцева, окончившего курс в Сибирском кадетском корпусе, остальные наши новые священники по епархии или из богословского класса семинарии, или как сергиопольский и арасанский — из диаконов — не полу-

чившие и вовсе семинарского образования" (27, с.167). Действительно, в связи с отказами многих служителей церкви переехать из России в далекий и не освоенный еще Туркестан, здесь подолгу пустовали священнические вакансии и в конце концов занимались людьми случайными, далекими от религиозных и просветительских идей, а иногда даже неграмотными. В результате "светлые периоды епархиальной жизни падали на то время, когда епархией правили высокообразованные и гуманнейшие святители, как, например, святители Софоний и Александр", а светлые периоды приходской жизни — на то время, когда в приходе служил достаточно образованный и добросовестный священник, что, к сожалению, не всегда бывало не только в Туркестанской епархии, но и во всей империи в целом.

Так, светлым периодом была деятельность епископа Туркестанского и Ташкентского Димитрия. За шесть лет он учредил Иверско-Серафимовский женский миссионерский монастырь около Верного, на строительство которого отдал 1500 рублей, скопленные им в течение всей жизни, упорядочил проповедническое дело в крае, организовал в 1906 году I епархиальный съезд, учредил Религиозно-просветительное общество и Общество трезвости, открыл благотворительное братство и приют-ясли в Ташкенте, основал епархиальный свечной завод.

Особо следует остановиться на деятельности военного духовенства.

К началу 1900 года в Туркестанском военном округе насчитывалось 46 церквей. Самый поздний из сохранившихся списков туркестанских церквей военного ведомства относится к 1912 году. В книге Г.Цитовича "Храмы армии и флота" (28, с.454-481) приведены подробные историко-архитектурные описания всех церквей и соборов военного ведомства, расположенных на территории Российской империи, в том числе и Туркестана.

Выделенная на возведение храмов сумма (100 тыс. руб. в год по военному ведомству) дополнялась добровольными пожертвованиями, взносами различных обществ.

Армейские священники имели широкий круг обязанностей. В них входили проповедование воинам слова Божия, попечение о церкви, отправление в определенные дни богослужения, исправление христианских треб, ведение метрических, обыскных, исповедных и приходо-расходных книг, выдача из книг метрических свидетельств.

До учреждения Туркестанской епархии православных поселенцев вновь образовавшихся сел и городов также обслуживали армейские священники.

В "Церковно-общественном вестнике" № 132 за 1874 год под заголовком "Голос из Семиречья" сообщалось: "В силу холодных и суровых отношений к себе со стороны своей епархиальной власти, мы снова переносим симпатии свои на сторону гуманной и понимающей дух времени нашей администрации военной, в ведении которой de facto мы состояли ранее, до учреждения у нас архиерейской кафедры..." (29, с.166).

В связи с быстрым ростом количества приходов и строящихся храмов, в крае все больше не хватало священнослужителей. В 1900 году при военной церкви в Самарканде на 1500 воинских чинов и 3000 православных городских обывателей состоял лишь один священник. Всего в эти годы в Туркестанском округе священников Туркестанского военного ведомства находилось немногим более 50-ти (30).

Главной задачей военного духовенства с 1901 года стало поднятие религиозно-нравственного воспитания войск. Меры его разработала Особая комиссия под председательством члена Военного совета, генерала от инфантерии графа Татищева и 18 мая 1901 года разослала всем командующим военными округами. Полковым священникам предлагалось организовать в войсках внебогослужебные собеседования по одному разу в неделю в каждом батальоне, каждое продолжительностью не менее 1 часа. Собеседования должны были охватывать элементарный курс Закона Божия; отправлять по возможности всех православных нижних чинов, а в особенности, новобранцев с их учителями в праздничные дни к обедне, а накануне — ко всенощной. "Нижние же чины из иноверцев должны быть посылаемы в инославные храмы, а за неимением таковых в войска должны быть командируемы иноверческие священнослужители; наблюдать, чтобы нижние чины были приводимы в церковь до начала богослужения и не расходились бы до окончания; ввести в военных церквах хоровое пение всеми нижними чинами общественных молитв. Равно, установить обязательное пение хором всеми присутствующими нижними чинами молитв: утренней, вечерней, перед обедом и ужином". Было также рекомендовано открытие при каждой военной церкви библиотеки с книгами религиозно-нравственного содержания, а также "обязательное ведение во всех воинских частях внебогослужебных бесед и непременно с туманными картинами при волшебном фонаре". Занятие это, практиковавшееся во многих полках русской армии, доставляло, по свидетельству воинских начальников, нижним чинам "и приятное развлечение, и глубокое назидание. На такие беседы, умело устраиваемые, нижние чины охотно ходят, можно ска-

зать, бегут". На них охотно присутствовали жены военнослужащих и дети (31).

Когда началась первая мировая война, и в Туркестан стали поступать первые партии пленных, церковь сразу же отреагировала на это явление. Пастырское собрание духовенства Ташкента, военного и епархиального, состоявшееся 20 декабря 1914 года, поручило священнику О.И.Сысоеву обслуживать религиозные нужды военнопленных православных галичан и греко-униатов в бригадной церкви (32, с.18). А в 1915 году из Св. Синода Туркестанскому и Ташкентскому епископу было направлено предписание — срочно принять меры о нравственном попечении пленных австрийских солдат — проведение с ними бесед на религиозные темы, снабжение их религиозной литературой и совершение богослужений в казармах (33, с.205-206).

Таким образом, военное духовенство заботилось о морально-нравственном облике солдата, о заполнении его свободного времени полезными с точки зрения командования и правительства делами, о поднятии его духа для подвигов в бою.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Туркестанские епархиальные ведомости. — 1909, № 9.
2. Там же. — 1915.
3. ЦГА РУз, ф.182, оп.1, д.63, л.1.
4. Туркестанские епархиальные ведомости. — 1916, № 1.
5. Туркестанский сборник, т.352.
6. Туркестанские епархиальные ведомости. — 1915, № 4.
7. Обзор деятельности духовного ведомства за 1911 г. — СПб. — 1914.
8. ЦГА РУз, ф.182, оп.1, д.14, л.10.
9. Туркестанские епархиальные ведомости. — 1909, № 19.
10. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. — Т., 1912.
11. Там же.
12. Туркестанские епархиальные ведомости. — 1917, № 1.
13. ЦГА РУз, ф.1, оп.6, д.101, л.1.
14. Небольсин Д.В. Русский Самарканд. — Одесса, 1896.
15. Алабовский М.П. Значение православной церкви в деле устроения государственной и общественной жизни. — Киев, 1912.
16. Туркестанские епархиальные ведомости. — 1909, № 4.
17. Яковлев В.А. Служебная поездка наблюдателя церковных школ Российской империи действительного статского советника В.И.Шемякина в Туркестанскую епархию. —Верный, 1899.
18. Туркестанские епархиальные ведомости. — 1909, № 5.
19. Туркестанские епархиальные ведомости. — 1915, № 1.
20. Отчет о деятельности Семиреченского православного братства за 1876, 1877 и 1878 гг. Туркестанский сборник, т.352.
21. Елисеев Е. Туркестанская противомусульманская миссия. Место ее пребывания. Неотложные нужды миссии, 1914. Оттиск из журнала "Православный Благовестник" за 1914

11—5616

22. ЦГИА России, ф 796, оп.442, д.1595, л.38.
23. Голос из Семиречья. Церковно-общественный вестник. — 1874, № 132.
24. Рупкевич С.Г. Русская церковь в XIX в. — СПб., 1901.
25. Гиляровский А. Троицкий миссионерский монастырь при озере Иссык-Куль в Туркестане. — М., 1894.
26. Булгаковский Д. Иссыккульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. — СПб., 1896.
27. ЦГИА России, ф.796, оп.442, д.1595, л.38.
28. Голос из Семиречья. Церковно-общественный вестник. — 1874, № 132.
29. Цитович Г. Храмы армии и флота. — Пятигорск, 1913.
30. Туркестанский сборник, т 37
31. ЦГА РУз. ф.I, оп.6, д.100, л.2-3, 6.
32 ЦГА РУз, ф.I, оп.6, д.100, л.5.
33. Туркестанские епархиальные ведомости. — 1917, № 1.
34. Туркестанские епархиальные ведомости. — 1915, № 20.

В.В.Дубовицкий,
Ю.С.Мальцев

РУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ В ТУРКЕСТАНЕ
(конец XIX — начало XX вв.)

По данным, опубликованным князем В.И.Массальским, население Туркестанского края по вероисповеданию в конце XIX столетия составляло две неравные части. Большая часть местного населения исповедовала религию ислам (преимущественно суннитского толка), а меньшая относилась к христианам (преимущественно православным). Остальные христианские и нехристианские верования и толки исповедовало менее 1% от общей численности населения, проживавшего в пяти областях Туркестанского края.

Небольшая схема (рис. 47), названная "Распространение населения в русских областях Туркестана по вероисповеданиям", опубликованная в 1913 году, показывает процентное отношение верующего населения в регионе (1, с.23).

Наибольшее число христиан православного исповедания проживало (по данным Российской переписи 1897 года) в Семиреченской области Туркестанского края. Их число в этом регионе по отношению к общему числу местного населения составляло 9,79%. Далее в численном отношении по количеству православных христиан следовала Закаспийская область (8,90% от общего числа населения региона). Затем — Сырдарьинская область (2,86%), за ними по убывающей процентности шли Самаркандская область (1,59%) и, наконец, Ферганская область (0,63%).

Эти данные, несомненно, несколько устарели ко времени их публикации (1913 г.), поскольку за истекшие 15 лет в них не был фактически отражен огромный переселенческий "бум" российского православного населения в Туркестан и образование здесь многих десятков больших поселков и сотен мелких хуторов. В результате в 1897 году Туркестанский край был закрыт для переселения (в подавляющем большинстве православных христиан) специальным решением российских властей (2, с.16).

В июне 1910 года в Казани состоялся Миссионерский епархиальный съезд. В нем, кроме представителей Русской православной церкви, посланников от центральных и провинциальных епархий Российской империи, приняли участие ученые-богословы и востоковеды — например, крупный знаток ислама и христианский миссионер в Туркестанском крае Н.П.Остроумов. Участниками съезда (туркестанская секция) было принято решение о

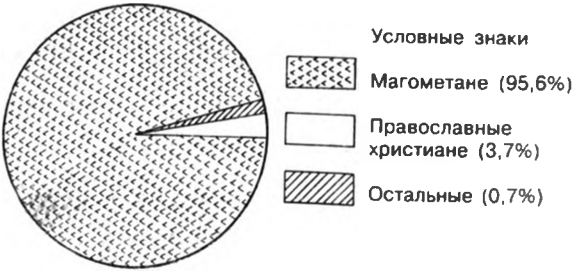


Рис. 47. Распространение населения в Туркестане по вероисповеданиям. *1897 г.*

необходимости увеличения в Туркестане кадров христианских миссионеров и поставлен вопрос о создании особой Туркестанской духовной миссии православных христиан. Было решено также привлекать в миссию женщин для работы среди местного населения. Одновременно на съезде было признано целесообразным распространять христианское вероучение через вновь создаваемые женские монастыри, где местных женщин можно было бы попутно обучать сельскохозяйственным профессиям и огородничеству. Для лучшего финансирования этой работы было принято решение ходатайствовать перед правительством России о постоянном ежегодном пособии из общегосударственного бюджета на сумму в 100000 рублей и принять на содержание государства все христианские школы, находившиеся среди мусульманского окружения (3, с.35).

Рост православных монастырей, архиерейских домов и подворий в Туркестанском крае был незначительным, что однако компенсировалось резким увеличением количества православных

Рис. 48. Ура-Тюбе. Проект православного молитвенного дома.

Рис. 49. Церковь в п. Пяндж (Таджикистан). *1907 г.*

церквей и молельных домов, создававшихся как в городах, так и в сельской местности. Названия возникающих поселков и селений — Благодатное, Воздвиженское, Петропавловское, Мариинское, Вознесенка, Духовное, Спасское, Успенка и др. — свидетельствуют прежде всего о христианском составе их населения. Вот что писал об одном из таких поселков — Спасском (Ходжентского уезда) — посетивший Туркестанский край осенью 1913 года В.Вощинин: "Церковь, школа, больница. Странно и трогательно прежде всего видеть здесь, в самом центре издавна магометанского края, ослепительно сверкающий золотой крест, высоко уходящий в ярко синее небо. Каменный храм в память святителя Алексия сооружен только в этом году переселенческим управлением и является одной из лучших церквей и наиболее характерным явлением "нового Туркестана"..." (2, с.24).

На территории Таджикистана первый православный храм был построен и освящен в Ходженте, в 1867 году.

В конце 70-х годов прошлого века была освящена православная церковь в Ура-Тюбе. На ее постройку пошли материалы, взятые из старых построек (4, с. 462). В настоящее время в помещении бывшей церкви располагается краеведческий музей.

В 1907 году состоялось освящение первого православного храма в границах современного Южного Таджикистана, входившего тогда в состав Бухарского ханства. Церковь открылась в русской части кишлака Сарай (ныне п. Пяндж), на территории гарнизона Отдельного корпуса пограничной стражи России (5, с. 47). И, наконец, в 1916 году на территории Памирского поста в Хороге был открыт один из самых высокогорных православных храмов России. Строительство его велось силами русских пограничников на собранные среди военнослужащих пожертвования (6, с.2).

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. — т XIX. Туркестанский край. Сост. князь В.И.Массальский. — Спб., 1913.

2. Вощинин В. Очерки Нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. — Спб., 1914.

3. Миссионерский съезд в Казани 18-26 июня 1910 года . — Казань, 1910.

4. Ура-Тюбе //Нива. — № 29.

5. Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. Бухарско-афганская граница. кн. III. — Спб., 1909.

6. В.К.-в. Первый православный храм на Памире // Туркестанские ведомости, № 165, 29 июня 1916 г.

Л. В. Ошанин

ИЗ ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА ВАЛЕНТИНА ФЕЛИКСОВИЧА ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО — АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ

Лев Васильевич Ошанин — крупный ученый, исследователь антропологии Средней Азии, профессор Среднеазиатского (ныне Ташкентского) университета. В молодые годы работал в Ташкентской городской больнице, главным врачом которой был В.Ф.Войно-Ясенецкий. На склоне лет Л.В.Ошанин составил очерки воспоминаний о нем. (Подлинник хранится в Государственном архиве Республики Узбекистан — ф. Р-2467, оп.1, д.19). Вначале он характеризует его как выдающегося хирурга и председателя Союза врачей, а далее выделяет особый раздел о нем, как крупном религиозном деятеле. Этот раздел с небольшим предисловием публикуется в настоящем сборнике *

В. Ф. Войно-Ясенецкий — архиепископ Лука.

В.Ф.Войно-Ясенецкий был бессменным председателем Союза врачей с момента его организации в Ташкенте в 1917 году и до своего ухода из числа медицинских работников — в конце 1923 года.

Этот очерк посвящен его личности. Мне казалось важным, чтобы читатель знал, какой человек стоял во главе Союза врачей. В те далекие времена он был уже знаменитым хирургом и прославленным ученым.

Но парадоксальным казался тот факт, что начиная с 1919 года и до своей смерти, на протяжении 42 лет, он также оставался служителем православной церкви. Уже будучи священником, а затем и архиереем, он продолжал быть председателем Союза врачей.

---

*) Л. В. Ошаниным допущены некоторые неточности в описании жизни В. Ф. Войно-Ясенецкого, которые в приведенной ниже литературе исправлены. Стиль изложения сохранен.

Мне привелось знать В.Ф.Войно-Ясенецкого довольно близко. С апреля 1917 года до сентября 1920 года я работал врачом в Ташкентской городской больнице. В это время главным врачом ее, а, следовательно, и моим прямым начальником был Войно.

Наш очерк отнюдь не претендует на полную характеристику личности Войно, личности очень крупного масштаба, личности на первый взгляд крайне противоречивой, двойственной, а в действительности очень цельной, монолитной.

Земские больницы и земские врачи сыграли в дореволюционной России очень большую роль в деле медицинского образования, в подготовке квалифицированных медицинских кадров. Некоторые не только губернские земские больницы, но и уездные больницы были неплохо оборудованы. Иногда врачи избирались в них по очень суровому конкурсу. Попасть врачом в такие больницы было нелегко. В земских больницах подбирались врачи энтузиасты, преданные медицине, искренне увлеченные ею, а потому увлекавшие и других.

Многие из таких врачей энтузиастов годами работали в глухих местах. Они сами себя сделали выдающимися врачами-практиками и одновременно учеными исследователями. В дальнейшем, работая в земских больницах, они создали из этих больниц своего рода клиники на местах, откуда под их руководством выходили специалисты.

К числу таких выдающихся земских врачей-самородков относится и В.Ф.Войно-Ясенецкий.

В возрасте 26 лет, в 1903 году, он окончил медицинский факультет Киевского университета. Обладая недюжинными способностями художника, Войно одновременно учился в художественном училище, которое окончил в том же 1903 году.

После окончания медицинского факультета ему предложили остаться при университете для подготовки к профессуре. В художественном училище ему тоже советовали продолжать занятия живописью, чтобы стать художником-профессионалом.

Однако он взял место земского врача, но не в больнице, а в одном из так называемых медицинских участков в Балашовском уезде Саратовской губернии. Участок был большой, приходилось делать далекие выезды к больным и оперировать их в самых примитивных условиях.

Как-то ему пришлось делать трахеотомию дифтеритному мальчику в глухой далекой деревне. Трахеотомической трубки с собой не было. Войно не растерялся, вскрыл трахею и вставил в нее гусиное перо. В примитивнейших условиях приходилось делать и более сложные операции.

Когда началась русско-японская война 1904-1905 годов, Войно добровольцем уехал на фронт. До конца войны он проработал хирургом в полевых лазаретах.

По возвращении с фронта был избран хирургом в Переяславской уездной земской больнице, где сразу же развил кипучую деятельность как лечебно-хирургическую, так и научно-исследовательскую.

Проработав десять лет в Переяславской земской больнице, притом совершенно самостоятельно, без всяких руководителей и консультантов, Войно стал высококвалифицированным хирургом-практиком и одновременно ученым-исследователем. В Переяславской больнице он написал диссертацию "Региональная анастезия". Это вполне оригинальное, большое, самостоятельное исследование. В нем Войно предложил новый способ обезболивания при операциях на голове.

"Региональная анестезия", предложенная Войно полвека тому назад, до сих пор не потеряла своего значения.

Решающую роль в его дальнейшей судьбе сыграла сперва тяжелая болезнь, а затем и смерть его жены. Во время русско-японской войны Войно встретился и работал с красавицей, сестрой милосердия. Тотчас по окончании войны он на ней женился. По его словам, будущая жена покорила его не только и не столько красотой, сколь добротой и кроткостью характера. Ко времени переезда в Ташкент в 1916 году у них уже было четверо детей в возрасте от 5 до 11 лет — три сына и дочь. Между тем его жена тяжело болела туберкулезом легких. Тогда существовало ошибочное мнение, что "теплый туркестанский климат" является весьма благоприятным для туберкулезных больных. Поэтому Войно послал свое заявление, когда прочитал в газете, что Ташкентская городская управа ищет врача на должность хирурга и главного врача городской больницы. В 1916 году В.Ф.Войно-Ясенецкий был назначен на это место и переехал сюда со своей семьей.

У Войно было очень высоко развито чувство врачебного долга и врачебной ответственности. Он жил с семьей в доме, специально построенном для главврача, который обязательно был хирургом. Дом помещался тут же на территории больницы, чтобы хирурга всегда "иметь под рукой" на случай неотложной операции.

Войно, как нельзя лучше, подходил к этой должности врача, который "всегда должен быть под рукой". Он нигде не бывал — ни в гостях, ни в театрах, ни в концертах. Он всегда был "дома", занятый постоянным трудом в больнице или у себя за письменным столом. Единственным исключением были церковные службы, которые он всегда посещал и в те годы, когда еще не был священником.

Время было тревожное. Нести дежурства приходилось через двое-трое суток. В 1917—1920 годах в городе было темно, на улице по ночам бывала стрельба. Раненых привозили в больницу. В любой час ночи Войно немедленно одевался и шел по вызову.

Иногда раненые поступали один за другим. Часто сразу их оперировали, так что ночь проходила без сна. Случалось, что Войно ночью вызывали на дом к больному или в другую больницу для консультации или для неотложной операции. Он тотчас же отправлялся в такие ночные путешествия, далеко не безопасные, так как грабежи были нередки. Также немедленно и безотказно шел Войно, когда его вызывали в терапевтическое отделение для консультации. Никогда не было на его лице досады, недовольства, что его беспокоят с точки зрения опытного хирурга по пустякам. Наоборот, всегда чувствовалась полная готовность помочь.

Я знавал врачей, которые были добры в обывательском смысле слова, которые любили и жалели своих больных, сочувствовали их переживаниям. Был ли Войно добр в этом смысле? Определенно можно сказать, что ни в какой степени. У меня всегда было такое впечатление, что в адрес больных все богатство его души шло целиком от мозга, от разума, а не от сердца. Поэтому он имел репутацию "безжалостного".

Приведу один пример. У сестры моей жены был рак грудной железы. Она оперировалась у Войно. Когда больная уже поправлялась, Войно показалось, что не мешает "освежить" края раны для ускорения заживления.

Когда он ушел, очень опытный фельдшер хирургического отделения П. И. Демидов сказал моей жене: "Уговорите Александру Николаевну не поддаваться, не соглашаться на освежение ран, ведь наш "безжалостный", он просто возьмет ножницы и отгекает кожу ленточкой сантиметров 15-20 длины. "Наш" человека режет все равно, как киргиз барана или баба курицу; не давайтесь, рана и так заживет; сегодня день операционный, больных для операций нет, делать ему нечего, вот он и задумал "освежить".

Бывают выражения лица, глаз, виденные однажды, которые потом запоминаются на всю жизнь; они как бы на мгновение открывают одну из сторон внутреннего мира человека.

Я как-то позвал Войно в свое отделение к одному тяжело больному. Позвал больше так, для проформы, ибо больной явно агонизировал. Как сейчас вижу его монументальную, величественную фигуру, холодное, суровое, аскетическое лицо и холодные внимательные глаза, которыми он несколько минут наблюдал картину агонии.

Я навсегда запомнил его слова: "Да! Все же, как правило, очень тяжело умирает человек", — повернулся и ушел к очередным делам.

Иногда я бывал на его операциях. Очень ясно помню, как, держа на пальцах пучок нервов из подмышечного сплетения, он называл один за другим нервы и говорил, какие мышцы они нервируют.

Вероятно, знанию топографической анатомии, стереоскопичности зрительной памяти и яркости зрительных образов способствовал его талант художника. Как упоминалось выше, в художественном училище ему советовали избрать своей профессией профессию художника-портретиста.

Талант художника пригодился и второй половине его "я" — религиозной. Он расписал масляной краской весь иконостас в больничной церкви-часовне.

По общим отзывам, оперировал Войно мастерски, как своеобразный "хирургический маэстро", и притом, будучи уверенным в самом себе, оперировал очень спокойно, уверенно.

В характере Войно было особое внутреннее спокойствие, "невозмутимость". Я ни разу не видел его гневным, вспылившим или просто раздраженным. Он всегда говорил спокойно, негромко, неторопливо, глуховатым голосом, никогда его не возвышая. Это не значит, что он был равнодушным. Многое его возмущало, но он никогда "не выходил из себя", а выражал свое негодование тем же спокойным голосом. Не видел я его и по-настоящему веселым, хотя он нередко улыбался и даже смеялся.

У меня создалось впечатление, что эта невозмутимость не была результатом философских размышлений мудреца или тренировкой религиозного "подвижника". Его спокойствие, невозмутимость были органически присущи его личности, были врожденными данными.

Не знаю, часто ли проповедовал Войно с церковного амвона основную христианскую добродетель — "христианское смирение". Что касается самого Войно, то в его характере не было ни на йоту этого христианского смирения. В нем не было чванства, тем более самой пошлой его разновидности — академического чванства, чем иногда грешат даже крупные ученые. Но при полном отсутствии чванства в нем, когда было нужно, сама собой проявлялась человеческая гордость. Гордость сознательная, гордость за свою замечательную точную науку, широту и разносторонность своих знаний, гордость за свой талант и за свое несомненное бесстрашие.

Перехожу к известному мне эпизоду из жизни и деятельности Войно как служителя религиозного культа, не вдаваясь в психо-

логический анализ того, как и почему во внутреннем мире Войно уживались наука и религия и притом уживались так, что не только не мешали одна другой, но даже друг другу помогали.

Это особенно трудно понять потому, что Войно не был просто философом идеалистического направления или биологом-виталистом, с воззрениями которых легко увязывается теология, а, следовательно, (осознанно или неосознанно) признание "неведомых, могущественных сил, управляющих миром".

Религиозные убеждения Войно нашли свое выражение в служении определенному религиозному культу, культу ортодоксальной православной церкви, со всей ее яркой театральностью, со всеми ее древними догмами, со всем ее сложным ритуалом.

Войно был тверд и неумолим в догматике православия и в выполнении всех деталей ее ритуала. За букву догмы и за детали ритуала он несомненно готов был принять "венец мученический", как в XVII веке приняли его за "двуперстное сложение" протопоп Аввакум и боярыня Морозова.

Как в одной черепной коробке могли уживаться столь различные жильцы, как, с одной стороны, крупнейший хирург и вполне современный ученый врач и натуралист, а, с другой стороны, — фанатичный догматик, словно вышедший из глубины XVII века, не берусь судить. Давно известно, что чужая душа — потемки. Я не берусь разбираться в дремучих дебрях чужой души, ограничиваюсь констатацией факта — да, уживались!

Войно стал религиозным и притом религиозным "ортодоксально" православного толка задолго до того, как он стал священником — это следует сразу же отметить.

Но до смерти своей жены (она умерла 13 ноября 1919 г.) Войно не был священником. Лишь смерть жены побудила его стать монахом и затем священником. Такие монахи и священники носили название "иеромонахов". Но и с момента приезда в Ташкент в 1916 году и до смерти своей жены, когда Войно был обычным "штатским" городским врачом, все знали, что он не пропускает ни одной церковной службы.

Он полностью отстаивал все всенощные и обедни по субботам, воскресеньям, накануне православных праздников и в день этих праздников. Только в эти вечера и утра его не бывало дома.

Мало того, еще не будучи священником, он повесил в операционной икону. Перед операцией он неизменно крестился. Но одна из очередных ревизионных комиссий приказала убрать икону. Было замечено, что операционная есть учреждение государственное, у нас церковь отделена от государства, если ваш хирург хочет молиться, пусть молится — никто ему не мешает, но пусть держит икону у себя дома и там молится.

Тогда Войно забастовал, ушел из больницы домой и заявил, что не "выйдет на работу", пока не будет иконы на месте.

Случилось так, что в тот же день или на следующее утро один крупный партиец привез для неотложной операции свою жену, которая категорически заявила, что она ни у кого кроме Войно, оперироваться не будет. Войно вызвали в приемную. Он подтвердил, что очень сожалеет, что согласно своим религиозным убеждениям не пойдет в операционную, пока икону не повесят на место.

Времена были переходные, неустоявшиеся, во многом парадоксальные. Доставивший больную заявил, что он дает "честное слово", что икона завтра же будет на месте. Лишь бы Войно немедленно оперировал больную, так как она ни у какого другого хирурга оперироваться не будет. Войно счел честное слово партийца совершенно достаточной гарантией. Он явился в хирургический корпус и оперировал новую больную, которая в дальнейшем вполне поправилась.

На следующее утро икона действительно висела в операционной.

Другой эпизод относится к самому концу 1921 года, следовательно, он произошел месяцев через 5-6 после выступления Войно в суде в роли хирурга-эксперта.

В это время медицинский факультет уже работал полным ходом Работал очень напряженно, как все делалось в те первые годы утверждения советской власти.

Как отмечалось выше, Войно занимал кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии. Одновременно он оставался главврачом и главхирургом Ташкентской городской больницы. Но еще в самом начале 1920 года Войно принял монашество и сан священника. И на факультете и в больницах он ходил в профессиональной одежде русского православного священника. В такой одежде его фигура уже всем примелькалась.

В соответствии с восприятием сана и связанной с этим "благодатью" его предоперационный религиозный ритуал значительно осложнился.

Во-первых, перед операцией Войно не только крестился, но и "творил короткую молитву".

Во-вторых, он трижды осенял крестным знамением операционное поле, прежде чем взяться за нож хирурга. До того, как его самого осенила "благодать" священнического сана, он, видимо, по православной догматике, не имел права раздавать благословения.

Несмотря на эти предоперационные ритуальные добавления, Войно по-прежнему оставался великим знатоком топографичес-

кой анатомии и блестящим хирургом. Возможно, что он даже прогрессировал. Помогали ему в этом два дополнительных года хирургического опыта или "благая рука всемогущего", в которую он верил, то ведомо ему одному.

Но, как бы там ни было, к его дополнительным религиозным "чудачествам" все присмотрелись, привыкли и смотрели на них сквозь пальцы.

Так дело шло до поры, до времени, пока, как и в случае первого "иконоборства", не запротестовала очередная ревизионная комиссия.

Идиллические времена, когда икона вернулась ради "честного партийного слова", миновали. Многое уже выкристаллизовалось, определилось, облеклось в форму закона. Комиссия приказала немедленно убрать икону, что и было исполнено.

Но и реакция со стороны Войно последовала немедленная. Он забастовал, ушел домой и заявил, что не выйдет на работу, пока не вернут икону.

Тогда у власти был Рудзутак.

Популярнейший в те времена врач и профессор М.И.Слоним был, естественно, как бы лейб-медиком у всех членов правительства того времени. Моисей Ильич был особенно хорошо знаком с Рудзутаком. Он отправился к нему и разъяснил, что Войно является крупнейшим хирургом и выдающимся педагогом и ученым. Поэтому устранение Войно от занимаемой должности явилось бы большим ущербом для практической медицины и для медицинской науки. Рудзутак сказал, что мы, мол, вам верим и до поры до времени не будем ни удалять Войно, ни подвергать его аресту. Но пусть врачи сами найдут какой угодно выход из создавшегося "хирургического кризиса". Совершенно нетерпимо, чтобы советский хирург превращал операционную не то в православную часовню, не то в молельный дом старообрядцев. Рудзутак на прощанье сказал М.И.Слониму, что если бы ему, Рудзутаку, пришлось оперироваться, он ни в коем случае не лег бы под хирургический нож Войно.

"...Но почему же? Ведь Войно, несмотря на свои чудачества, остается блестящим хирургом, попасть на операцию к которому стремятся не только верующие, но и явные безбожники..."

Рудзутак пояснил, что он боится, а вдруг, мол, во время операции Войно окончательно сойдет с ума. Он, Рудзутак, предпочитает оперироваться у ничем не знаменитых, но несомненно нормальных хирургов.

Между тем, забастовка Войно продолжалась уже несколько дней. Врачи хирургического корпуса, засылавшиеся к нему в виде своего рода разведки, "доносили", что Войно все время работает

за письменным столом, что-то читает, что-то пишет. Уговаривать его было настолько бесполезно, насколько было бы бесполезно уговаривать в XVII веке протопопа Аввакума отказаться от двуперстного сложения.

Но в конце концов выход все же был найден. Вспомнили, что Войно не просто священник, а священник-монах, т.е. он является иеромонахом. В такой своей "ипостаси" он находится под абсолютной властью архиепископа, которому должен полностью подчиняться.

В те времена архиепископом Туркестанским был некто митрополит Никандр. Делегация из двух или трех врачей отправилась в его резиденцию. Оказалось, что митрополит неплохо разбирается в мирских делах. Он сразу сообразил, что для всей епархии будет совсем невыгодно, если один из пасомых им агнцев будет не в меру строптив и болтлив.

Митрополит сказал, что вызовет "отца Луку" (т.е. В.Ф.Войно-Ясенецкого) и с ним побеседует, что врачи могут спокойно идти домой. Он гарантирует, что "хирургический кризис" будет ликвидирован. Войно он вызвал к себе и разъяснил ему, что он — Войно — "совершает великий грех гордыни, ибо господь наш Иисус Христос претерпел с кротостью и смирением еще не такие надругательства со стороны нечестивых".

Словом, "благословляю тя отче на подвиг смирения; иди и твори помощь страждущим, несмотря на надругательства и хулу нечестивых".

Такова версия, которую сообщили нам лечившиеся у нас так называемые "жены-мироносицы". Этим именем иронически называли разных довольно дряхлых старух и истерических кликуш, которые всегда роятся в подворьях очередных владык.

Но, как бы там ни было, таковы были слова митрополита или иные, Войно на следующий день вышел на работу, прошел прямо в операционную и приступил к очередным операциям, несмотря на отсутствие иконы, которая с тех пор навсегда исчезла из операционной. Однако этим эпизод со вторым иконоборчеством Войно не окончился.

В те первые годы революции все спешило, все торопилось, все делалось с энтузиазмом. Словно все хотели поскорее наверстать упущенное или не опоздать к чему-либо новому, еще более важному. Поэтому по приезде профессоров из Москвы, как только подобралась значительная группа ученых-медиков, сразу же было организовано "Туркестанское медицинское научное общество". Оно не было дифференцировано на общество хирургов, терапевтов, невропатологов, окулистов и т.п. — оно обслуживало врачей

всех специальностей. Такая энциклопедичность имела свою положительную сторону для нас, молодых врачей того времени.

Президиум общества, состоявший из председателя, ученого секретаря, переизбирался ежегодно. Первые лет десять бессменным председателем Туркестанского медицинского научного общества был выдающийся ученый и педагог-невропатолог Михаил Алексеевич Захарченко. Первые два-три года, с 1920 по 1923 годы, мне довелось быть его помощником. Я был избран ученым секретарем общества.

От докладов отбоя не было. Заявки вытянулись в моем блокноте в длинную цепочку очереди. Заседания проходили очень аккуратно и точно в назначенные дни и часы. Они бывали раз в неделю, по вторникам, начинались ровно в 7 часов вечера, а кончались часто за полночь. Заседания проходили на втором этаже главного корпуса. В жаркие месяцы там было очень душно, и мы заседали, обливаясь потом. В холодные поздние осенние, зимние и весенние дни все сидели в шубах, шапках, галошах и все же слегка подмерзали. Часто заседать приходилось при тусклом свете свечи или чирага — узбекского глиняного светильника. Несмотря на это, зал был полон. Заседания охотно посещали не только все врачи клиник, но и огромное большинство врачей города.

Войно уже несколько раз читал свои доклады в этом обществе. Но на одно заседание он не явился, хотя в повестке дня стоял его доклад "О новом способе резекции коленного сустава". Через несколько дней он пришел в клинику к профессору Захарченко. Войно просил поставить его доклад на одном из ближайших заседаний. Разумеется, мы включили его доклад на ближайший вторник и поставили его первым. На заседание Войно явился как всегда в одежде православного священника.

Выше уже отмечалось, что этот его наряд давно всем примелькался, стал привычным. Войно спокойно стал за кафедру и своим негромким глуховатым голосом сделал следующее заявление: "Приношу, мол, обществу извинение, что я не читал доклад в назначенный для него день. Но случилось это не по моей вине. Это случилось по вине нашего комиссара здравоохранения Гельфгота, в которого вселился бес. Он учинил кощунство над иконой".

Воцарилось гробовое молчание. Даже молодежь не фыркнула. Все буквально остолбенели. Я тихонько толкнул локтем М.А.Захарченко и из любопытства шепнул: "Как же теперь быть-то? Это тоже заносить в протокол?" "Это про беса-то? Нет, не надо".

"Прошу Вас, Валентин Феликсович; беды нет, если мы прослушаем ваш доклад одним заседанием позднее намеченного".

"Бесноватый" комиссар Гельфгот никак не реагировал на эту своеобразную анафему православного иерея. Вот почему я на всю жизнь запомнил совершенно точное заглавие доклада — "О новом способе резекции коленного сустава".

Таковы некоторые навсегда запомнившиеся эпизоды из жизни и деятельности иеромонаха, а в дальнейшем архиепископа Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого.

Впрочем, вместе с монашеским постригом и принятием епископского сана перестали существовать и Валентин Феликсович и Войно-Ясенецкий. Вместо них на земле остался лишь смиренный раб божий иеромонах, а в дальнейшем архиепископ Лука. Это мне разъяснил сам В.Ф.Войно-Ясенецкий.

Нередко он публиковал свои научные труды в иностранных журналах — английских, французских, иногда итальянских. В них он всегда подписывался "архиепископ Лука".

Войно всегда оставался и врачом-хирургом, и иеромонахом или архиереем одновременно. Личность его отнюдь не была двойственной, наоборот, она была очень цельной, монолитной.

Это особенно ярко выявилось в годы второй мировой войны. Сам я не всегда был свидетелем его замечательной патриотической деятельности в те грозные годы. Поэтому могу привести здесь лишь некоторые факты, о которых тогда он либо писал своим ученикам и близким, либо рассказывал им при личных встречах.

Война застала Войно в Томске, где ему было разрешено жить до окончания длительной ссылки сперва в Туруханск, затем в Архангельскую область, затем в Красноярский край. Ему было разрешено работать в библиотеке медицинского института. Он был занят приведением в порядок основного труда своей жизни по гнойной хирургии.

Отбывая ссылку и затем живя в Томске, он все время оставался архиепископом. Правда, архиепископом не у дел,— архиепископом без епархии. Но он продолжал ходить в архиерейском одеянии.

С первого же дня войны на страницах «Епархиальных ведомостей» Московской патриархии стали появляться пламенные патриотические статьи Войно, призывающего верующих встать на защиту Родины, на защиту России.

Месяца через три после начала войны Войно сообщили, чтобы он был готов к утру следующего дня к полету, так как его отправляют самолетом в Москву по вызову тогдашнего комиссара здравоохранения Митерева.

Прямо с аэродрома, как был в архиерейской одежде, он был доставлен в комиссариат здравоохранения. Митерев встретил его

очень любезно, пожал руку, просил садиться. Разумеется, Митерев не называл его «владыкой» (обычная форма обращения верующих к архиерею), он звал его просто профессором. Так вот, мол, мы прекрасно знаем вас не только как крупнейшего хирурга и ученого, но и как пламенного русского патриота. Не согласитесь ли вы помочь нашей армии, нашим тяжело раненым бойцам? Мы предлагаем вам пост главного консультанта-хирурга большого сводного госпиталя в городе Пензе. Этот госпиталь явится своего рода коллектором для гнойных раненых, которых будут направлять сюда из госпиталей Рязани, Тулы и Козлова (ныне Мичуринск). Таким образом, госпиталь оборудуется специально для гнойных раненых. Это по прямой специальности Войно и, следовательно, он может в госпитале продолжать свою научную работу.

Войно отвечал, что он с величайшей охотой примет это место, однако при одном непременном условии — он ни в коем случае не снимет с себя архиепископского сана. Мало того, он хотел бы продолжать свою церковную деятельность.

По-видимому, для Митерева это не было неожиданностью. Он сказал, что урегулирует этот вопрос с Патриархом Алексием и в Кремле, в Комитете по делам православной церкви. Он попросил у Войно его паспорт. Войно решил, что это для отметки номера паспорта в журнале, где записывают время прихода и время ухода вызванного. Но минут через десять ему был вручен новый паспорт, в котором исчезли все судимости и все города-минусы.

Через несколько дней Войно был назначен главным хирургом-консультантом сводного Пензенского госпиталя. Кроме того, по ходатайству Патриарха Алексия ему было разрешено своего рода негласное совместительство в качестве архиепископа Рязанского, Тамбовского и не помню еще какого-то. Но в госпитале он всегда ходил в халате, одетом поверх архиерейской одежды.

В годы войны Войно накопил новые обширнейшие материалы по главному труду всей своей жизни — "Очерки гнойной хирургии".

По окончании войны присуждались Государственные премии за труды, выполненные во время войны. Войно был единственным ученым-медиком, получившим Государственную премию I-й степени, присужденную ему за "Гнойную хирургию". Государственная премия I-й степени принесла ему 200 тысяч рублей, которые он тотчас же отдал на нужды церкви.

По окончании войны Войно еще продолжал работать в сводном госпитале около года, пока оттуда не выписался последний больной. После этого Войно стал генерал-лейтенантом медицинской службы в отставке. А по его собственному ходатайству Пат-

риарх Алексий благословил его быть одновременно архиепископом Симферопольским и Крымским.

Остается добавить еще один эпизод, который является заключительным в жизни и деятельности В.Ф.Войно-Ясенецкого. Этот эпизод показывает, что до последних дней своей жизни он оставался и архиепископом и врачом-хирургом.

На склоне лет он мне писал, что у него очень ослабело зрение и нет уже прежней уверенности в руках. Поэтому он больше не может работать хирургом. Он считает, что полностью выполнил свой долг и перед практической и перед научной медициной. Да у него не остается и времени для хирурга, если бы он и смог продолжать в ней работать. У него обширнейшая епархия с десятками тысяч верующих и с десятками подвластных ему иереев. Все время занято делами епархии. Но он продолжает работать и в теоретической области. Пишет большой религиозно-философский труд. Я не помню названия этого труда. Кажется, что-то о бренности тела и о значении духовного начала в жизни человека.

Но оказалось, что медицину он все же не бросил. Отдыхавший со мною в санатории в Кисловодске профессор анатомии Симферопольского медицинского института В.В.Бобин сообщил, что архиепископа Луку, конечно, знает "весь Симферополь". Время от времени он появляется в своем неизменном архиерейском одеянии на заседаниях местного медицинского общества. Но докладов в нем не читает. Перед отъездом Н.Н.Бобина в Кисловодск Войно просил его прислать ему два хороших черепа. Он всегда должен их иметь перед собой, так как все время должен видеть отверстия, через которые из черепа выходят черепно-мозговые нервы. Это ему необходимо, так как по заданию МедГИЗа он готовит 2-е издание своей "Регионарной анастезии", вышедшей первым изданием еще в 1912 году. В данное время Войно месяца на три-четыре уехал в Москву по делам этого издания.

В последние месяцы своей жизни Войно почти совсем ослеп и был настолько слаб, что уже не мог больше совершать архиерейских богослужений.

Он скончался 11 июня 1961 года на 85-м году жизни.

В заключение хочется сказать несколько слов об отношении В.Ф.Войно-Ясенецкого к нам, своим прямым подчиненным и младшим товарищам по работе.

Прежде всего необходимо отметить, что, зная многих из нас как безнадежных безбожников, он никогда нам ничего не проповедовал, не агитировал, не стремился "направить на путь истинный", "вернуть в лоно православной церкви".

Вообще, Войно был терпим к инаковерующим. Среди его учеников было много евреев; одним из его ближайших друзей был упомянутый выше профессор М.И.Слоним.

Так же терпимо он относился к нам — безбожникам.

Приведу один эпизод, относящийся к 1925 или 1926 годам.

Как-то мы с женой и дочерью встретили на улице Войно, возвращавшегося с архиерейской службы, которая совершалась в большой, так называемой Сергиевской церкви.

Идя на архиерейскую службу или возвращаясь с нее, Войно не шел по улице, а "шествовал", монументальный, в архиерейском облачении, с клобуком на голове, с большим посохом в левой руке он медленно шел в сопровождении "одесную" и "ошую" от него попиков, которые едва достигали его плеча. Все время Войно поднимал правую руку и "благословлял" народ, стоявший по бокам тротуара. И народ, словно "колос от ветра, клонился долу".

Поравнявшись с нами, Войно остановился, со всеми троими просто поздоровался за руку — он никогда нам не навязывал своего пастырского благословения. Он улыбнулся и сказал: "Ну, здравствуйте, здравствуйте. Целое безбожное семейство по улице идет, и как только земля терпит". Как уже отмечалось выше, облик Войно был строг, суров и аскетичен, особенно суровы были его холодные, умные, внимательные глаза. Но иногда он как-то особенно искренне и дружески улыбался. Не я один, а все знавшие Войно хорошо помнят эту милую, детскую улыбку. По словам его сотрудниц, когда он улыбался, все улыбались ему в ответ, "словно солнышко выглянет".

Что касается его отношения к нам, прямым его подчиненным и младшим товарищам, то я имел случай указать, что мы не чувствовали в нем недоступного, сурового начальника, ни знаменитого сурового хирурга, сверху вниз смотрящего на нас, молодых, рядовых медицинских работников. Мы обращались к нему просто, как обращаются и к старшему, но близкому товарищу. Иногда обращались к нему даже по самым пустяковым вопросам, совсем не связанным с работой.

Совершенно иначе относился Войно к верующим, к своей пастве, "к агнцам пасомого им стада". Тут он был суров, непреклонен, неумолим и даже жесток. Отказы принятия исповеди, причащения, в отпущении грехов бывали нередко. А для глубоких стариков и старух это всегда бывало большим горем.

Приведу два случая, с которыми я знаком по личному опыту.

Некоторые старые люди знали, что я заведомый безбожник, хотя находился в хороших отношениях с архиепископом Лукой.

Особенно непримирим был Войно с представителями так называемой "Новой церкви". Как известно, в первые годы революции православная церковь раскололась на два "толка", на новую церковь и старую церковь.

Один восьмидесятилетний старик, который знал меня с моих детских лет, просил, чтобы я умолил владыку Луку принять от него "исповедь во грехах" и "приобщить его святых таинств". Он, мол, знает, что конец его очень близок, и для него было бы большим счастьем исповедаться и приобщиться у такого великого подвижника, как владыка Лука.

Я пообещал старику исполнить его просьбу. Вообще мне часто приходилось обращаться к Войно с просьбой принять того или иного больного, или даже съездить к нему на дом. В таких чисто медицинских консультациях Войно никогда никому из нас не отказывал.

Выслушав мою просьбу и узнав имя, отчество и фамилию этого старика, Войно категорически отказался его принять и с ним беседовать.

Я был крайне изумлен, так как все старые туркестанцы знали этого старика как ортодоксального, очень набожного православного. Этот 80-летний старик, кстати сказать, был очень крупным археологом и этнографом.

В ответ на выраженное мною полное недоумие Войно сказал, что ему известно, что этот старик принимал и принимает у себя иереев Новой церкви. Такому человеку он, епископ Лука, не может дать отпущение грехов.

Я возразил, что старик этот настолько наивен, что он совершенно не разбирается в современных вопросах, не видит разницы между старой и новой церковью и что отказ Войно несомненно причинит этому, ждущему своей смерти, человеку очень большое горе. Но Войно остался непреклонен.

Приведу еще один случай.

Одна старенькая учительница, тоже знавшая меня с раннего детства, жила рядом с Большим собором, еще стоявшим тогда на главной площади Ташкента. В этом соборе отправляли службу новоцерковники. Ей, мол, старой и дряхлой, очень далеко ходить в Сергиевскую церковь, хотя она считает себя староцерковницей. Она "молит" владыку Луку разрешить ей молиться в соборе. Войно категорически заявил, что если она не прекратит посещений богослужений в этой церкви, он категорически откажет ей и в исповеди, и в причастии. Старушка весьма убивалась, но таскала свои старые кости в далекую Сергиевскую церковь, хотя под боком был огромный собор.

Подобные эпизоды можно было бы привести и еще.

В коротеньком некрологе, напечатанном в "Медицинском работнике", В.Ф.Войно-Ясенецкий назван "человеком большой души".

Я счастлив, что на путях своей длинной жизни повстречал и довольно близко узнал Валентина Феликсовича.

Независимо от того, разделяем мы убеждения такого человека или категорически отрицаем их — общение с чужой большой душой всегда обогащает, всегда делает жизнь более содержательной, более интересной, а, следовательно, и более плодотворной.

В моей памяти Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий навсегда останется не как знаменитый хирург, не как выдающийся ученый, не как фанатичный приверженец определенного религиозного культа или темных предрассудков, но как человек большой человеческой души.

5 сентября 1961 года.

ЛИТЕРАТУРА О ХИРУРГЕ В.Ф.ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОМ— АРХИЕПИСКОПЕ ЛУКЕ

1. Ветелев А. прот. Архиепископ Лука (некролог)//Журнал Московской Патриархии. — 1961. № 8.
2. Войно-Ясенецкий. Биографическая справка//Большая Медицинская Энциклопедия, 3-е изд. Т. 4. — М., 1976.
3. Киммер Е. Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. К 100-летию со дня рождения // Журнал Московской Патриархии. 1977. № 4.
4. (Erzpriester A. Men)/ Erzbischof Lukas (Wojno-Jassenezki): Zum 100. Geburtstag. — Stimme der Orthodoxie. — Berlin, 1977. № 10.
5. Любить человека, служить Отечеству! // Человек и закон. — 1988. № 5.
6. Поповский М.А. Введение к книге архиепископа Луки — Войно-Ясенецкого "Дух, Душа, Тело." — Брюссель, 1988.
7. Грекова И. Два служения доктора Войно-Ясенецкого // Наука и религия. — 1986. № 8.
8. Варшавский С., Змойро И. Войно-Ясенецкий: две грани одной судьбы//Звезда Востока. — 1989. № 4.
9. Кассирский И. Воспоминания о профессоре В.Ф. Войно-Ясенецком // Наука и жизнь. — 1989. № 5.
10. Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого — епископа и хирурга // Октябрь. — 1990. №№2, 3, 4.
11. Лука (Войно-Ясенецкий) архиеп. "Я полюбил страдание" Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского. —М., 1996.
12. Введение к книге архиепископа Луки — Войно-Ясенецкого "Дух, Душа, Тело" —М., 1997.

Текст рукописи подготовили Г.А.Пугаченкова и Л.И.Жукова.

ПИСЬМО ИЗ НЕВОЛИ

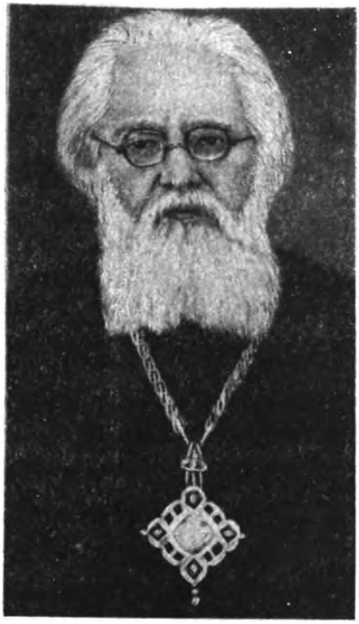


Рис. 51. Архиепископ Лука.

В Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан в личном фонде митрополита Никандра (ф. Р - 429, оп. 1, д. 38, л. 4, 5) имеется рукопись четвертой копии письма епископа Луки (Войно-Ясенецкого), написанного им после ареста на имя уполномоченного Постоянного представительства ГПУ (Главное Политическое Управление) в Туркреспублике тов. Русанову. Письмо, как исторический источник, до сих пор не было введено в научный оборот. Его копия сделана лично владыкой Лукой.

Это была первая репрессия крупного ученого, медика-практика и священнослужителя, последовавшая 10 июня 1923 года, вскоре после назначения его главой Ташкентской и Туркестанской кафедрой Русской православной церкви.

Вот как о данном отрезке своей биографии пишет сам архиепископ Лука. "Меня посадили в подвал ГПУ. Первый допрос был совершенно нелепым. Меня спрашивали о знакомстве с совершенно неведомыми мне людьми, о сообществе с оренбургскими казаками, о которых я, конечно, ничего не знал.

Однажды ночью вызвали на допрос, продолжавшийся два часа. Его вел очень крупный чекист, который впоследствии занимал очень видную должность в московском ГПУ*). Он допрашивал меня о моих политических взглядах и моем отношении к советской власти. Услышав, что я всегда был демократом, он поставил вопрос ребром: так кто же вы — друг наш или враг наш? Я отве-

*) Согласно исследованиям его биографа М. Поповского, это был Ян Петерс — известный большевик, работавший в Туркестане.